

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025, том 8, № 2

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2025, volume 8, No. 2

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2025, том 8, № 2

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском языках*. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камиловна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986

ГК «Урал-Пресс»

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирзянов Алфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2025, volume 8, No. 2

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<ul style="list-style-type: none"> • Педагогика. Методология и технология профессионального образования Шамне Н.Л., Милованова М.В. Использование цифровых технологий в рамках коммуникативного аспектного обучения неродному языку 	153
<ul style="list-style-type: none"> • Филология. Русская литература и литература народов Российской Федерации Кафанова О.Б. Сад как зеркало любовно-семейных отношений в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье» 	166
<ul style="list-style-type: none"> • Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика Бородулина Л.О. Матричный язык vs. гостевой язык в условиях миграции (на примере итало-американского сообщества) 	180
Вергасова И.Я., Тахтарова С.С. Игровое словотворчество: морфологические и неосемантические трансформации (на материале французского языка)	194
Дмитриев А.В., Крупнова Е.С. Автоматическое распознавание лексических заимствований в корпусе текстов	204
Kochkin Á.A., Gouveia V.M. Una Mirada a la Memoria y el Discurso: las Interfaces de la Brasilidad en la Constitución del ser Brasileño	218
Красавский Н.А. Концептосфера эмоций в повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора»	227
Лаврухина А.В. Частные проявления феномена прецедентности в современном немецкоязычном биографическом дискурсе	238
Лю Ди. Лексикография перевода в учебниках по русско-китайскому переводу, изданных в Китае	249
Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Переводческий анализ метафор в китайской и русской поэзии (на примере произведений Ли Юя)	264
Палашевская И.В., Сармад М.О. Аль-Бирмани. Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский языки	273
Шарикова Ф.Н. Способы образования спортивных терминов в английском языке на примере зимних видов спорта	290

CONTENT

<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogy. Methodology and technology of vocational education 	
Shamne L.N., Milovanova M.V. Using Digital Technologies in the Framework of Communicative Aspect Teaching a Foreign Language	153
<ul style="list-style-type: none"> • Philology. Russian literature and literature of the Peoples of the Russian Federation 	
Kafanova O.B. The Garden as a Mirror of Love and Family Relationships in the Story by L.N. Tolstoy “Family Happiness”	166
<ul style="list-style-type: none"> • Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics 	
Borodulina L.O. Matrix language vs. guest language in the context of migration (the case of the Italian-American community)	180
Vergasova I.Ya., Takhtarova S.S. Game Word-Making: Morphological and Neosemantic Transformations (a Case Study of the French Language)	194
Dmitrijev A.V., Krupnova E.S. Automatic Detection of Lexical Loanwords in a Text Corpus	204
Kochkin A.A., Gouveia V.M. A Look at the Memory and Discourse: The Interfaces of the Brazilianness in the Constitution of the Brazilian Being	218
Krasavsky N.A. The Conceptual Sphere of Emotions in Hermann Hesse's Novel “The Last Summer of Klingsor”	227
Lavrukhina A.V. Particular Manifestations of the Phenomenon of Precedent in Modern German Biographical Discourse	238
Liu Di. Lexicography of Translation in Textbooks on Russian-Chinese Translation Published in China	249
Ni Siyu, Fatkullina F.G. Translation Analysis of Metaphors in Chinese and Russian Poetry (On the Example of Works by Li Yu)	264
Palashevskaya I.V., Sarmad M.O. Al-Bearmany. Methods for Translating Metaphors in the Qur'an into English and Russian	273
Sharikova F.N. Methods of word formation of sports terms by the example of winter sports	290

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 372.881.111.22

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОГО АСПЕКТНОГО
ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ**

Н.Л. Шамне¹, М.В. Милованова²

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

¹ nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

² mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения искусственного интеллекта, в частности ChatGPT, в практике преподавания иностранных языков. Обосновывается эффективность такого рода языковых моделей как дополнительных инструментов для формирования языковых умений и навыков в процессе коммуникативного аспектного обучения студентов-инофонов, способствующих повышению мотивации, персонализации обучения, экономии учебного времени. На примере изучения немецкого языка в туркменской аудитории приводятся определенные виды работ в рамках лексического и грамматического аспектов с использованием ChatGPT: постановка общего вопроса по теме, расширение словарного запаса, знакомство с грамматическими конструкциями, построение диалога, создание ментальной карты и др. Особо подчеркивается ведущая роль преподавателя (сопровождение, корректировка) в паре «обучающий – обучаемый». На основе имеющегося опыта использования ИИ в практике преподавания языков выделяются плюсы и минусы такого рода деятельности: с одной стороны – одновременная работа с иностранным языком (немецким) и родным языком (туркменским), объяснение языковых фактов с приведением примеров, с другой стороны – отсутствие абсолютной точности при переводе с родного языка на немецкий язык и наоборот, статичность. Предлагаются направления дальнейшего изучения возможностей применения моделей ИИ в процессе обучения языкам.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ChatGPT; неродной язык; аспектное обучение; языковые умения и навыки

Для цитирования: Шамне Н.Л., Милованова М.В. Использование цифровых технологий в рамках коммуникативного аспектного обучения неродному языку. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 153–165. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>

USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FRAMEWORK OF COMMUNICATIVE ASPECT TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

N.L. Shamne¹, M.V. Milovanova²

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

² mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Abstract. The article considers the possibility of using artificial intelligence, in particular ChatGPT, in the practice of teaching foreign languages. The effectiveness of such language models as additional tools for the formation of language skills and abilities in the process of communicative aspect teaching of foreign students is substantiated, contributing to increased motivation, personalization of learning, and saving of study time. Using the example of studying German in a Turkmen audience, certain types of work are presented within the framework of the lexical and grammatical aspects using ChatGPT: posing a general question on the topic, expanding vocabulary, familiarizing with grammatical constructions, building a dialogue, creating a mental map, etc. The leading role of the teacher (support, correction) in the “teacher – learner” pair is particularly emphasized. Based on the existing experience of using AI in the practice of teaching languages, the pros and cons of this type of activity are highlighted: on the one hand, simultaneous work with a foreign language (German) and the native language (Turkmen), explanation of linguistic facts with examples, on the other hand, the lack of absolute accuracy when translating from the native language into German language and vice versa, staticity. Directions for further study of the possibilities of using AI models in the process of language teaching are proposed.

Keywords: artificial intelligence; ChatGPT; non-native language; aspect-based learning; language skills and abilities

For citation: Shamne L.N., Milovanova M.V. Using Digital Technologies in the Framework of Communicative Aspect Teaching a Foreign Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 153–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>

Быстрое развитие искусственного интеллекта (ИИ) в современном обществе привело к его интеграции во многие сферы, включая образование. Цифровые инструменты приобрели важное значение в области изучения иностранных языков. В практике преподавания неродного языка используются различные технологические инструменты для формирования языковых умений и навыков обучающихся. К ним относятся разнообразные онлайн приложения, онлайн-платформы для изучения языков, виртуальные классы и игры и др. Однако преподаватели не всегда используют различные возможности цифровых технологий, некоторые по-прежнему предпочитают традиционные методы в обучении неродному языку. Учитывая современные тенденции развития общества в це-

лом и системы образования в частности, мы можем говорить о том, что традиционные методы уже не являются достаточными для удовлетворения потребностей обучающихся. Изобретение ИИ привело к «экстремальным переменам» [1, с. 303].

Многие ученые отмечают, что чат-боты могут стимулировать интерес у изучающих иностранный язык [2; 3], улучшать их языковые навыки и помогать им сохранять мотивацию [4; 5]. Некоторые авторы обращают внимание на эффективность ИИ при дистанционном и самостоятельном обучении [6; 7], указывая на большие возможности ИИ в профессиональном обучении, еще не до конца изученные с точки зрения прикладного аспекта [8].

Одной из активно используемых в образовательном процессе является языковая модель на базе искусственного интеллекта ChatGPT (разработана OpenAI). ChatGPT способен предоставлять квалифицированные ответы, обобщая информацию, которую он получает через Интернет. В этом плане указанную языковую модель можно соотнести с поисковой системой Google. Однако Г. Бирер отмечает, что если Google предоставляет пользователю все варианты, связанные с искомой темой, т.е. различные источники, ChatGPT дает пользователю ответ гораздо быстрее, делая ряд предположений [9, с. 36]. Отвечая на вопросы, ChatGPT воздерживается от ссылок на источники, используя информацию из Интернета, и предоставляет изучающим язык доступ к богатому контенту, интерактивным упражнениям и обратной связи в режиме реального времени, что может привести к улучшению языковых навыков.

ChatGPT, управляемый искусственным интеллектом, зарекомендовал себя как эффективный инструмент для развития и совершенствования языковых навыков. Он обладает достаточно эффективным потенциалом для вовлечения обучающихся в решение интерактивных и коммуникативных задач, тем самым способствуя усвоению языка, и поддерживает развитие таких видов речевой деятельности, как аудирование, говорение, чтение и письмо.

В контексте изучения иностранных языков интеграция инструментов искусственного интеллекта, таких как ChatGPT, продемонстрировала многообещающие

щающий потенциал. Например, обучающиеся могут участвовать в диалоговом взаимодействии с помощью ChatGPT, что дает возможность практиковать и совершенствовать свои навыки говорения и аудирования. Кроме того, ChatGPT может предлагать обучающимся персонализированную обратную связь по мере постепенного продвижения в рамках чтения и письма, тем самым способствуя развитию у них навыков понимания прочитанного и письменного выражения мыслей.

Но следует обратить особое внимание на необходимость обязательного сопровождения преподавателем деятельности студентов для обеспечения безопасного и эффективного использования данной языковой модели, поскольку ChatGPT (как и другие модели ИИ) может генерировать неполные или неточные ответы, требующие корректировки. Преподаватели должны активно включаться в учебный процесс при использовании ИИ и давать дополнительные пояснения, исправлять ошибки, разрешать различные неясности, которые могут возникнуть в ходе взаимодействия с ChatGPT. Это подчеркивает значимость человеческого фактора в языковом образовании, где опыт и руководство преподавателя дополняют преимущества инструментов искусственного интеллекта.

Многие ученые также обращают внимание на то, что хотя искусственный интеллект и предлагает эффективные решения традиционных проблем в преподавании, таких как недостаток внимания и мотивации у обучающихся, а также сложность учета индивидуальных различий, тем не менее, необходимо помнить, что не все преподаватели лингвистических дисциплин и студенты, изучающие языки, обладают передовыми цифровыми навыками, обеспечивающими возможность успешно справляться с рисками и недостатками использования цифровых инструментов на основе ИИ [5, с. 10].

Для развернутой оценки использования чата ChatGPT в процесс изучения иностранного языка необходимо обратиться непосредственно к практике. Сбор данных осуществлялся на основе взаимодействия преподавателя (исследователя) с ChatGPT. В статье приводятся полученные письменные диалоги из запросов без изменений. В качестве учебной группы, в которой на занятиях исполь-

зовался чат ChatGPT, была взята группа студентов из Туркменистана, изучающая немецкий язык уровня A1 (начальный уровень).

Обратим внимание, что в таких учебных группах возникают особые сложности при изучении иностранного языка – немецкого, английского, поскольку русский язык для студентов также является иностранным и владеют они им, как правило, на недостаточном уровне. Использование ИИ помогает облегчить восприятие языкового материала и сэкономить учебное время.

Приведем используемые нами в туркменской аудитории виды работ с привлечением ИИ при изучении немецкого языка в рамках таких аспектов, как лексика и грамматика.

При изучении немецкого языка в учебниках уровня A1 представлена тема «Приветствие. Знакомство», однако учебники, как правило, не являются этноориентированными. Использование ChatGPT позволяет ускорить процесс изучения темы и снять возможную лакуарность. Приведем пример запроса (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Общий вопрос по теме

Лексика. Тема: «Приветствие. Знакомство»	
Преподаватель	Какие формы приветствия существуют в немецком языке с их переводом на туркменский язык?
ChatGPT	<p>В немецком языке существует несколько форм приветствия. Вот некоторые из них, вместе с переводом на туркменский язык:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Hallo - Привет <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Salam 2. Guten Morgen – Доброе утро <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Ertiriňiz haýyrly bolsun 3. Guten Tag – Добрый день <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Günüňiz haýyrly bolsun 4. Guten Abend – Добрый вечер <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Agşamyňyz haýyrly bolsun 5. Tschüss – Пока (неформальное прощание) <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Hoşlaşmak 6. Auf Wiedersehen – До свидания (формальное) <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Hoşlaşýarys 7. Wie geht's? – Как дела? <ul style="list-style-type: none"> ○ Туркменский: Ýagdaýlaryňyz nähili? <p>Эти выражения различаются по формальности и ситуации, в которой их используют.</p>

Как свидетельствует Таблица 1, ChatGPT смог привести распространенные формы приветствия на немецком языке, дал их эквиваленты на туркменском языке и помимо этого привел некоторую дополнительную информацию.

Использование ИИ в рамках других тем, которые требуют запоминания новой лексики, способствует расширению словарного запаса применительно к лексикону изучаемого языка и также экономит учебное время (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Словарный запас по теме

Лексика. Тема: «Страны и языки»	
Преподаватель	Как называются страны на немецком и туркменском языках?
ChatGPT	<p>Вот некоторые страны Европы с их названиями на немецком и туркменском языках:</p> <ol style="list-style-type: none"> Германия <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Deutschland Туркменский: Germaniýa Франция <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Frankreich Туркменский: Fransiýa Италия <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Italien Туркменский: Italiýa Испания <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Spanien Туркменский: Ispaniýa Великобритания <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Vereinigtes Königreich Туркменский: Beýik Britaniýa Чехия <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Tschechische Republik Туркменский: Çehiýa Норвегия <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Norwegen Туркменский: Norwegiýa Швеция <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Schweden Туркменский: Şwesiýa Дания <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Dänemark Туркменский: Daniýa Нидерланды <ul style="list-style-type: none"> Немецкий: Niederlande

○ Туркменский: Gollandiýa

Как мы видим из Таблицы 2, ChatGPT смог дать правильные названия стран на немецком языке и их эквиваленты на туркменском языке. По запросу список можно расширить.

Проиллюстрируем возможности использования ChatGPT в рамках аспекта грамматики (см.: Таблицу 3).

Таблица 3. Грамматические правила (спряжение глаголов)

Грамматика. Тема: «Спряжение глаголов в настоящем времени и личные местоимения»	
Преподаватель	Как спрягать глаголы в настоящем времени в немецком языке, пожалуйста, объясните с приведением примеров.
ChatGPT	<p>В немецком языке глаголы в настоящем времени спрягаются в зависимости от лица и числа. Основные окончания для регулярных глаголов в настоящем времени следующие:</p> <p>ich (я) – окончание -e du (ты) – окончание -st er/sie/es (он/она/оно) – окончание -t wir (мы) – окончание -en ihr (вы, мн. число, неформально) – окончание -t sie/Sie (они/Вы, вежливая форма) – окончание -en</p> <p>Рассмотрим на примерах глагол «spielen» (играть):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Ich spiele</i> (Я играю). Пример: <i>Ich spiele gern Fußball</i> (Мне нравится играть в футбол) 2. <i>Du spielst</i> (Ты играешь). Пример: <i>Du spielst Klavier sehr gut</i> (Ты очень хорошо играешь на пианино) 3. <i>Er/sie/es spielt</i> (Он/она/оно играет). Пример: <i>Sie spielt im Theater</i> (Она играет в театре) 4. <i>Wir spielen</i> (Мы играем) <p>Важно отметить, что эти правила представляют собой лишь общее понятие о спряжении глаголов в настоящем времени. Существуют исключения и отдельные особенности. Изучение спряжений через примеры и упражнения – хороший способ усвоить правила.</p>

Таблица 3 показывает, что ChatGPT дает исчерпывающее объяснение на уровне владения языком A1 того, как спрягать глаголы в настоящем времени, при этом уточняет, что данная информация не является конечной.

Помимо приведенных видов работы с применением ИИ, продемонстрируем возможности использования ChatGPT в рамках такого вида речевой деятельности, как говорение, в частности построение диалогов по заданной тематике на уровне владения языком A1 (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Построение диалога

Говорение. Тема: «Магазин»	
Преподаватель	Напиши диалог на тему «Покупки в супермаркете» на немецком языке на уровне языка A1.
ChatGPT	<p>Диалог на тему «Покупки в супермаркете»</p> <p>Сцена: в супермаркете Анна и Петр выбирают продукты</p> <p>Анна: Hallo, Peter! Kaufst du heute etwas?</p> <p>Петр: Ja, hallo Anna! Ich kaufe Brot und Milch. Und du?</p> <p>Анна: Ich brauche Obst und Gemüse. Was ist dein Lieblingsobst?</p> <p>Петр: Ich mag Äpfel. Und du?</p> <p>Анна: Ich liebe Bananen! Wo sind die Äpfel?</p> <p>Петр: Die Äpfel sind dort, in der Obstabteilung</p> <p>Анна: Danke! Ich hole ein paar Äpfel. Hast du eine Einkaufsliste?</p> <p>Петр: Ja, ich habe eine Liste. Ich brauche auch Eier und Käse.</p> <p>Анна: Die Eier sind hier, in der Kühlabteilung</p> <p>Петр: Gut! Und der Käse ist neben der Milch</p> <p>Анна: Super! Hast du Kleingeld für die Kasse?</p> <p>Петр: Ja, ich habe 5 Euro dabei. Und du?</p> <p>Анна: Ich habe auch genug Geld. Lass uns zur Kasse gehen</p> <p>Петр: Gute Idee!</p> <p>Анна: Tschüss, bis später!</p> <p>Петр: Tschüss, Anna!</p>

В таблице 4 представлен диалог, подготовленный чат-ботом на тему «Покупки в супермаркете». Созданный диалог соответствует уровню языка A1 и характеризуется реалистичностью и смысловой последовательностью.

Приведем также возможности использования указанной языковой модели применительно к структурированию информации, к обобщению применительно к той или иной изучаемой теме, например, чат-бот создает ментальную карту, которая может быть далее использована на занятии для работы с лексическим материалом, развития устной речи, чтения текстов (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Создание ментальной карты

Письмо. Тема: «Еда и напитки»	
Преподаватель	Составь ментальную карту на тему еды и напитков на немецком языке
ChatGPT	<p>1. Основные продукты питания (Grundnahrungsmittel)</p> <p>Хлеб (Brot)</p> <p>Картофель (Kartoffeln)</p> <p>Рис (Reis)</p> <p>Макароны (Nudeln)</p> <p>2. Фрукты (Obst)</p>

	<p>Яблоки (Äpfel)</p> <p>Бананы (Bananen)</p> <p>Апельсины (Orangen)</p> <p>Ягоды (Beeren)</p> <p>3. Овощи (Gemüse)</p> <p>Морковь (Karotten)</p> <p>Брокколи (Brokkoli)</p> <p>Помидоры (Tomaten)</p> <p>Перец (Paprika)</p> <p>4. Мясо и рыба (Fleish und Fisch)</p> <p>Курица (Hähnchen)</p> <p>Говядина (Rindfleisch)</p> <p>Свинина (Schweinefleisch)</p> <p>Рыба (Fisch)</p> <p>5. Молочные продукты (Milchprodukte)</p> <p>Молоко (Milch)</p> <p>Йогурт (Joghurt)</p> <p>Сыр (Käse)</p> <p>Масло (Butter)</p> <p>6. Напитки (Getränke)</p> <p>Вода (Wasser)</p> <p>Сок (Saft)</p> <p>Газировка (Limonade)</p> <p>Алкоголь (Alkohol)</p> <p>Пиво (Bier)</p> <p>Вино (Wein)...</p> <p>Эта ментальная карта предоставляет обзор различных категорий еды и напитков на немецком языке. Вы можете добавить дополнительные подкатегории или элементы в зависимости от ваших интересов</p>
--	--

Мы привели фрагмент ментальной карты. Помимо приведенных пунктов в Таблице 5, чат-бот также включил в заданную ментальную карту *Десерты*; *Специи и приправы*, а также *Кухни мира*. Обратим внимание, что ChatGPT предлагает уточнить данную интеллект-карту.

ChatGPT может быть использован также в рамках других более сложных видах работ в процессе изучения неродного языка, в частности: 1) исправление в тексте грамматических ошибок, при этом ChatGPT продемонстрировал не только способность обнаруживать ошибки, но и правильно их интерпретировать и производить коррекцию текста; 2) перевод короткого текста с немецкого языка (из учебника уровня A1) на туркменский язык. В данном случае отмече-

ны незначительные ошибки, однако в целом ChatGPT перевел текст достаточно близко к оригиналу; 3) семантизация немецких лексем (в рамках определенной темы) и поиск возможных эквивалентов в туркменском языке (работа с синонимами и антонимами). Применительно к этому виду работы ChatGPT представил значения приведенных лексем на немецком языке, их возможные эквиваленты в туркменском языке с приведением примеров; 4) лингвострановедческая работа – здесь ChatGPT демонстрирует широкие возможности, например, отвечая на вопросы о количестве федеральных земель в Германии с приведением их названий, о типичных местных заведениях, где можно поесть (*die Lokale*) также с приведением их категорий (*Biergarten, Brauhaus, Gasthaus/Gasthof, Weinstube* и др.); 4) составление заданий по определенной теме (например, описание понятия через его признаки и выбор соответствующей лексики).

Итак, подведем некоторые итоги использования ChatGPT в практике преподавания неродного языка. Прежде всего выделим плюсы. ChatGPT умеет: 1) отвечать на общие вопросы; 2) приводить значение лексем на немецком и туркменском (в нашем случае) языках; 3) объяснять грамматические конструкции с примерами; 4) составлять простые диалоги; 5) создавать ментальные карты на определенную тему; 6) понимать краткие тексты на немецком и туркменском языках и исправлять ошибки; 7) переводить тексты с немецкого языка на туркменский и наоборот. Однако практика применения данной языковой модели позволила выявить также отдельные недостатки: 1) ChatGPT не может работать с устной речью – слышать ее и продуцировать; 2) не понимает естественную динамику коммуникации; 3) не распознает человеческие чувства с точки зрения эмпатии и соответственно не может на это реагировать; 4) владеет информацией только на текущий момент; 5) при более сложных видах работы (корректировка текста) отсутствует абсолютная точность; 6) не понимает узкопрофессиональные беседы и соответственно не может реагировать.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что ChatGPT (и, по-видимому, другие языковые модели ИИ) может использоваться в

качестве дополнительного инструмента в рамках конкретных аспектов изучения неродного языка. Обе стороны образовательного процесса (преподаватель – студент) должны учитывать определенные ограниченные возможности использования ИИ, особенно что касается устного общения и актуальной информации.

В целом следует отметить, что ИИ (и в частности ChatGPT) играет важную роль в продвижении изучения иностранных языков и помогает обучающимся развить базовые языковые навыки, а также персонализировать обучение. Как показал проведенный нами анализ применения языковой модели ИИ в практике преподавания неродного языка, данная модель обладает большим функционалом и является эффективным и адаптируемым инструментом для изучения языка.

Дальнейшие исследования в области использования ИИ в практике преподавания неродного языка должны быть направлены, безусловно, на дальнейшую доработку имеющихся возможностей и более последовательное и гармоничное интегрирование такого рода языковых моделей в процесс преподавания. Следует более детально изучить влияние ChatGPT на мотивацию в процессе изучения неродного языка, сравнить возможности различных видов искусственного интеллекта в практике преподавания языков с целью определения их сильных и слабых сторон и дальнейшей интеграции в процесс обучения. Возможно также проведение экспериментальных исследований, направленных на анализ влияния искусственного интеллекта на развитие языковых навыков (продуктивных, рецептивных) и субкомпетенций (грамматика, словарный запас).

Список литературы

1. Алексеева И.С., Бояркина А.В., Просюкова К.О., Тахтарова С.С. Дидактика перевода и трилингвизм: новый потенциал. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(2):302–318. DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318.
2. Baskara R., Mukarto F.X. Exploring the Implications of ChatGPT for Language Learning in Higher Education. *Indonesian Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 2023;7(2):343–358. DOI: [10.21093/ijeltal.v7i2.1387](https://doi.org/10.21093/ijeltal.v7i2.1387).
3. Hong W., Cheong H. The impact of ChatGPT on foreign language teaching and learning: opportunities in education and research. *Journal of Educational Technology and Innovation*. 2023;5(1):37–45. DOI: [10.61414/jeti.v5i1.103](https://doi.org/10.61414/jeti.v5i1.103)
4. Ирисметов А.И., Казакова У.А. Особенности обучения специалистов предприятий нефтегазового комплекса на основе цифровых технологий. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):413–428. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.413-428>.

5. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou Di ChatGPT for language teaching and learning. *RELC-Journal*. 2023;4(1):1–14. DOI:[10.1177/00336882231162868](https://doi.org/10.1177/00336882231162868).

6. Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность. *Мир науки, культуры, образования*. 2024;1(104):360–363.

7. Панасенков Н.А., Лузганова А.А. Опыт применения платформы “Knowt” в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку на основе кейсовой методики. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):279–288. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.279-288>.

8. Васильева В.И. Особенности применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4):423–435. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>.

9. Birer G. C. ChatGPT. *TÜBİTAK Bilim ve Teknik Dergisi*. 2023;56(662):36–37.

References

1. Alekseeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S. Translation didactics and trilingualism: the educational potential. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(2):302–318. (In Russ.). DOI: [10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318](https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318).

2. Baskara R., Mukarto F.X. Exploring the Implications of ChatGPT for Language Learning in Higher Education. *Indonesian Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 2023;7(2):343–358. DOI:[10.21093/ijeltal.v7i2.1387](https://doi.org/10.21093/ijeltal.v7i2.1387).

3. Hong W., Cheong H. The impact of ChatGPT on foreign language teaching and learning: opportunities in education and research. *Journal of Educational Technology and Innovation*. 2023;5(1):37–45. DOI:[10.61414/jeti.v5i1.103](https://doi.org/10.61414/jeti.v5i1.103)

4. Irismetov A.I., Kazakova U.A. Peculiarities of Training Specialists Oil and Gas Complex Enterprises on the Basis of Digital Technologies. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3):413–428. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.413-428>.

5. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou Di ChatGPT for language teaching and learning. *RELC-Journal*. 2023;4(1):1–14. DOI:[10.1177/00336882231162868](https://doi.org/10.1177/00336882231162868).

6. Kondrakhina N.G., Petrova O.N. The use of artificial intelligence power to teach foreign languages: a new reality in education. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2024;1(104):360–363. (In Russ.).

7. Panasenkov N.A., Luzganova A.A. “Knowt” Internet Platform Implementation to the Profession-oriented Foreign Language Training Course Based on Case-study Method. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3):279–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.279-288>.

8. Vasileva V.I. Features of Using VR Technology in Teaching Foreign Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4):423–435. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>.

9. Birer G. C. ChatGPT. *TÜBİTAK Bilim ve Teknik Dergisi*. 2023;56(662):36–37.

Авторы публикации

Шамне Николай Леонидович –

Профессор

Волгоградский государственный университет

Волгоград, Россия

Email: nikolay.shamne@volsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Милованова Марина Васильевна –

Профессор

Волгоградский государственный университет

Волгоград, Россия

Email: mv_milovanova@volsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Authors of the publication

Shamne Nikolay Leonidovich –

Professor

Volgograd State University

Volgograd, Russia

Email: nikolay.shamne@volsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Milovanova Marina Vasilievna –

Professor

Volgograd State University

Volgograd, Russia

Email: mv_milovanova@volsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Раскрытие информации о конфликте

интересов

Автор заявляет об отсутствии

конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Article info

Поступила в редакцию: 05.05.2025

Одобрена после рецензирования: 10.05.2025

Принята к публикации: 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Submitted: 05.05.2025

Approved after peer reviewing: 10.05.2025

Accepted for publication: 25.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 82.09

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.166-179>

**САД КАК ЗЕРКАЛО ЛЮБОВНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»**

О.Б. Кафанова

Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций, г. Санкт-Петербург, Россия
olg_kaf@mail.ru

Аннотация. В статье, посвященной направлению 5.9.1. Русская литература и литературы народов РФ (филологические науки) рассматривается проблема любви и семейного счастья женщины в повести Л. Толстого «Семейное счастье» (1859). Цель исследования – проследить, как через сад, который служит своеобразным зеркалом, отражается психологическое состояние главной героини. Произведение создавалось в период бурных споров в России о женщине. Толстой, задолго до своей женитьбы, задумывался об идеале брака. Равнодушный к женскому вопросу, он ограничивал счастье женщины чувством любви к детям и их отцу. На основе историко-литературного и биографического методов анализа выясняется, что писатель был поэтом, когда он изображал в повести первую влюбленность. Интимное пространство сада, особенно при лунном свете, становится катализатором любовного сюжета. Сад играет роль зеркала, отражающего концепцию жизни как праздника. Однако женщине Толстой неумолимо лишает поэзии, что отражается в очень будничном и прозаическом описании сада во второй части произведения, когда героиня становится женой и матерью. Феноменологический подход позволяет выявить, что идеология превалирует над психологической правдой.

Ключевые слова: семейное счастье; женский вопрос; сад как зеркало; катализатор любовного сюжета; идеология; психологическая правда

Для цитирования: Кафанова О.Б. Сад как зеркало любовно-семейных отношений в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье». *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 166–179. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.166-179>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.166-179>

**THE GARDEN AS A MIRROR OF LOVE AND FAMILY RELATIONS IN
L.N. TOLSTOY'S STORY "FAMILY HAPPINESS"**

O.B. Kafanova

St. Petersburg Institute of Business and Innovation, St. Petersburg, Russia
olg_kaf@mail.ru

Abstract. The article, devoted to direction 5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the RF (philological sciences) examines the problem of love and family happiness of a woman in L. Tolstoy's story "Family Happiness" (1859). The purpose of the study is to trace how the psychological state of the main character is reflected through the garden, which serves as a kind of mirror. The work was created during a period of heated debate in Russia about women. Tolstoy, long before his marriage, thought about the ideal of marriage. Indifferent to the women's issue, Tolstoy limited a woman's happiness to a feeling of love for children and their father. Based on historical, literary and biographical methods of analysis, it turns out that the writer was a poet when he

depicted his first love in the story. The intimate space of the garden, especially in the moonlight, becomes a catalyst for a love story. The garden plays the role of a mirror, reflecting the concept of life as a holiday. The garden plays the role of a mirror, reflecting the concept of life as a holiday. However, Tolstoy inexorably deprives the woman of poetry, which is reflected in the very everyday and prosaic description of the garden in the second part of the work, when the heroine becomes a wife and mother. The phenomenological approach reveals that ideology prevails over psychological truth.

Key words: family happiness; women's issue; garden as a mirror; catalyst of a love plot; ideology; psychological truth

For citation: Kafanova O.B. The Garden as a Mirror of Love and Family Relationships in the Story by L.N. Tolstoy “Family Happiness”. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 166–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.166-179>

Введение. В 1859 г. в России появилось произведение Л. Толстого, одной из главных тем которого стало счастье женщины, и шире – семейное счастье. Он создал его в 1858 г., а опубликовал в 1859 г., при этом назвал «романом», хотя по всем жанровым признакам это скорее повесть. Произведение оказалось очень актуальным, поскольку создавалось в период бурных споров в России о женщине, женском образовании. В 1840-е гг. русская культура переживала горячие дискуссии о Жорж Санд; петербургские и московские западники моделировали по сюжетам ее новых произведений свое повседневное поведение [1]. Одновременно обсуждались новые западные сочинения, в том числе французского историка Ж. Мишле (Michelet, 1798–1874). Евгения Тур (Салиас де Турнемир) публикует в «Русском вестнике» (1859) свои «Парижские письма», в которых резко критикует Мишле за сведение женщины до уровня животного, хотя и красивого, наподобие птички [2]. В подобном отношении сказала точка зрения женщины, не желающей мириться с унижением, которому ее подвергает автор-мужчина. Именно в этой атмосфере активного обсуждения женского вопроса, как полагал Б. Эйхенбаум, у Л. Толстого возникает замысел его книги.

Сад, занимающий в повести Толстого центральное место, – является моделью мироздания, которую человек создает сообразно своим представлениям о прекрасном. Он вбирает в себя взгляд на мироустройство того, кто его возделывает.

В статье используются **историко-литературный и биографический методы анализа**. С одной стороны, привлекаются дискуссионные произведения эпохи, посвященные проблеме существования женщины в современном мире. Вместе с тем широко используется эпистолярный молодой писателя, позволяющий реконструировать его идеал молодой женщины, с которой он мог бы связать свою жизнь. Б.М. Эйхенбаум справедливо полагал, что идеи Мишле оказались близкими Толстому. Своего рода перекличку с идеями его книг – «Любовь» («L'Amour», 1858) и «Женщина» («La Femme», 1859) авторитетный ученый увидел в одном из писем Валерии Арсеньевой, соседке по имению, которой Толстой в то время увлекся [7]. В письмах к Арсеньевой сам Толстой выступает под именем Храп.[овицкого], соответственно его будущая жена именуется Храп.[овицкой]. 19 ноября 1856 г. Толстой писал: «Вот как, я думаю, должны жить Храп[овицкие]:

Средства у них малые, такие, что с трудом и с умением практически жить, которого нет вовсе у него и кот[орого] мало у неё (что бы очень желательно, чтобы она в себе развивала), Храповицкие могут жить 5 мес[яцев] в городе и 7 м[есяцев] в деревне и там и здесь бедно, но честно. Зимние 5 м[есяцев] они могут проводить один год за границей, другой в Пет[ербурге], потом опять за гр[аницей] и т. д. Но непременно в Пет[ербурге] или за границей, для того, чтобы ни тому, ни другому не отставать от века, не опрovinцияливаться, что в своем роде несчастье. И не отставать от века не в том смысле, чтобы знать, какие носят шляпки и жилеты, а знать, какая вышла новая замечательная книга, какой вопрос занимает Европу, не продавать и покупать людей и собирать баранов с мужиков, когда уже всякой студент знает, что это постыдно, и т. д.» [3, т. LX, с. 116–117].

Толстой был чрезвычайно строг в своих требованиях, обращенных к молодой девушке, что явствует из его продолжения:

« – В Петербурге, не ездивши в свет, Хр[аповицкие] могут иметь маленькой круг знакомых, избранных не из людей comme и только il faut, кот[орых]

как собак, но из людей умных, образованных и хороших. <...> Притом Г-н Х[раповицкий] думает, что ему с литературой и милой Г-жей Хр[аповицкой], и Г-же Хр[аповицкой] с музыкой и Г-ном Хр[аповицким] не будет одним скучно дома. Храп[овицкие] все свои средства, как они не прибавятся, будут употреблять на внутреннюю роскошь, на устройство комнат, на картины, на музыку, на еду и вино, чтоб радостнее всего было дома, и этим преимущественно будет заниматься Г-жа Хр[аповицкая]» [3, т. LX, с. 117].

В этом письме Толстой выражал свое «мужское» видение семейного счастья, достаточно скромного, но богатого развитием, интенсивной духовной жизнью. Важно, что он предполагал жить в имении, Петербурге и изредка за границей. Очень требователен он был по отношению к кругу знакомых и явно намеревался руководить «воспитанием» своей молодой жены, не разбирающейся в людях. Он продолжал:

«<...> в деревне, где они постараются не видеть ни одной души посторонних, они вдоволь будут надоедать друг другу. Но тихой ненависти не будет, потому что и тут будут занятия у обоих. Это главное, главное. Г-н Храп[овицкий] будет исполнять давнишнее свое намерение, в котором Г-жа Хр[аповицкая] наверное поддержит его, сделать сколько возможно своих крестьян счастливыми, будет писать, будет читать и учиться и учить Г-жу Храп[овицкую] и называть ее «пупунькой». Г-жа Храп[овицкая] будет заниматься музыкой, чтением и, разделяя планы Г-на Х[раповицкого], будет помогать ему в его главном деле» [3, т. LX, с. 117–118].

Планы Толстого ясны и понятны. В своей будущей жене он хочет видеть помощницу в главном деле его жизни – служении добру, милосердию. Музыка, чтение при этом составляли бы ту эстетическую ауру, в которой развивалась бы этика трудового существования молодой четы. Ответного письма девушки не сохранилось, однако 23–24 ноября 1856 г. Толстой довольно иронично отвечает на ее поправки к его плану: «2) В отличном вашем дополнении плана жизни Хр[аповицких] нехорошо то, что вы хотите жить в деревне и ездить в Тулу. Из-

бави, Господи! Деревня должна быть уединением и занятием, про кот[орые] я писал в предпоследнем письме, и больше ничего, но такой деревни вы не выдержите, а тульские знакомства порождают провинциализм <...>» [3, т. LX, с. 122]. И далее он делает почти грубое для молодой девушки замечание:

«Увы! Вы заблуждаетесь, что у вас есть вкус. Т. е., может быть, есть, но такту нет. Например, известного рода наряды, как голубая шляпка с белыми цветами – прекрасна; но она годится для барыни, едущей на рысаках в аглицкой упряжке и входящей на свою лестницу с зеркалами и камелиями; но при известной скромной обстановке 4-го этажа, извозничьей кареты и т. д. эта же шляпка ридикюльна, а уж в деревне, в тарантасе, и говорить нечего. <...> Есть другого рода *élégance* – скромная, боящаяся всего необыкновенного, яркого, но очень взыскательная в мелочах, в подробностях, как башмаки, воротнички, перчатки, чистота ногтей, аккуратность прически и т. [д.], за которую я стою горой <...>» [3, т. LX, с. 123].

Наконец, еще одно довольно невинное для девушки желание вызывает возглас, в котором ощущается много смыслов: «**ПРОГУЛКИ ПО ГОСТИНОМУ ДВОРУ!!!!** Боже мой!» [3, т. LX, с. 123]. Предложение, выписанное заглавными буквами, с обилием в нем восклицательных знаков выражает то, что совершенно неприемлемо для Толстого. Он считает увлечение молодой женщины нарядами, покупками признаком неразвитости, примитивности, возможно, и глупости. В письме 7 декабря 1856 г. содержится предостережение против знакомств в свете, а также еще одно важное повторение: «... вы можете быть отличной Храповицкой, даже и гуляя на Гост[инном] Дворе; но дело Храповицкого, к[оторый] любит ее и больше жил, указать ей на то, что дает счастье, а не оставить ее искать самую – и делать все те ошибки, к[оторые] он сам делал» [3, т. LX, с. 139].

Несмотря на отсутствие писем девушки, ясно, что она оспаривала многие взгляды на жизнь «г-на Храповицкого», казавшиеся ей, по-видимому, скучными, мелочными и несправедливыми. Эту позицию Толстой очень хорошо по-

нял, поэтому сделал в письме замечательное по правдивости и одновременно юмору конечное замечание: «А как же любить друг друга с различными взглядами на жизнь? Можно любить вот ежели бы я был женат, но нельзя жить вместе и не страдать каждую минуту. Одно из двух: или вам надо потрудиться и догнать меня, или мне вернуться назад для того, чтобы идти вместе. – А я не могу вернуться, потому что знаю, что впереди лучше, светлее, счастливее. Валийте на почтовых, я вам буду помогать, сколько могу; вам будет тяжеленько, но зато как счастливо, спокойно и с любовью (уж ежели вам это нужно) мы пройдем до конца дороги» [3, т. LX, с. 140].

12 декабря после, по-видимому, не удовлетворившего его ответа, Толстой отвечает не сразу и довольно неохотно: «Вы гневаетесь, что я *только умею читать нотации*. Ну вот, видите ли, я вам пишу мои планы о будущем, мои мысли о том, как надо жить, о том, как я понимаю добро и т. д. Это всё мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не с слезами на глазах (верьте этому), а для вас это *нотации и скука*. Ну что же есть между нами общего? Смотря по развитию, человек и выражает любовь» [3, т. LX, с. 141].

Таким образом, утверждение Б.М. Эйхенбаума о том, что мысли Толстого о муже как учителе жены восходит к сочинениям французского историка, не совсем справедливы: «Одно из основных положений Мишле – муж должен воспитывать жену, “создать” ее... Она верит и слушает его, она хочет начать совершенно новую жизнь, она отдает себя целиком» [4]. Однако у Толстого еще до появления книг Мишле сложилась его четкое, ясное, осознанное понимание семейного счастья, и его письма к В. Арсеньевой дают для этого богатейший материал. Тем не менее, можно говорить о совпадении некоторых суждений Толстого и Мишле, которое обусловлено уже достаточно зрелым возрастом мужчины, размышляющего о браке, и юностью девушки-избранницы. Толстой решительно отбросил все планы женитьбы на Арсеньевой, и никакие попытки девушки сохранить их отношения или увещевания его любимой тетушки Т.А. Ергольской не могли его переубедить.

Результаты исследования выявляются из анализа повести. В основе ее замысла лежали два аспекта: личный, автобиографический (влюбленность в Валерию Арсеньеву и мысли о женитьбе на ней) и социальный (обсуждение темы женщины и семьи в печати в России и за рубежом). Толстой был поэтом, когда изображал первую влюбленность. Интимное пространство сада, особенно при лунном свете, становится катализатором любовного сюжета. Сад играет роль зеркала, отражающего концепцию жизни как праздника. В повести Толстой был гораздо более сдержанным и тактичным, чем в письмах; его герой по-настоящему влюблен, и это состояние головокружения от влюбленности писатель передал замечательно. Вместе с тем Мария Заламбани настаивает на мысли, что одновременно автор хотел создать и антижоржсандовское по своей концепции произведение [5]. С этой гипотезой можно согласиться лишь отчасти, потому что период конца 1850-х годов после скандала, устроенного Толстым по поводу Жорж Санд в редакции «Современника», был богат на его многочисленные драматические наброски и планы. В них неизменно фигурировала «жоржзандовская женщина», обязательно курящая, пьющая и имеющая двух или трех любовников одновременно при живом муже [6]. Однако этот утрированный и карикатурный образ, разумеется, не был связан с какой-то позитивной программой брака и семейного счастья.

В 1859 г. Толстой еще не был женат, однако мысли о женитьбе постоянно его волновали (ему исполнился 31 год). Незнание на практике перипетий семейной жизни не мешало писателю репрезентировать свой идеал семейного счастья. В «Семейном счастье» Толстой впервые и единственный раз делает главным повествователем женщину. Разумеется, писатель давал свое «мужское» видение проблемы, но «женский голос» высветил поэтическую сторону многих составляющих счастливой семейной жизни. Повествование ведется от лица главной героини, Маши, поначалу юной девушки-сироты. Описывая свое состояние перед браком, она очень хорошо передает свои чувства через слияние с природой и садом. Весной Маша «часто уходила в сад и долго, долго бро-

дила одна по аллеям или сидела на скамейке, бог знает о чем думая, чего желая и надеясь. Иногда и целые ночи <...> просиживала до утра у окна своей комнаты» [3, т. V, с. 73]. Когда в имение Покровское приезжает друг ее отца, Сергей Михайлович, их сближение происходит весной и летом во время прогулок по саду, наполненному ароматами и пением соловья.

Каждый день, каждая встреча с Сергеем Михайловичем отражается для Маши в красоте сада: «Отовсюду сильнее запахло цветами, обильная роса облила траву, соловей защелкал недалеко в кусте сирени и затих, услышав наши голоса; звездное небо как будто опустилось над нами» [3, т. V, с. 74].

Толстой, в отличие от Тургенева, предпочитал развивать любовный сюжет в саду при лунном свете. Красота ночной природы оттеняет зарождающееся чувство героини. Интимное пространство сада становится катализатором любовного сюжета. Но если Тургенев использовал полутона, описывая постепенное развитие чувства, то Толстой усилил кульминацию романтической любви [7]. У него поют два соловья, голоса которых сливаются в одну мощную песнь: «...соловей уже не по-вечернему, отрывисто и нерешительно, а по-ночному, неторопливо, спокойно заливался на весь сад, и другой снизу от оврага, в первый раз нынешний вечер, издалека откликнулся ему. Ближайший замолк, как будто прислушивался на минуту, и еще резче и напряженнее залился пересыпчатою звонкою трелью. И царственно-спокойно раздавались эти голоса в ихнем чуждом для нас ночном мире» [3, т. V, с. 76].

Еще задолго до романа «Война и мир», в котором замечательно передана поэзия первой любви Наташи Ростовской, Толстой раскрывает разные явления в пространстве сада, которые волнуют душу девушки. Сначала он описывает надвигающуюся в течение всего дня грозу, которая, тем не менее, рассеивается к вечеру, но которая электризует атмосферу и провоцирует нервное возбуждение героини. «День был жаркий, безветренный, парило, тучи сrostались и чернели, и с утра еще собиралась гроза. Я была взволнована, как всегда перед грозой. Но после полудня тучи стали разбираться по краям, солнце выплыло на чи-

стое небо, и только на одном краю погромыхивало, и по тяжелой туче, стоявшей над горизонтом и сливавшейся с пылью на полях, изредка до земли прорезались бледные зигзаги молнии» [3, т. V, с. 81].

Затем появляется Сергей Михайлович, который называет Машу «молодой фиалкой», и его пояснение этого сравнения воспринимается ею как объяснение в любви: «Ну, как же вы не фиалка, – сказал он мне все еще тихо <...>, – как только подошел к вам после всей этой пыли, жару, трудов, так и запахло фиалкой. И не душистою фиалкой, а знаете, этою первою, темненькою, которая пахнет снежком талым и травой весеннею» [3, т. V, с. 83].

Во время игры Маши на фортепиано в комнату проникает «серебристый свет», исходящий от месяца и проникающий через открытые окна. Наконец, следует длинное описание сада, почти волшебного благодаря игре лунного света: «Полный месяц стоял над домом за нами, так что его не видно было, и половина тени крыши, столбов и полотна террасы наискоски en raccourci лежала на песчаной дорожке и газонном круге. Остальное всё было светло и обито серебром росы и месячного света. Широкая цветочная дорожка, по которой с одного края косо ложились тени георгин и подпорок, вся светлая и холодная, блестя неровным щебнем, уходила в тумане и вдаль» [3, т. V, с. 88].

Эта ночь, луна и ночной сад смешиваются в слова любви, которые повсюду слышит Маша: «Он сказал: “Вы не боитесь?” – а я слышала, что он говорил: “Люблю тебя, милая девушка!” – Люблю! Люблю! – твердил его взгляд, его рука; и свет, и тень, и воздух, и все твердило то же самое» [3, т. V, с. 89]. Героиня Толстого детально анализирует свое чувство и отдает себе отчет в мельчайших изменениях своих ощущений, описывая «диалектику своей души». Счастье влюбленной девушки передано поэтично, глубоко и в нюансах.

Однако затем существование героини и сада резко отделяются друг от друга. Поэзия любви заканчивается, и начинаются повседневные будни семейной жизни. Еще до замужества у Маши произошел серьезный разговор с Сергеем Михайловичем. Зрелый мужчина пришел к своему идеалу: «Я прожил мно-

го, и мне кажется, что нашел то, что нужно для счастья. Тихая, уединенная жизнь в нашей деревенской глуши, с возможностью делать добро людям, которым так легко делать добро, к которому они не привыкли; потом труд, – труд, который, кажется, что приносит пользу; потом отдых, природа, книга, музыка, любовь к близкому человеку, – вот мое счастье, выше которого я не мечтал» [3, т. V, с. 100].

В этом описании точно пересказана концепция семейного счастья «г-на Храповицкого». Предвестие будущих не всегда радостных дней отражается в природе: «Накануне дня, назначенного для свадьбы, перед вечером погода разгулялась. И после дождей, начавшихся летом, прояснился первый холодный и блестящий осенний вечер. Всё было мокро, холодно, светло, и в саду в первый раз замечался осенний простор, пестрота и оголенность. На небе было ясно, холодно и бледно» [3, т. V, с. 101].

Вся вторая часть повести все более ограничивается «мужской» точкой зрения на счастье женщины в браке, в связи с этим исчезает психологизм в переживаниях героини, уступая место изложению разных ситуаций – увлечение светской жизнью, осознание и гордость собственной красотой, увлечение другим мужчиной. Школа взросления для молодой женщины не проходит без эксцессов, и от адюльтера ее спасает почти случайность. В этой череде событий из поля зрения автора вообще выпадает такое потрясение в жизни женщины, как рождение первого ребенка и материнство. Толстой в это время сам еще не имел опыта отцовства, поэтому рассуждал об этом риторически и психологически малоубедительно.

Он прибегает к образу сада как выразителю нового состояния души героини, когда она после рождения ребенка вновь возвращается в имение. Описание сада лишается лиризма, становится более прозаичным, будничным и подается в реалистической манере, соответствующей новому периоду жизни Маши: «... тот же сад виден в окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка вон там над оврагом, те же соловьиные песни несутся от пруда, те же сирени во

всем цвету, и тот же месяц стоит над домом; а все так страшно, так невозможно изменилось! Так холодно всё то, что могло быть так дорого и близко!» [3, т. V, с. 135]. Приметы наступающей весны вызывали какое-то тревожное чувство:

«Уж солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висела над домом и садом, только из-за деревьев виднелся чистый край неба с потухавшею зарей и только что вспыхнувшей вечернею звездочкой. Надо всем стояла тень легкой тучки, и всё ждало тихого весеннего дождика» [3, т. V, с. 137]. Даже соловей стал петь по-другому: «Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, как тревожно перелетали с места на место. Опять нынешнюю весну один соловей пытался поселиться в кусте под окном, и когда я вышла, слышала, как он переместился за аллею и оттуда щелкнул один раз и затих, тоже ожидая» [3, т. V, с. 137].

Любовь семейная не походит, по мысли Толстого, на романтическую любовь, она протекает в доме, столовой, детской. В жизни замужней Маши исчезает поэзия, которая ассоциируется с юностью. Разговор-объяснение между супругами в финале оставляет, тем не менее, какое-то щемящее чувство утраты большого чувства, любви как праздника жизни. «Неужели и у тебя не примешивается какая-то тоска к наслаждению природой, как будто хочется чего-то невозможного и жаль чего-то прошедшего», – вопрошает Маша [3, т. V, с. 138]. Сергей Михайлович довольно путано объясняется; его концепция новой любви слишком прозаична, и вряд ли в реальности могла сделать счастливой молодую женщину:

«– Не будем стараться повторять жизнь, не будем лгать сами перед собою. А что нет старых тревог и волнений, и слава богу! Нам нечего искать и волноваться. Мы уж нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья. Теперь нам уж нужно стираться и давать дорогу вот кому, – сказал он, указывая на кормилицу, которая с Ваней подошла и остановилась у дверей террасы. – Так-то, милый друг, – заключил он, пригибая к себе мою голову и целуя ее. Не любовник, а старый друг целовал меня» [3, т. V, с. 142].

И эти слова мужа обращены к женщине, которой не более 22–23 лет! А финальная фраза молодой героини противоречит логике ее характера, страстного и увлекающегося: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту...» [3, т. V, с. 143]. Сергей Михайлович, а через него и сам Толстой выражает «мужскую» точку зрения на супружескую жизнь. Но может ли она удовлетворить молодую женщину, которая только начинает жить? Вот вопрос, на который он не дал ответа, однако в какой-то мере на него ответил И.А. Гончаров в романе «Обломов». Таким образом, женщину Толстой неумолимо лишает поэзии, что отражается в очень будничном и прозаическом описании сада во второй части произведения, когда героиня становится женой и матерью.

Выводы. В изображении брака и супружеской жизни в повести идеология превалирует над психологической правдой. Впоследствии сам Толстой фактически пытался следовать той концепции семейного счастья, которую представил в ранней повести (а еще ранее в письмах к Арсеньевой). Возникает еще один вопрос: можно ли его собственную супругу Софью Андреевну назвать счастливой женщиной, хотя она очень старалась быть хорошей и достойной женой великого писателя? В реальности все оказалось значительно сложнее, что она и отразила в своей книге «Моя жизнь», написанной в 1904–1916 гг. и охватывающей период с 1844 по 1901 гг. В 1859 г. еще далеко было до утверждения Толстого: «И потому женщина тем лучше, чем больше она отбросила личных стремлений для положения себя в мат[еринском] призвании» [О браке и призвании женщины] [3, т. VII, с. 134], но 28-летний Толстой уверенно шел к нему, этому довольно спорному, особенно для самих женщин, утверждению. В Дневнике (23 октября 1853 года) он оставил интересное замечание о «мужском» и «женском» письме:

«Прежде мне довольно было знать, что автор повести – женщина, чтобы не читать ее. Оттого что ничего не может быть смешнее взгляда женщины на жизнь мужчины, которую они так часто берутся описывать; напротив же, в сфере женской автор-женщина имеет огромное преимущество перед нами» [3, т. CVI, с. 179–180]. Известно, что эта запись возникла под воздействием повести М.С. Жуковой, «Наденька», которая только что вышла в журнале «Современник» (№ 8). Так вот, женщины-авторы, современницы Толстого (М. Жукова, Е. Ган, позднее А. Панаева) опровергали выраженный им взгляд на женское счастье в браке. Другое дело, что выразить свою идею, идеал женского семейного счастья психологически и художественно адекватно они не сумели.

С этой задачей в XIX в. справились зарубежные писательницы, в том числе Жермена де Сталь, Жорж Санд, Шарлотте Бронте, Джейн Остин и другие.

Список литературы

1. Кафанова О.Б. Лев Толстой – читатель и критик Жорж Санд. *Русская литература*. 1996;(1):182–200.
2. Женщина и любовь по понятиям г. Мишле. *Русский вестник*. 1859;21(1):461–500.
3. Толстой Л.Н. *Полн. Собр. соч. и писем*: В 90 т. М.: ГХИЛ; 1928–1958.
4. Эйхенбаум Б.М. *Лев Толстой*. München: Wilhem Fink Verlag; 1968. С. 357.
5. Заламбани М. *Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого*. Перевод с итальянского К. Ланда. М.: Из-во РГГУ; 2017.
6. Кафанова О.Б. *Жорж Санд и русская литература (Мифы и реальность): 1830–1860*. Томск: Изд-во Томск. пед. института; 1998. С. 321–350.
7. Кафанова О.Б. Солнечные и лунные сады в творчестве Тургенева и Толстого. *И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России*. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Орел. 2008;3:150–155.

References

1. Kafanova O.B. Leo Tolstoy – reader and critic George Sand. *Russkaya literatura*. 1996;(1):182–200. [In Russ.]
2. Woman and love according to the concepts of Mr. Michelet. *Russkii vestnik*, 1859;21(1):461–500. [In Russ.]
3. Tolstoy L.N. Full Collection Op. and letters: In 90 volumes. M.: GKhIL, 1928–1958. [In Russ.]
4. Eikhenbaum B.M. *Leo Tolstoy*. München: Wilhem Fink Verlag; 1968. P. 357.
5. Zalambani M. *The institution of marriage in the works of L.N. Tolstoy*. Perevod s italyanskogo K. Landa. M.: Iz-vo RGGU; 2017. [In Russ.]
6. Kafanova O.B. *George Sand and Russian literature (Myths and reality): 1830–1860*. Tomsk: Izd-vo Tomsk. ped. Instituta; 1998. P. 321–350. [In Russ.]

7. Kafanova O.B. Solar and lunar gardens in the works of Turgenev and Tolstoy. *I.S. Turgenyev: vchera, segodnya, zavtra. Klassicheskoe nasledie v izmenyayushcheysya Rossii*. Materiali mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya i 125-letiyu so dnya smerti pisatelya. Vip. 3. Orel. 2008;3:150–155. [In Russ.]

Автор публикации

Кафанова Ольга Бодовна – профессор
кафедры педагогических инноваций и филологии
Санкт-Петербургский институт бизнеса и
инноваций
Санкт-Петербург, Россия
Email: olg_kaf@mail.ru

Author of the publication

Kafanova Olga Bodovna – Professor of the
Department of Pedagogical Innovations and
Philology
St. Petersburg Institute of Business and Innovation
St. Petersburg, Russia
Email: olg_kaf@mail.ru

**Раскрытие информации о конфликте ин-
тересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2025
Одобрена после рецензирования: 25.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 02.02.2025
Approved after peer reviewing: 25.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит
анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в
рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the
anonymous reviewer(s) for their contribution to
the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111.8

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.180-193>

**МАТРИЧНЫЙ ЯЗЫК VS. ГОСТЕВОЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ
МИГРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИТАЛО-АМЕРИКАНСКОГО СООБЩЕСТВА)**

Л.О. Бородулина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
l.o.borodulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9047-5389>

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме сохранения матричного языка в контексте эмиграции. Целью работы является детальное описание и классификация факторов, влияющих на сохранение и утрату итальянского языка в итало-американском сообществе, причины появления контактного идиома “италинглиш” в том числе на примере творчества итало-американских поэтов. Описаны теоретические подходы изучения итало-американского контакта, систематизированы данные по факторам сохранения и утраты итальянского языка в США. Проведен анализ поэтических текстов итало-американских поэтов, таких как Э.Карневали, Дж.Чарди, Ф.Стефаниле, А.Николаи и др., на предмет языкового поведения в рамках культурного плюрализма. Творчество итало-американских поэтов демонстрирует несколько сценариев взаимодействия матричного и гостевого языков: успешная ассимиляция нового языка; сознательный выбор одного из двух языков; попеременное использование языков в творчестве; эксперименты с интересным многоязычным миксом. В результате исследования подтверждается гипотеза о том, что трансформация идентичности в условиях эмиграции отражается в использовании языка, который, в свою очередь, выступает в качестве стабилизатора идентичности, являясь широко распространенным мотивом в веристической литературной традиции.

Ключевые слова: матричный язык; гостевой язык; контактные языки; итало-американский идиом; факторы утраты языков; итало-американские поэты

Для цитирования: Бородулина Л.О. Матричный язык vs. гостевой язык в условиях миграции (на примере итало-американского сообщества). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 180–193. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.180-193>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.180-193>

**IN THE CONTEXT OF MIGRATION
(THE CASE OF THE ITALIAN-AMERICAN COMMUNITY)**

L.O. Borodulina

Tyumen State University, Tyumen, Russia
l.o.borodulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9047-5389>

Abstract. This article is devoted to the problem of matrix language retention in the context of emigration. The aim of the work is a detailed description and classification of the factors influencing the preservation and loss of the Italian language in the Italian-American community, the reasons for the emergence of the contact idiom ‘italinglish’ including the example of the work of Italian-American poets. Theoretical approaches to the study of Italian-American contact are described,

data on the factors of preservation and loss of the Italian language in the USA are systematised. The poetic texts of Italian-American poets, such as E.Carnevali, G.Ciardi, F.Stefanile, A.Nicolai, etc., on the subject of linguistic behaviour within the framework of cultural pluralism. The work of Italian-American poets demonstrates several scenarios of interaction between matrix and guest languages: successful assimilation of a new language; conscious choice of one of the two languages; alternate use of languages in creative work; experimentation with an interesting multilingual mix. The study confirms the hypothesis that the transformation of identity in emigration is reflected in the use of language, which in turn acts as a stabiliser of identity, being a widespread motif in the verist literary tradition.

Keywords: matrix language; guest language; contact languages; Italian-American idiom; language loss factors; Italian-American poets

For citation: Borodulina L.O. Matrix language vs. guest language in the context of migration (the case of the Italian-American community). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 180–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.180-193>

Возросшая мобильность населения планеты, смешение миграционных потоков, а также цифровое международное общение неизбежно влияют на языковые процессы, создавая новые гибридные формы, в частности контактные формы языка. В рамках миграционной лингвистики, которая находится на стыке таких дисциплин как социолингвистика, психолингвистика, антропология и политология, ключевой задачей лингвистов становится определение уровня языкового сдвига, анализ причин сохранения и утраты матричного языка, а также возникновение новых гибридных форм языка в условиях миграции, и связанные с этим социальные, культурные и политические аспекты.

Теоретической базой данной работы послужили труды в области контактных языков У. Вайнраха [1], Дж. Фишмана [2], С. Томасон [3], Д. Винфорда [4], М. Клайна [5], в области итало-американского контакта труды Д. Сабировой, А. Серединой [6], Ф. Альфонси [6], Л. Фонтанеллы [7], Г. Халлера [8].

В миграционных процессах языковые контакты представляют собой практики взаимодействия носителей двух или более языков.

По мнению Дж.Фишмана, языковой сдвиг – это процесс, который, с одной стороны, является неизбежным, с другой, на него можно повлиять, используя определенные меры. Например, школьное образование или медиа могут поддержать сохранение матричного языка: «Языковой сдвиг – это не улица с

односторонним движением; его можно повернуть вспять, если общество ценит свой язык настолько, чтобы бороться за него» [2, с. 67].

Однако теория Дж.Фишмана о возрождении языков посредством «идеологической преданности» иногда критикуется за недооценку роли глобализации. М.Клайн, анализируя механизмы утраты родного языка в мигрантских сообществах, отмечает, что языковой сдвиг обычно завершается за три поколения [5]. При этом социальными детерминантами, ускоряющих сдвиг, он считает экономическую необходимость, языковую политику, размер диаспоры и культурный престиж.

Среди основополагающих факторов, влияющих на исход языка, ученые называют демографию, престиж языка, институциональную поддержку и языковую политику. При этом отрицательными последствиями языкового смешения могут стать исчезновение малых языков, упрощение языковых структур, конфликты идентичности и другие.

На основе анализа теоретических подходов изучения языкового контакта можно выделить несколько моделей: модель **интеграции, гибридизации, изоляции, креолизации и субстратизации**.

В модели интеграции мигранты ассимилируются, их дети переходят на язык большинства, например, испанский язык в США. При этом осуществляется утрата родного (матричного) языка и наблюдается доминирование принимающего (гостевого) языка.

В модели гибридизации происходит интенсивное смешение носителей разных языков без четкого доминирования одного над другим, например, русско-эстонская смешанная речь *Keele segamine* или макаронный немецкий *Kiezdeutsch*. При этом осуществляется частичное сохранение матричного языка.

В модели изоляции мигранты живут изолированной общиной, передавая язык из поколения в поколение, например, русский язык в странах Балтии. При этом наблюдается сохранение матричного языка.

Языки-субстраты проявляют удивительную жизненную силу, и в сочетании с суперстратами приводят к тем изменениям, которые стали характерны для новых языков. Эти замечания дают представление о том, что происходило в итальянских общинах Америки. Отстраненный от всех контактов с родиной, язык, на котором они говорили, стал субстратом, на который наложился английский язык. “Италинглиш” возник в результате такой встречи, после длительного периода адаптации.

Рассмотрим итальянский язык в условиях итало-американского контакта XX века. В ситуации контакта многоязычие различных групп эмигрантов усиливается, поскольку происходит переход от родного монолингвизма или билингвизма к троичной системе, где задействованы итальянский, диалектный итальянский и английский языки. Дальнейшее расслоение итальянского языка на множество разновидностей происходит в зависимости от школьного образования, регионального и социального происхождения, возраста, домашней и рабочей среды и др.

Итальянский язык первой и второй волны миграции используется на диалектном уровне. Диалекты сохраняются в итальянских общинах особенно первого поколения миграции, но только при общении в семье, соблюдении религиозных обычаев. Для первого поколения мигрантов язык остаётся основным инструментом коммуникации в быту, что поддерживает их психосоциальное благополучие [7], а также указывает на роль диалектов в самоидентификации [9].

Однако итальянские мигранты под социально-экономическим давлением в рабочей сфере ассимилируются под английский язык, ускоряя трансформацию матричного языка. В результате чего возникают такие гибридные языковые формы как: 1) дефектный итало-американский (первичный вариант итало-американцев первого поколения); 2) дефектный американский английский (вторичный вариант итало-американцев первого поколения); 3) недефектный американский английский (этническая разновидность итало-американского диалекта второго поколения); 4) дважды дефектный италороманский (одномер-

ное отражение дефектного италороманского диалекта первого поколения) [10].

Новый контактный идиом “италинглиш” становится переходным этапом [11].

Тем не менее, язык утрачивается во втором и третьем поколении в связи с ассимиляцией детей мигрантов. Происходит, своего рода, поколенческий разрыв, при котором первое поколение цепляется за язык, второе — смешивает, третье — теряет.

Представители второго поколения приобрели без выбора и лишь приблизительно нестандартные разновидности своих родителей, бессознательно интегрируя в свою речь диалектные народные элементы. Лингвистические свидетельства второго поколения хорошо иллюстрируют постепенную потерю языка, итерации, самокоррекцию и неуклюжесть. По мнению Г. Халлера, от этого поколения к третьему перейдёт лишь несколько итальянских фраз или выражений [9].

Первое поколение третьей волны итальянской послевоенной миграции в США с 50-х по 80-е годы прекрасно адаптируется к гостевому языку, на нем говорят свободно и даже преподают в американских университетах. Таким образом, в поколении третьей волны мы наблюдаем полное сохранение матричного языка и аналогичное владение гостевым языком, что соответствует модели интеграции.

Выделим факторы, способствующие сохранению, либо утрате итальянского языка в итало-американском сообществе, а также причины возникновения и утраты смешанной языковой формы “италинглиш”.

Факторы, способствующие утрате итальянского языка в США

К демографическим факторам можно отнести прекращение массовой миграции и старение первого поколения. В результате происходит поколенческий сдвиг: второе поколение переходит на доминирующий язык, третье поколение лишь частично сохраняет фрагменты матричного языка первого и второго поколений. Согласно Г.Халлеру, отсутствует «надежный италофонный стандарт, вследствие чего итальянские диалекты, с одной стороны, способствуют пиджи-

низации, с другой стороны, быстрому межпоколенческому языковому стиранию» [10, с. 129].

Среди социокультурных факторов можно выделить культурную ассимиляцию и стигматизацию диалектов, в результате чего родной язык ассоциируется с языком бедных и маргиналов, является препятствием для интеграции в новое культурное общество. Критикуется «языковая неполноценность» мигрантов [7], происходит дискриминация и навешивание ярлыков.

Среди социально-экономических факторов можно назвать деэтнизацию, замену диалектов стандартным английским языком для интеграции и социально-экономического продвижения в американском обществе [10].

Факторы возникновения и утраты контактного идиома “италинглиш”

Одним из факторов появления нового контактного языка можно назвать лингвистические процессы, а именно лингвистическую эрозию на фоне слабого владения гостевым языком. “Италинглиш” стал своеобразным койне, упрощающим общение между носителями разных диалектов. Следует отметить утилитарную функцию языка “италинглиш”, который был практическим инструментом для бытового общения, работы и торговли, а итальянские бизнесмены использовали его как универсальный код для клиентов из разных диалектных групп.

В результате фонетической адаптации английские слова подстраивались под итальянскую фонетику (например, *jobba* вместо *job*). Речь была в основном итальянской по структуре и звучанию с примесью английских заимствованных слов, которые приводились в голосовую гармонию с собственными привычками произношения говорящего. М. Ла Сорте описал этот эффект как «деформацию английского, а не адаптацию итальянского» [12, с. 160]. Позднее идиом постепенно уступил место приближению к американскому синтаксису и произношению. Но итальянский английский был гораздо большим, чем просто практическим методом ведения повседневных дел. Он стал языком инсайдеров, во многих отношениях отражающим опыт мигрантов [11].

Как полностью сформировавшийся идиом, на котором говорила значительная часть итальянцев в Америке, “италинглиш” просуществовал не более пяти-шести десятилетий. С прекращением массовой миграции и быстрой американизацией иммигрантов после Первой мировой войны идиом начал разрушаться задолго до того, как достиг зрелой стадии развития, его последние остатки можно найти в домашнем хозяйстве. В тех случаях, когда идиом передавался от иммигрантов к их потомкам, родившимся в Америке. Как только идиом отслужил свое, он был тихо упразднен тем самым сообществом, которое его придумало, и заменен американским английским языком рабочего класса, содержащим лишь следы прежнего произношения и синтаксиса.

Первое поколение достаточно негативно настроено к чрезмерному использованию итало-американской разновидности, так как они находят ее «неправильной, потому что она путает, портит итальянский и английский и не является чистой» [9]. Второе поколение гораздо более благосклонно, по крайней мере, к ее использованию в неформальном контексте. Однако, никто не верил в то, что это настоящий язык, поскольку он оставался крайне неполноценным как средство общения.

Факторы, способствующие сохранению итальянского языка в США

Среди факторов сохранения матричного языка можно выделить социокультурные и коммуникативно-прагматические.

К коммуникативно-прагматическим следует отнести использование итальянского языка в религиозных, культурных и бытовых контекстах. Итальянский язык остается жизненно важным символом групповой солидарности среди эмигрантов. Это реакция в защиту семьи, сообщества, основной языковой связи между поколениями, а также родного языка. Языковые установки отражают коллективное сознание, а также идеальные позиции, желаемые доминирующим классом.

В итало-американских семьях, где родители сознательно говорили на диалекте (сицилийском, неаполитанском), язык сохранялся дольше, чем в семь-

ях, перешедших на английский [2]. Таким образом, матричный язык выполняет роль эмоциональной связи с семьей и общиной, поддерживая сплоченность, служит «мостом» между поколениями, особенно для первого поколения, не владеющего английским, а также становится маркером принадлежности к группе, особенно в условиях дискриминации [12].

Социокультурные факторы связаны с возрождением этнической гордости, стремлением к пуризму итальянского языка как “bella lingua”. Возрастает интерес и любовь к Италии и ее цивилизации, интерес, который также часто носит фольклорный и ностальгический характер (“сад Европы”, “земля обетованная”).

Взаимодействие матричного и гостевого языков в творчестве итало-американских поэтов

Рассматривая творчество итало-американских поэтов, можно выделить группу писателей, которые стали американскими по собственному желанию. В основном речь идет про писателей второй волны миграции, таких как Эмануэль Карневали. Лишь немногие из них (Пьетро Ди Донато, Джон Чарди, Феликс Стефаниле) временами косвенно передают в своем творчестве определенную степень скрытых или завуалированных итальянских культурных отсылок.

Поэты третьей волны миграции, начиная с периода после Второй мировой волны, демонстрируют несколько сценариев взаимодействия матричного и гостевого языков: успешная ассимиляция нового языка; сознательный выбор одного из двух языков (Альфредо де Палки); попеременное использование языков в творчестве (Никколо Туччи, Джозеф Тузиани); эксперименты с интересным многоязычным миксом (Джозе Риманелли, Адеодато Николаи Пиацца).

Эпистолярный жанр Э. Карневали наполнен англицизмами и английскими предложениями, вставленными прямо, совершенно спонтанно, в текст его писем, особенно когда его итальянский язык не сразу получается (*Lei sarà sport abbastanza da aiutarmi e loving enough da non buttarmi fuori dalla sua stima /* Должно быть, это спорт, достаточный, чтобы помочь мне и loving enough,

чтобы не потерять уважение – П. И.). Здесь английский язык спонтанно интегрируется в продолжение итальянского дискурса, как естественное плавное взаимодействие одного языка с другим. Для Э.Карневали это различие влечет за собой фактическое забывание итальянского языка, что приводит к снижению его использования в отличие от добровольно усвоенного английского языка.

В случае с Дж. Риманелли смешение языковых кодов, “вмешательство” в английский язык является умышленным экспериментальным желанием не отбрасывать итальянский язык, а обогащать его для создания своеобразной многоязычной смеси (*Well my friends, stavo proprio addeso passato per questa lovely city of yours perché la mia missione has a universal worth / Well my friends, я как раз прогуливался по этому lovely city of yours, потому что моя миссия has a universal worth – П. И.*).

Ф. Стефаниле постепенно возвращается к родному языку своего отца, с трогательным акцентом, который действительно вызывает неподдельное чувство ностальгии. Поэтический текст “How I Changed My Name” / “Как я изменил свое имя”, написанный на английском языке можно считать манифестом итало-американской поэзии. В данном произведении автор говорит о транслингвистической проблеме, с которой приходится сталкиваться всем американским писателям итальянского происхождения. Поэт родился в Америке от итальянского эмигранта. Проблема в фамилии, которая осталась итальянской, приводящей к дискриминации со стороны официального американского литературного истеблишмента. По мнению Л.Фонтанеллы, проблема «номенклатуры важна и уместна по отношению к реальным американским культурно-лингвистическим ценностям, которых эти авторы, естественно, придерживаются» [9, с. 12]. Они очень гордятся тем, что представляют, даже в этническом отношении. Автор повествует о проблеме ассимиляции имени в новой культурной среде, стесняясь своего происхождения, и заменяет имя Felice на американизированный вариант Felix (*and said that there was no boy named Felice.../ и сказал, что нет такого мальчика по имени Феличе.../ My father paid a quarter*

for my sin, called me inside to look up in a book that Felix was American for me. A Roman name, I read. And what he said was that no Roman broke a widow's glass / Мой дедушка заплатил четвертак за мой проступок, позвал меня внутрь и сказал поискать в книге, что Феликс было моим американским именем. Римское имя, я прочитал. И ни один Римлянин никогда не разбивал окно – П. И.). Этот инцидент также подчеркивает социокультурную дистанцию от итальянской родины, которая уже имела место в первом поколении американцев итальянского происхождения.

П. Спатаро, родившийся в Америке от итальянских родителей, в возрасте двух лет уезжает в Италию, а в двадцать два года возвращается в Америку. В своем произведении, написанном на итальянском языке, он отдает дань и Америке, как стране рождения, и Италии, он чувствует себя сыном и той и другой страны, каждая из которых оставила след в формировании его бытия (*Di questa terra delle striscie e stelle / io sono figlio, e molto me ne vanto / e a questa madre l'amo con orgoglio .../ perche' all'Italia mia pur bene voglio / От этой земли с полосками и звездами / я сын ее, этим горжусь / и эту мать люблю с гордостью ... / потому что Италию мою тоже люблю. – П. И.).*

Н. дель Дука в своем произведении “Il nonno” / “Дедушка” говорит о болезненном переходе на новый язык, отрыве от корней, который на себе испытывает даже третье поколение итало-американских мигрантов (*E così è stato, «e il nonno ora si guarda / tutti i suoi nipoti, già sistemati / con occhi allegri pieni di contentezza.// (Ma con la bocca un poco amara, / perché sono sangue suo, sangue italiano, / ma parlano soltanto Americano» / И так получилось, все твои внуки уже устроившиеся с довольными глазами // но во рту ощущение горечи / потому что у них кровь, итальянская кровь / но говорят они только на Американском – П. И.).*

А. Николаи пишет поэтические стихи на итальянском языке или на диалекте ладино, зачастую переводя самостоятельно свои произведения на английский язык. Поэт в своем творчестве через интертекстуальную мозаику постоян-

но апеллирует к итальянским литературным традициям, взывает к своим корням, всячески стараясь сохранить этническую принадлежность и ярко демонстрируя итальянский дух “итальянита”. Его поэтические тексты также гибридные, полиязыковой микс иллюстрирует “безумие” полифонического ума и многоязычности (*la follia di questa mia mente polifonica, la pazzia del plurilinguismo* / *безумие этого моего полифонического ума, сумасшествие многоязычия* – П. И.). Его стихам присуща также языковая игра в виде смешения и переключения кодов, как в случае с термином *mesmerizzato* (*от* англ *mesmerize* *заколдовать* + итальянское окончание причастия *ato* = *заколдованный*)).

Э.Ливорни в поэтическом тексте “Hysteron Proteron” / “Гистерон Протерон” передает идею трудозатратности в освоении гостевого языка во взрослом возрасте. Сравнивая себя с малолетним ребенком, который пытается уловить значение языка взрослых, постепенно знакомясь с алфавитом (*Carponi traccia l’ignota lettera dell’alfabeto antico* / *на четвереньках рисует неизвестную букву древнего алфавита*), поэт через игру слов на разных языках подчеркивает сложность сохранения матричного языка своих предков (*«L’avvento separa dei figli i figli padri dai padri antichi»* / *Пришествие отделяет детей своих отцов от прародителей* – П. И.).

Таким образом, мы приходим к заключению, что итальянский язык как матричный демонстрирует свою двойственную идентичность за рубежом как язык культуры и как этнический язык, первый – престижный, второй – стигматизированный и отрицаемый даже его собственными носителями. Возрождение престижа Италии, но прежде всего возрождение этнической гордости, безусловно, способствовали укреплению позитивного отношения к диалектам и даже смешанным разновидностям.

Представители итало-американского сообщества демонстрируют функционирование моделей языкового контакта в зависимости от поколенческого аспекта. Модель интеграции наблюдается у второго и третьего поколения мигрантов, модель изоляции присуща в большей степени представителям первого

поколения, которые сохраняют матричный язык в коммуникативно-прагматических целях. Модель гибридизации проявляется на стыке поколений чаще в социально-экономическом контексте.

Итало-американские миграционные культурные контакты порождают, в основном на уровне поколений, формы коллективной идентичности. Постоянная трансформация языковых знаний и поведения, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, также четко отражается на идентичности, что наглядно подтверждают исследования динамики итало-американских контактов.

При этом стоит отметить, что творчество итало-американских поэтов преимущественно создается на родном языке. Поэты частично прибегают к гибридным языковым формам, смешивая и переключая языковые коды. Крайне редко прибегают к использованию контактного идиома “италинглиш”. Предпочтение отдается многоязычию (итальянский, диалекты итальянского, французский, латинский и др. языки), чтобы передать полифонию, трудности языковой адаптации в условиях миграции.

Культурный плюрализм сохраняется в мигрантских общинах в динамичном взаимообогащении со стандартными языками, в творческих отношениях между гомогенностью и гетерогенностью, как выражение богатой и сложной итало-американской традиции.

Список литературы

1. Вайнрайх У. *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования* [Текст]: монография / У. Вайнрайх: пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко; вступ. ст. В. Н. Ярцевой. Киев: Вища школа; 1979.
2. Fishman J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters; 1991. 431 p.
3. Thomason S.G. *Language contact: An introduction*. Edinburgh University Press; 2001. 320p.
4. Winford D. *An Introduction to Contact Linguistics*. Blackwell; 2003. 404 p.
5. Clyne M. *Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 282 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606523>
6. Сабирова Д.Р., Середина А.Ю. Неологизмы в современном итальянском языке (на материале социальных сетей). *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 404–412. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>
7. Alfonsi F. *Poesia Italo-Americana: Saggi e Testi*. Antonio Carello Editore; 1991. 386 p.
8. Fontanella L. *Migrating Words. Italian Writers in the United States*. New York: Bordighera Press; 2012. 265 p.
9. Haller H.W. *Una lingua perduta e ritrovata. L'italiano degli italo-americani*. Firenze: La Nuova Italia Editrice, Scandicci; 1993. – 200 p.

10. Prifti E. *Italoamericano: Italiano e inglese in contatto negli USA*. FrancoAngeli; 2013. 192 p.
11. La Sorte M. «*Italiglish: The immigrant idiom*», in *La Merica. Images of Italian Greenhorn Experience*. Philadelphia, Temple University Press; 1985. Pp. 159–188.
12. Васильева С.Г. Этноидентифицирующая имитирующая функция языка и ее роль для процессов исторических языковых изменений. *Язык и этнос: материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ*. Казань: РИЦ «Школа»; 2002. С. 102–111.

References

1. Weinreich U. *Languages in contact: Findings and problems*. Translated by Yu. A. Zheluktenko. Commentary by Yu. A. Zheluktenko. Introduction by V. N. Yartseva. Kyiv: Vyshcha Shkola; 1979. (In Russ.)
2. Fishman J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters; 1991. 431 p.
3. Thomason S.G. *Language contact: An introduction*. Edinburgh University Press; 2001. 320p.
4. Winford D. *An Introduction to Contact Linguistics*. Blackwell; 2003. 404 p.
5. Clyne M. *Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 282 p. Available from: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606523>
6. Sabirova D.R., Seredina A.Yu. Neologisms in the Modern Italian Language (on the Material of Social Networks). *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3): 404–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>
7. Alfonsi F. *Poesia Italo-Americana: Saggi e Testi*. Antonio Carello Editore; 1991. 386 p.
8. Fontanella L. *Migrating Words. Italian Writers in the United States*. New York: Bordighera Press; 2012. 265 p.
9. Haller H.W. *Una lingua perduta e ritrovata. L'italiano degli italo-americani*. Firenze: La Nuova Italia Editrice, Scandicci; 1993. 200 p.
10. Prifti E. *Italoamericano: Italiano e inglese in contatto negli USA*. FrancoAngeli; 2013. 192 p.
11. La Sorte M. «*Italiglish: The immigrant idiom*», in *La Merica. Images of Italian Greenhorn Experience*. Philadelphia, Temple University Press; 1985. pp. 159–188.
12. Vasilyeva S.G. “Ethno-Identifying Imitative Function of Language and Its Role in Historical Language Change Processes”. *Language and Ethnos: Materials of the First Offsite Academic School for Young Linguistics Professors of Russian Universities*, RIC “Shkola”; 2002. pp. 102–11. (In Russ.)

Автор публикации

Бородулина Лариса Олеговна –
старший преподаватель
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
Email: l.o.borodulina@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9047-5389>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.05.2025
Одобрена после рецензирования: 20.05.2025
Принята к публикации: 28.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Borodulina Larisa Olegovna –
Senior Lecturer
Tyumen State University
Tyumen, Russia
Email: l.o.borodulina@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9047-5389>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 05.05.2025
Approved after peer reviewing: 20.05.2025
Accepted for publication: 28.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.133.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.194-203>

**ИГРОВОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО: МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И
НЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

И.Я. Вергасова¹, С.С. Тахтарова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*iranabalaban@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1517-9205>*

²*alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>*

Аннотация. Данная статья посвящена особой разновидности словосложения во французском языке – телескопированию, сложный механизм усечения и слияния которого образует монолитную структуру нового слова. Авторы анализируют факторы, при которых экстраграмматические процессы действуют на структурные элементы знака так, чтобы фонология и семантика в слове реализовались каждая в соответствии со своей задачей, в то время как для условных единиц или единиц, происходящих из кодированных языков (арго, верлан), семантика фиксирована – она остается таковой в исходном знаке. Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым научным и социальным интересом к окказиональному словосложению, утверждается, что помимо экономии языковых средств и обретения нового смысла контаминированная лексема обнаруживает в себе экспрессивный посыл, призванный оказать эмоциональное воздействие на адресата. Исследование показало, что динамический характер процессов телескопирования подразумевает проникновение неологической лексемы в различные типы дискурсов – разговорного, рекламного и политического, при этом лингвотворчество во французской медиаречи предлагает новые коннотации – как мелиоративные, одобрительные так и дерогативные, выражающие иронию или презрение. Такие словостяжения укрепляют интерактивный контакт, лстя языковым навыкам читателей и одновременно усиливая запоминание передаваемого сообщения.

Ключевые слова: телескопирование; контаминация; неологизмы; окказионализмы; французский язык

Для цитирования: Вергасова И.Я., Тахтарова С.С. Игровое словотворчество: морфологические и неосемантические трансформации (на материале французского языка). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 194–203. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.194-203>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.194-203>

GAME WORD-MAKING: MORPHOLOGICAL AND NEOSEMANTIC TRANSFORMATIONS (A CASE STUDY OF THE FRENCH LANGUAGE)

I.Ya. Vergasova¹, S.S. Takhtarova²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹iranabalaban@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1517-9205>

²alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Abstract. This article is devoted to a special method of word formation in the French language – telescoping, a complex mechanism of truncation and fusion of which forms a monolithic structure of a new word. The authors analyze the factors under which extragrammatic processes act on the structural elements of the sign so that the phonology and semantics are implemented in the word according to their task, while for conventional units or units derived from coded languages (argo, verlan) the semantics is fixed and remains fixed in the original sign.

The relevance of this study is due to the steady scientific and social interest in occasional phraseology, the study claims that in addition to saving linguistic resources and gaining new meaning, the contaminated lexeme reveals an expressive message designed to have an emotional impact on the addressee. The study showed that the dynamic nature of the telescoping processes implies the penetration of the neological lexeme into various types of discourses such as colloquial, advertising and political, while linguistic creativity of the French media language offers new connotations both meliorative, approving and derogative, expressing irony or contempt. Such word combinations strengthen interactive contact flattering the readers language skills and enhancing the memorization of the transmitted message at the same time.

Keywords: telescoping; contamination; neologism; occasionalism; French

For citation: Vergasova I.Ya., Takhtarova S.S. Game Word-Making: Morphological and Neosemantic Transformations (a Case Study of the French Language). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 194–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.194-203>

Появление неологизмов помимо наименования новых технических и научных объектов и концепций объясняется многими другими причинами – их используют для привлечения внимания, убеждения, подтрунивания над кем-либо и т.д., что связано с разнообразием коммуникативных ситуаций. Одни из них звучат в повседневном общении, другие в рекламных лозунгах, третьи в заявлениях политиков и одним из благоприятствующих факторов их появления является, в том числе, их развлекательное предназначение. Также одной из функций неологизма, помимо номинативной, когнитивной и экспрессивной, становится функция запоминания – привлекая внимание к неологическому слову или фразе, оно вызывает интерес и к сообщению, которое его включает, и более того, интригует, если это словослияние преподнесено в игровой форме. В

случае нестандартного неологизма именно своеобычность сообщения заставляет реципиента строить подходящую интерпретацию на основе контекста и морфологического анализа – это особенно верно в случае переосмысления или двойного прочтения, традиционного и композиционного.

С морфологической точки зрения особенно активны экстраграмматические процессы, а также паронимия, ложные сокращения, флективные нововведения и т. д. Когда речь идет о стандартных моделях (суффиксация и композиция), мы замечаем расхождения между реализованными элементами – например, в грамматике, словах или формантах, относящихся к разным регистрам и т. д. С точки зрения высказывания и прагматики эти неологизмы проявляются в самых различных обстоятельствах – от разговорного гапакса до новаций, появляющихся в медиаречи и стимулирующих процесс интеллектуализации. Такими неологизмами являются и телескопированные лексемы, образованные от двух или более основ и характеризующихся большой семантической нагрузкой.

Грамматические и морфологические процессы, с помощью которых строятся единицы, призванные стать полноценными самостоятельными терминами, обладают определенными конститутивными свойствами и прежде всего – композиционностью, построением на основе морфологической конструкции от сочетания значений исходных лексем и фонологической связью между входными и выходными единицами [1]. При этом процессы (фонологические или семантические), задействованные в словах-телескопах, не являются нерегулярными, напротив, ключевые сегменты регламентируются ограничениями общего порядка. Телескопированные слова являются результатом семиотического напряжения между двумя противоречивыми условиями – с фонологической точки зрения цель состоит в том, чтобы два слова уместились в морфологическом формате одного, семантической – чтобы идентифицировать исходные слова, иметь возможность установить значение слова. Для фонологии это то, что называется универсальными немаркированными параметрами, для семантики эта общность выражается в том, что в ней используются те же механизмы, что и

в таких прочно обосновавшихся в языке соединениях как *porte-mine*, *porte-cigarette*, *porte-menu* и т.д. [2].

Исследователи выделяют у телескопирования три характерных особенности: 1. слова не сохраняют лексическую идентичность базовых единиц 2. у них нет шаблона, который бы фиксировал комбинацию элементов 3. каждое слово представляет собой тип так называемого га́пакса (слово, встретившееся в некотором корпусе текстов только один раз). Эти особенности подтверждают мысль о том, что словослияние – экстраграмматический процесс, это скорее игра кодирования во всех лексических контекстах, позволяющая переосмысливать контент [3]. Экстраграмматические процессы действуют на конститутивные составляющие знака таким образом, чтобы фонология и семантика развивались каждая согласно своей интенции, в то время как для условных единиц или единиц, происходящих из кодированных языков (арго, верлан), семантика фиксирована: она остается таковой в исходном знаке: *chébran* / *branché*, *sécu* / *sécurité sociale*. Современный словарь содержит значительное количество сложных единиц, образование которых не является результатом какого-либо грамматического процесса в надлежащей или ненадлежащей форме. В отличие от производных и соединений, подпадающих под обычную структурную морфологию, элемент игры является атрибутивным признаком телескопирования. Создание и понимание подобных словоформ мобилизуют знания говорящего и реципиента и зависят только от него.

Явления телескопирования можно было бы разделить на (а) регулярные и специфические, как например, французские V+N, форма которых используется для образования настоящего времени единственного числа изъявительного наклонения – *abat-vent*, *tord-boyaux*; (б) регулярные и универсальные. Под эту категорию подпадают, в частности, фонологические изменения универсального характера, такие как диссимиляционные явления, однако замечено, что они включают в себя и фонологические операции, которые не используются в рассматриваемом языке, как, например, внутренняя замена во французском имен

собственных (*Bokassan II* \leftarrow *Bokassa* \times *Hassan II*), (с) нерегулярные и специфические, где производное N от прилагательного *mixte* (которым не является *mixtité*, как можно было бы ожидать на основе ряда *agile* / *agilité*, *amène*/*aménité* и т. д), но *mixité*. Изучение телескопированных слов показывает, что они задействуют либо общие механизмы типа (b), либо наименее специфические из механизмов типа (a). Эта позиция не нова и соответствует точке зрения, принятой лингвистами, которые работали с экстраграмматическими явлениями, отличными от амальгамации – смешению, «соскальзыванию» с одной конструкции на другую в процессе речи [4, с.5–6].

При этом экстраграмматичность словоизменения имеет отличительные черты, которые узнаваемы на уровне создаваемых объектов: элементы фонологического и семантического плана должны сочетаться независимо друг от друга; объединение элементов, взятых из исходных слов, относится к сфере фонологии; присвоение категории и пола не подчиняется фиксированному ядру: *ordinosaure* – *ordinateur(m)*+*dinosaure (m)*, *suicidéurgie* \leftarrow *suicide (m)* + *sidéurgie(f)*. Если словообразование по своей природе является вторичным по отношению к грамматике, тем не менее, это не препятствует вхождению телескопированных слов в обиход и использованию их в качестве полноправных лексем. Это подтверждается тем фактом, что лексикализация выражений, понимаемых в самом общем смысле, остается независимой от того, как они были сформированы.

Эффект неожиданности, сокращение (сгущение), частичное отрицание произвольности знака, при котором слова, части звукового значения которых похожи друг на друга, объединяются, требуют особой работы по созданию и интерпретации, успех которой доставляет особое удовольствие преодоленной трудности. Радикально новое или отвлеченное представление фантастических объектов или их создание вызывают ощущение отклонения от обычного. Это несоответствие и часто нереальный характер именуемого объекта могут вызвать улыбку, как и почти все слова-телескопы в причудливых словарях, таких как труд

Алена Креанжа «Девинегрет. Мешочек из портмоне слов» (2013), Жан-Жака Тибо «Nouveaucabulaire» (2005), онлайн-словарей «Dico en ligne Le Robert» [5] и др.

Небезынтересно создание интернет-сообществом словесных композиций путем переименования повседневных прозаических реалий, и это еще один способ систематического комического жонглирования языком, основанный на несоответствии между формантами и обозначенными реалиями. Например, *kér-atocéphale* образован от греческого *kéras*, «рог» и *kephale* «голова», что означает «с рогатой головой», но предлагаемое определение не относится к отряду парнокопытных, а является синонимом рогоносца, объекта многочисленных шуток [6]. Используемые в научных кругах пласты лексики древних языков представляют собой загадку для тех, кто не знает греческого, а раскрытие смысла доставляет определенное удовольствие благодаря распознаванию чего-то известного под неизвестным термином.

Производство словосочетаний в рекламе вписывается в категорию дискурсивных соединений, однако одной только агглютинации автономных знаков, определяющих композицию, недостаточно для создания условного слова, поскольку последнее требует взаимопроникновения лексем в предикативной последовательности.

На различных этапах рекламного творчества словосочетание основано на частичном совпадении двух исходных лексем, это проявляется в усечении в месте встречи двух задействованных членов. Часто встречающийся в современной рекламе, этот тип представляет собой классическую форму словослияния (*Minimaximum*), в том числе с приведением к общему знаменателю омофонного сегмента, принадлежащего двум исходным лексемам (*Bosphoremidable*). Иногда лексическая контаминация проявляется в результате замены фонемы (*Extrainordinaire*) – этот прием, как и многие другие, часто используется для названия продуктов или брендов – апеллируя одновременно к двум семантам в сознании потребителя, он способствует укоренению образа продукта «Cracotte» (*craquante + biscotte*) ou «Pom'pote» (*pomme + compote*).

Рекламный слоган, который до сих пор используется брендом Castorama, сочетает в себе существительное и прилагательное *fastoche* «facile» с обычным графическим сегментом – *asto-* к первому слогу омофона и ко второму слогу, очень близким фонетически, с разницей в апертуре всего на одну ступень буквы О [asto] / [astɔ] чтобы сформировать новое емкое *castoche*, означающим, что с Castorama можно быстро смастерить что-либо своими руками.

Иногда названия брендов или продуктов сами по себе являются неологичными, немногие из них приобретают статус каламбура *Javel dire à tout le monde* (J'avais l'dire à tout le monde) чистящее средство и название фирмы грузоперевозок *Tout en camion* (Tout Ankh Amon).

Нередко полное совпадение двух лексем от которых происходит слово-телескоп и в этом случае мы можем говорить о слове-палимпсесте, характеризующемся сквозным переходом от слова к слову в объемном высказывании. Здесь мы обнаруживаем паронимическую взаимосвязь между контекстным вводным словом и вспомогательным словом, отодвинутым на второй план, но различимым в означающем, которое его затмевает: *La plus bleyle rencontre de la semaine*.

Характерно принятие и одобрение подобного сообщения адресатом за исключением случаев, когда игровой неологизм граничит с провокационностью высказывания или даже агрессией. Эта оборотная сторона играет ключевую роль в определенных типах дискурсов, например, в политическом, где неологизм служит принижению противника или идеи [2]. С помощью такого приема политические деятели склоняют электорат на свою сторону и парадокс новой словоформы в том, что она не только поражает умы, но пробуждает любопытство и расположение граждан к говорящему. Так, в юмористической форме лидер крайне правой французской партии Ж.М. Ле Пен выразил осуждение коррупции правящих классов путем словообразования *Ripoublique* (*République des ripoux* – Республики негодяев), а свою неприязнь к другому оппоненту государственный деятель воплотил во фразе *Durafour crématore* с антисемитскими отсылками, что повлекло за собой судебные преследования. Французские медиа

изобилуют терминами *sarkollandisation* (*Sarko u Hollande*) или *KyMacron*, сокращенное от *Macron* и *McKinsey*, американской консалтинговой компании, способствовавшей продвижению Э. Макрона на пост президента, а тандем Э. Макрона и М. Барнье, премьера министра Франции с 2024 года, шутливо именовали *coalitation* (*coalition et cohabitation* – коалиция и совместное проживание).

Повсеместное распространение фальсификаций фактов как в общественной (особенно политической), так и в частной жизни привело к тому, что журналист еженедельника “*Marianne*” ввел термин *mensongite*, как если бы это было хроническое заболевание. [7]. Приравнивание личного поведения к своего рода заразной болезни, которая поражает все социальное тело, приводит читателя в замешательство ввиду несоответствия сфер (мораль / здоровье) и явного преувеличения. В то же время, хотя не все слова-телескопы обязательно игровы, эти слияния, основанные на неслучайном звуковом сходстве, в основном играют со значением, создавая, иногда вторично, новые, часто удивительные значения.

Примечательно появление не единичных случаев рождения новых словоформ, но целой серии закодированных лексем в преддверии выборов: *On me traitera certainement d'abutyrotomofilogène et que mon post est atripodanatoclaste pourtant je suis plutôt du genre antéphonoheptalinguagyrateur surtout en cette période où l'indécision règne, où faire un choix pour les prochaines élections présidentielle devient une décision capilloéradicatoire je ne vais pas dodecaquadro-decaquester. Mon choix de l'hémicyclodissolutionmane (президент постоянно выпускающий парламент) est fait. Je vais voter Mélenchon...* [8].

Благодаря популяризации в средствах массовой информации словослияние становится одним из флагманских приемов высказывания, что объясняется их яркой выразительностью и странными синтетическими формами. Игровые неологизмы основаны на общих знаниях, и автор и получатель сообщения с удовольствием осознают принадлежность к одной группе, между адресантом и адресатом устанавливается определенный тип связи, основанный на комизме

слов, когда читатель идентифицировал слово и с азартом преодолел испытание на понимание.

На первый взгляд несовместимые с языковыми стандартами, слователескопы, тем не менее, регулируются различными нормами, которые затушевывают их кажущийся произвол. Наиболее заметной является фонетическая составляющая, объединяющая термины, часто связанными на основе аналогии в их значениях, однако не менее примечательны и синтагматические мотивы, которые с помощью контекста оправдывают выполняемые комбинации. Эти гибридные конфигурации не только подтверждают растущую риторическую креативность, отражая близкие отношения с аудиторией, но и свидетельствуют о новых тенденциях в языке за последние два-три десятилетия,

С другой стороны, телескопирование видоизменяет политический и рекламный дискурс, воспринимаемый как манипулятивный, отдавая предпочтение нелогическому убеждению. Выступая против логико-дедуктивного подхода аргументации «путем объяснения», эта стратегия представляет собой нечеткую аргументативную форму, направленную на создание впечатляющего иррационального убеждения.

Список литературы

1. Агеева А.В., Гимадиева Д.А. Словообразовательный потенциал англоязычного МОБАСленга *Казанский лингвистический журнал*. 2022;(5):2: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.158-165>. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/255/236> [дата обращения: 03.11.2024].
2. Ageeva A.V., Abdullina L.R. Linguistic and cultural adaptation of English-language slogans in French advertising discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018;15(2):11–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180202 (in Russ.)
3. Dressler Wolfgang U., Pfeiffer Oskar E., Pöchtrager Markus, Rennison John R. (Editors). *Morphological Analysis in Comparison/Current Issues in Linguistic Theory*. John Benjamins; 2000. 253 p.
4. Fradin B. Les mots-valises: jeux et enjeux. *Observatoire de Paris*. January; 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/329698953_Les_mots-valises_jeux_et_enjeux [accessed:12.09.2024]
5. Dictionnaire Le Robert Dico en ligne. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> [accessed 15.10.2024].
6. Paul Courbis Page officielle de défense et illustration de la langue xyloglotte. URL: <https://www.courbis.fr/Page-officielle-de-defense-et.html> [accessed: 03.11.2024].
7. Eric Conan Extension du domaine du mensonge *Marianne* 27.07.2013. URL: <https://www.marianne.net/politique/extension-du-domaine-du-mensonge> [дата обращения 05.10.2024].
8. Wordpress. URL: <https://aucoinducmptoir.wordpress.com/2017/04/13/elections-lheure-est-a-la-clarification/#more-5190> [accessed: 03.11.2024].

References

1. Ageeva A.V., Gimadieva D.A. Word-forming potential of English moba-slang *Kazan linguistic journal*. 2022;(5):2. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.158-165>. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/255/236> (In Russ.)
2. Ageeva A.V., Abdullina L.R. Linguistic and cultural adaptation of english-language slogans in french advertising discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018;15(2):11–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180202 (in Russ.)
3. Dressler Wolfgang U., Pfeiffer Oskar E., Pöchtrager Markus, Rennison John R. (Editors). *Morphological Analysis in Comparison/Current Issues in Linguistic Theory*. John Benjamins; 2000. 253 p.
4. Fradin B. Les mots-valises: jeux et enjeux. *Observatoire de Paris*. January, 2015. Available from: https://www.researchgate.net/publication/329698953_Les_mots-valises_jeux_et_enjeux [accessed:12.09.2024]
5. Dictionnaire Le Robert Dico en ligne. Available from: <https://dictionnaire.lerobert.com/> [accessed 15.10.2024].
6. Paul Courbis Page officielle de défense et illustration de la langue xyloglotte. Available from: <https://www.courbis.fr/Page-officielle-de-defense-et.html> [accessed: 03.11.2024].
7. Eric Conan Extension du domaine du mensonge *Marianne* 27.07.2013. Available from: <https://www.marianne.net/politique/extension-du-domaine-du-mensonge> [дата обращения 05.10.2024].
8. Wordpress. Available from: <https://aucoinducmptoir.wordpress.com/2017/04/13/elections-lheure-est-a-la-clarification/#more-5190> [accessed: 03.11.2024].

Авторы публикации

Вергасова Ирина Яковлевна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: iranabalaban@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1517-9205>

Такhtarова Светлана Салаватовна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: alfia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.04.2025
Одобрена после рецензирования: 20.05.2025
Принята к публикации: 28.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Vergasova Irina Yakovlevna –
PhD, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: iranabalaban@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1517-9205>

Takhtarova Svetlana Salavatovna –
Candidate of Philological Sciences, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: alfia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 27.04.2025
Approved after peer reviewing: 20.05.2025
Accepted for publication: 28.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 81'33 + 81'373.45

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.204-217>

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРПУСЕ ТЕКСТОВ

А.В. Дмитриев¹, Е.С. Крупнова²

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия*

¹*avd84@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>*

²*krupnalena@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3127-2737>*

Аннотация. В эпоху глобализации и активного взаимодействия носителей языка с представителями разных культур пополнение словарного состава иноязычными словами становится ключевым фактором развития и обогащения языковой системы. Однако в связи с увеличением объёма текстовых данных ручной анализ и поиск лексических единиц становятся менее эффективным и времязатратным. Это делает актуальным применение методов автоматической обработки естественного языка (NLP) для извлечения заимствований. Цель — рассмотреть несколько подходов автоматического извлечения лексических единиц с 1986 по настоящее время, а также разработать алгоритм для решения данной задачи. Материал исследования представлен собранным корпусом из 22348 английских предложений, полученных с сайтов 11 ведущих университетов Австрии, Германии и России. Для проверки результатов использовались 47 новых предложений. Дополнительно были сгенерированы 1318 новых предложений, содержащих немецкие заимствования с помощью чат-ботов. Методы — в исследовании использовалась мультязыковая модель “bert-base-multilingual-cased”. Производилась разметка корпуса с использованием двух тегов, обозначающих наличие/отсутствие немецкого заимствования в предложении. Затем осуществлялось дообучение модели на размеченном корпусе и на дополнительно сгенерированных предложениях. Результаты исследования показывают, что современные подходы позволяют достичь высокой точности, однако остаются трудности, связанные с работой моделей с различными языковыми парами и улучшением их производительности. Кроме того, описан алгоритм автоматического извлечения немецких заимствований из английских предложений с помощью дообученной на 900 текстах модели BERT. Модель показала высокие результаты и смогла успешно распознать 30 из 43 слов немецкого происхождения.

Ключевые слова: заимствование; немецкие заимствования; автоматическая обработка текстов; NLP; мультязыковая модель BERT

Для цитирования: Дмитриев А.В., Крупнова Е.С. Автоматическое распознавание лексических заимствований в корпусе текстов. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 204–217. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.204-217>

AUTOMATIC RECOGNITION OF LEXICAL BORROWINGS IN A TEXT CORPUS

A.V. Dmitrijev¹, E.S. Krupnova²

Peter the Great Saint-Petersburg polytechnic university, Saint-Petersburg, Russia

¹*avd84@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>*

²*krupnalena@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3127-2737>*

Abstract. In the context of globalization and the dynamic interaction between language speakers and representatives of diverse cultures, the incorporation of foreign lexical items into vocabulary systems has become a fundamental driver of linguistic development and enrichment. However, the exponential growth in textual data has rendered manual analysis and lexical unit identification increasingly inefficient and time-consuming. This necessitates the implementation of automated natural language processing (NLP) methods for loanword extraction. This paper aims to examine various approaches to automatic lexical item extraction from 1986 to the present, while also developing an algorithm to address this challenge. The material includes a collected corpus of 22348 English sentences parsed from the websites of 11 leading universities in Austria, Germany and Russia. To verify the results, 47 new sentences were used. Additionally, 1318 new sentences including German loanwords were generated using chatbots. As for the methods, the “bert-base-multilingual-cased model” was used in the study. Corpus was annotated with two tags indicating the presence/absence of a German loanword in a sentence. The model was then retrained on the corpus and on additionally generated sentences. The findings demonstrate that while contemporary methods achieve high accuracy rates, significant challenges persist in model performance across different language pairs and in overall efficiency enhancement. Furthermore, the study describes an algorithm for automatic extraction of German loanwords from English sentences utilizing the BERT large language model trained on a corpus of 900 texts. The model demonstrated robust performance, successfully identifying 30 out of 43 words of German origin.

Keywords: borrowing; Germanisms; natural language processing; NLP; multilingual BERT model

For citation: Dmitrijev A.V., Krupnova E.S. Automatic Detection of Lexical Loanwords in a Text Corpus. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 204–217. (In Russ.)
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.204-217>

В условиях глобализации и развития межкультурного взаимодействия процесс лексического заимствования является одним из ключевых источников обогащения языка. Традиционные подходы к выявлению слов, основанные на ручном анализе, становятся всё менее эффективными в условиях стремительного увеличения объёмов текстовых данных. В связи с этим применение современных методов автоматической обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и разработка автоматизированных алгоритмов приобретает особую важность.

Задача автоматического извлечения лексических заимствований из текстов является более сложной, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, заимствования могут состоять из одного или нескольких токенов. Вторая проблема заключается в том, что процесс лексического заимствования включает проникновение иноязычных слов в язык-реципиент. Носители языка адаптируют их, чтобы они соответствовали нормам новой языковой системы. Процесс ассимиляции может длиться долгое время в зависимости от ряда причин. В некоторых случаях слова заимствуются с минимальными фонетическими изменениями, если фонологическая структура похожа. Напротив, если она сильно отличается, то происходят значительных изменений, включая грамматические и орфографические преобразования, а также семантические сдвиги. Тем не менее, успешное извлечение заимствований необходимо для решения множества задач обработки естественного языка (NLP), включая машинный перевод, синтаксический анализ, разрешение кореференции, синтез речи, распознавание именованных сущностей (NER) и другие.

Таким образом, целью исследования является рассмотрение нескольких подходов автоматического извлечения лексических единиц с 1986 по настоящее время, включая методы машинного обучения, статистические модели и использование лингвистических ресурсов, а также разработать алгоритм для решения данной задачи.

Материалом является собранный корпус из 22348 английских предложений, полученных путём парсинга с сайтов 11 ведущих университетов Австрии, Германии и России, а также дополнительно сгенерированные 1318 предложений для увеличения количества примеров, содержащих германизмы. В качестве методов использовали подходы компьютерной лингвистики и NLP: корпус был размечен тегами для обозначения наличия или отсутствия немецких заимствований в предложениях. Большая мультязыковая модель BERT была дважды дообучена на корпусе: сначала на 22348 предложениях, затем на 22410, вклю-

чающих дополнительно сгенерированные примеры употребления лексических единиц немецкого происхождения.

В области автоматического извлечения лексических заимствований за последние 20 лет произошли значительные изменения в подходах. Русскоязычных статей, описывающих разные алгоритмы, крайне мало. Рассмотрим некоторые из них. Первая попытка распознавания заимствований была предпринята Embleton в 1986 году. Он предложил формулу для вычисления, согласно которой уникальный параметр заимствования для каждой пары языков рассчитывался бы путем определения количества заимствованных слов, которые проникают в язык-реципиент. Вторая попытка была предпринята McMahon в 2005 году, который пришел к выводу, что требуется предварительное знание о количестве заимствований в языке и их нужно искать вручную. Однако у этого метода был ключевой недостаток: невозможность определения неизвестных заимствований, проникающих из одной языковой системы в другую [1].

В 2007 году Van Der Ark впервые предложил идею сравнения звуковой последовательности с использованием алгоритма выравнивания для вычисления оценки расстояния между двумя словами [1]. В 2016 году Mennecier и его коллеги продолжили развивать эту идею [2]. В своих исследованиях они пришли к выводу, что два слова являются заимствованиями, если между двумя неродственными языками наблюдается почти нулевое расстояние между словами. Основная проблема заключается в определении порога, чтобы точно определить, является слово заимствованием или нет. Для решения данной проблемы использовались размеченные данные, которые содержали информацию о заимствованных единицах. Однако вопрос, можно ли использовать эти пороги для других языковых пар, остаётся открытым. В лучшем случае, определение иноязычных слов не должно зависеть от субъективных суждений экспертов. Кроме того, базы данных, содержащие разметку заимствований, не являются общедоступными и открытыми [1].

В части работ, посвященных автоматическому распознаванию лексических заимствований, акцент делается на использовании корпусов и поиске в словарях. Например, Beatrice Alex рассмотрела комбинированный подход, включающий модуль поисковой системы, который работал с Интернетом как с корпусом и лексическим ресурсом. Эта модель облегчила результаты поиска английских вкраплений в немецком текстовом корпусе [3]. Однако недостатками такого метода является требование наличия доступа к большому датасету, в котором больше 40 миллионов токенов, для получения более точных и высоких результатов. Кроме того, Furiassi and Hofland исследовали использование поиска сочетаний с символьными n-граммами по корпусам для извлечения ложных англицизмов в корпусе итальянских газет [4].

В 2021 году была представлена задача ADoVo по извлечению не ассимилированных лексических заимствований из испанских СМИ и газет. Тексты были разделены на предложения, которые затем были разбиты на слова и размечены с использованием BIO-разметки (B – начало слова, I – часть слова и O – конец), где ENG обозначало заимствования из английского языка, а OTHER – заимствования из других языков. В решении этой задачи участвовали четыре команды, использующие различные подходы. Одна из них экспериментировала с моделью условных случайных полей (CRF), которая обучалась на размеченных данных, а затем использовалась для предсказания неразмеченных единиц. Затем на объединённом наборе данных была обучена новая модель. Преимуществом данного метода является то, что псевдо-разметка улучшает результаты работы модели [5].

Еще один метод, использованный для автоматического извлечения заимствований, сфокусирован на подходе на основе расстояния редактирования (определение минимального количества операций редактирования, необходимых для преобразования одной строки в другую), мерах семантического сходства, а также фонетическом выравнивании между заимствованными словами и заимствованными лексемами, что позволяет выявить различия в фонологии

между словами двух языков. Набор данных основан на 12 языковых парах, в котором содержатся положительные примеры использования иностранных слов, а также отрицательные, включенные в три набора данных: синонимы (слова и заимствования с похожим значением, но разным произношением), сложные отрицательные примеры (ближайшие фонетические соседи к заимствованию, но с другим значением) и случайные (пары слов, которые не имеют ни семантического, ни фонетического сходства). После сбора примеров для каждой пары рассчитывались четыре меры: сходство на графическом, фонетическом, семантическом и артикуляционных уровнях. После оценки были созданы три группы данных для каждой языковой пары, на которых были обучены четыре бинарных классификатора, работающие с одной языковой парой, для оценки работы единой мультязыковой модели. Согласно результатам, производительность многоязычной модели превосходит классификаторы, и она лучше работает на больших тестовых выборках, чем на одной языковой паре [6].

Elena Alvarez-Mellado предложила модель условных случайных полей (CRF) с использованием ручных признаков для извлечения англицизмов в корпусе, состоящем из двух частей. Первая часть содержала заголовки газет на испанском, собранных с сайта онлайн-газеты *eldiario.es*. Эти заголовки были размечены с точки зрения наличия/отсутствия в них англицизмов. Вторая часть – дополнительный тестовый набор, который помогает оценить производительность модели и ее способность обнаруживать англицизмы в новостях. Для исследования размечались только не ассимилированные заимствования, а также псевдоанглицизмы (слова, похожие на английские, но не существующие в языке). В разметке использовались две метки: ENG и OTHER. Затем базовая модель условных случайных полей (CRF) была обучена на размеченных данных с помощью BIO-кодировки. Для лучшего распознавания заимствований были добавлены следующие признаки: наличие заглавных или строчных букв в начале слова, символные триграммы, токены, смещение, наличие кавычек, суффикс слова (последние три символа), часть речи (POS), форма слова и векторное

представление слов. Автор пришел к выводу, что все признаки оказались значимы, и результаты работы модели на наборах данных различаются в зависимости от включения метки OTHER [4].

John E. Miller и соавторы предложили использование трех лексических языковых моделей: моделей Маркова (представление слов на основе составляющих звуков (фонем)), метода опорных векторов (SVM) (использование звуковых n-грамм) и рекуррентных нейронных сетей (RNN) (представление слов как последовательности векторных представлений отдельных фонем) для извлечения заимствований в одноязыковых списках слов. В исследовании авторы использовали многоязычные списки слов, предоставленные Всемирной базой данных заимствований (WOLD), к которому были добавлены фонетические транскрипции, а также дополнительный список немецких слов с фонетическими транскрипциями. Модели машинного обучения были обучены на корпусе предварительно размеченных данных и затем использовались для предсказания этимологического происхождения новых слов. После этого были проведены три эксперимента. Первый включал искусственное смешение списков слов в наборах данных со словами из источника, не включенного в WOLD для обнаружения преднамеренно введенных заимствований. Результаты показали, что все методы эффективно работают, когда процент искусственно добавленных заимствований достигает 20%. Второй эксперимент был сосредоточен на обнаружении заимствований в данных WOLD в их исходной форме с использованием техники многократного разделения данных на две выборки. С этим лучше всего справилась модель Маркова. В третьем эксперименте проверялось извлечение заимствований, когда один язык служил основным источником заимствования. Были использованы два набора баз данных WOLD: языки с 300 или более заимствованными словами (17 языковых пар) и языки с 100 или более заимствованными словами (37 языковых пар). Результаты показали, что производительность всех методов извлечения заимствований значительно улучшается,

когда большинство заимствований происходит из одного языка-донора и когда количество заимствованных слов увеличивается [7].

Н. Кортегосо Виссио и В.П. Захаров предложили два метода для извлечения иностранных слов из якутских текстов. В одном из них применяется правило, основная идея которого заключается в поиске сочетаний букв, чуждых языку-донору. Благодаря этому достигается высокая точность в поиске словоформ, не соответствующих якутской фонологии. Второй метод основан на статистическом подходе для различения русских и якутских сочетаний букв, который дополняет первый, основанный на правилах [8].

Вообще отечественные исследования в данной области, по-видимому, находятся только на заре своих возможностей. Немного отличное от проблемы автоматического распознавания, однако методологически значимое, исследование было проведено нашими коллегами из Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН, которые взяли в качестве материала 53 научных текста по тематике «Науки о Земле» за период с 2017 по 2022 гг. и применили методы тематического моделирования через MALLET (MAchine Learning for Language Toolkit), с функциями статистической обработки текстов, классификации документов, разметки последовательностей, кластерного анализа, извлечения информации. Исследование показало, что автоматическое извлечение терминов требует использования комбинированного подхода, который сочетает как лингвистические, так и статистические критерии. В ходе работы были выявлены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при извлечении терминов: определение границ сложносоставных терминов, распознавание лексических единиц как части составного термина, а также определение терминов в зависимости от контекста. Существенным ограничением метода является то, что из текстов извлекается значительный список слов-кандидатов, которые в дальнейшем требуют дополнительной проверки экспертом в предметной области. Кроме того, было установлено, что длина анализируемого текста оказывает негативное влияние на согласованность терминов [9].

Так или иначе, исследователи на протяжении более 35 лет разрабатывали ряд методов для автоматического поиска и извлечения заимствований разного происхождения, начиная от использования словарей до применения классификаторов и методов машинного обучения. В ходе анализа работ было выявлено, что высокие результаты достигаются с помощью дообучения больших языковых моделей, поэтому в практической части было решено использовать данный метод.

Предметом нашего практического исследования стали немецкие заимствования, поэтому для их автоматического распознавания был собран корпус, состоящий из 900 английских текстов, полученных с сайтов 11 ведущих университетов: по 5 из Австрии и Германии и 1 из России. С каждого сайта были отобраны статьи двух секций – «История» и «Новости» (период с 2017 по 2023 годы). Тексты были предобработаны и разделены на предложения. Затем корпус был вручную размечен двумя тегами – “German loanword” or “no German loanword” для обозначения, в каких примерах содержатся немецкие заимствования, в каких нет. Всего было найдено 42 слова немецкого происхождения: aesthetic, allergen, allergy, Alzheimer’s disease, antibody, antigen, ambivalent, atherosclerotic, Auschwitz, autism, calcite, cobalt, determinist, diesel, enzyme, Führer, genome, hamster, hatch, hertz, kindergarten, linguistic (linguistics), morphology, motivation, muesli, Nazi (denazification), pilsner (Pils), polymer (polymerase, polymeric, polymerization), rainforest, sauerkraut, semester, seminar, spectrometer, waltz, worldview, yodel, zeitgeist, zinc, zircon, Zollverein and X-Ray.

Для дообучения была выбрана мультиязыковая модель “bert-base-multilingual-cased”, так как она показывает высокие результаты (80–90% точность) и модель обучена на материале текстов разных языков [10]. Модели был подан размеченный корпус, который был разделен на две части: обучающая и тестовая выборка. В качестве эпох было экспериментально выбрано 5. На первой происходит дообучение (прохождение по всем примерам 5 раз и выявление закономерностей в тексте и разметке), на второй модель классифицирует данные и оценивает вероятность своего ответа. В результате дообучения самой вы-

сокой метрикой точности модели стала 0.995, поскольку 98% предложений в корпусе не содержит немецкие заимствования.

Кроме того, для проверки результатов работы модели были предложены 47 новых предложений, взятых из онлайн словарей. В результате был получен тег 'German loanword' (есть германизм) для 20% (уверенность в ответе 65-70%) и тег 'no German loanword' (отсутствует немецкое заимствование) для 80% предложений (уверенность в ответе 98-99%). Количество предложений, содержащих немецкие заимствования, недостаточно для того, чтобы модель распознавала их как отдельную группу. Стоит также отметить, что в верно распознанных предложениях содержатся слова немецкого происхождения “polymer”, “diesel”, “linguistic”, “seminar”, “enzyme” и “semester”, которые встречаются в корпусе достаточно часто, поэтому модель их запомнила.

Для улучшения результата были сгенерированы 1318 новых предложений, содержащих немецкие заимствования (30 по каждому слову) чат-ботами, которые были добавлены в корпус и размечены одним тегом “German loanword”. Согласно анализу работы модели она смогла идентифицировать слово как «немецкое», если в корпусе встречалось как минимум 29 примеров с ним.

При второй попытке дообучения корпус дополнительно был сбалансирован, потому что доля предложений, содержащих немецкое заимствование (0.076) и не содержащих (0.924), совершенно разная. Эта одна из причин, почему модель хуже определяет первую группу. После дообучения с большим количеством примеров необходимых слов модели снова были даны 46 предложений. По сравнению с предыдущим этапом результаты стали лучше, поскольку количество примеров с германизмами увеличилось: тег 'no German loanword' (отсутствует немецкое заимствование) для 70% предложений с уверенностью 72-99% и тег 'German loanword' (есть германизм) для 20% с уверенностью 65-70%. Модель смогла определить 30 немецких заимствований из 42: aesthetic, allergen, allergy, Alzheimer’s disease, antibody, ambivalent, Auschwitz, autism, calcite, denazification, enzyme, genome, kindergarten, linguistic (linguistics), mor-

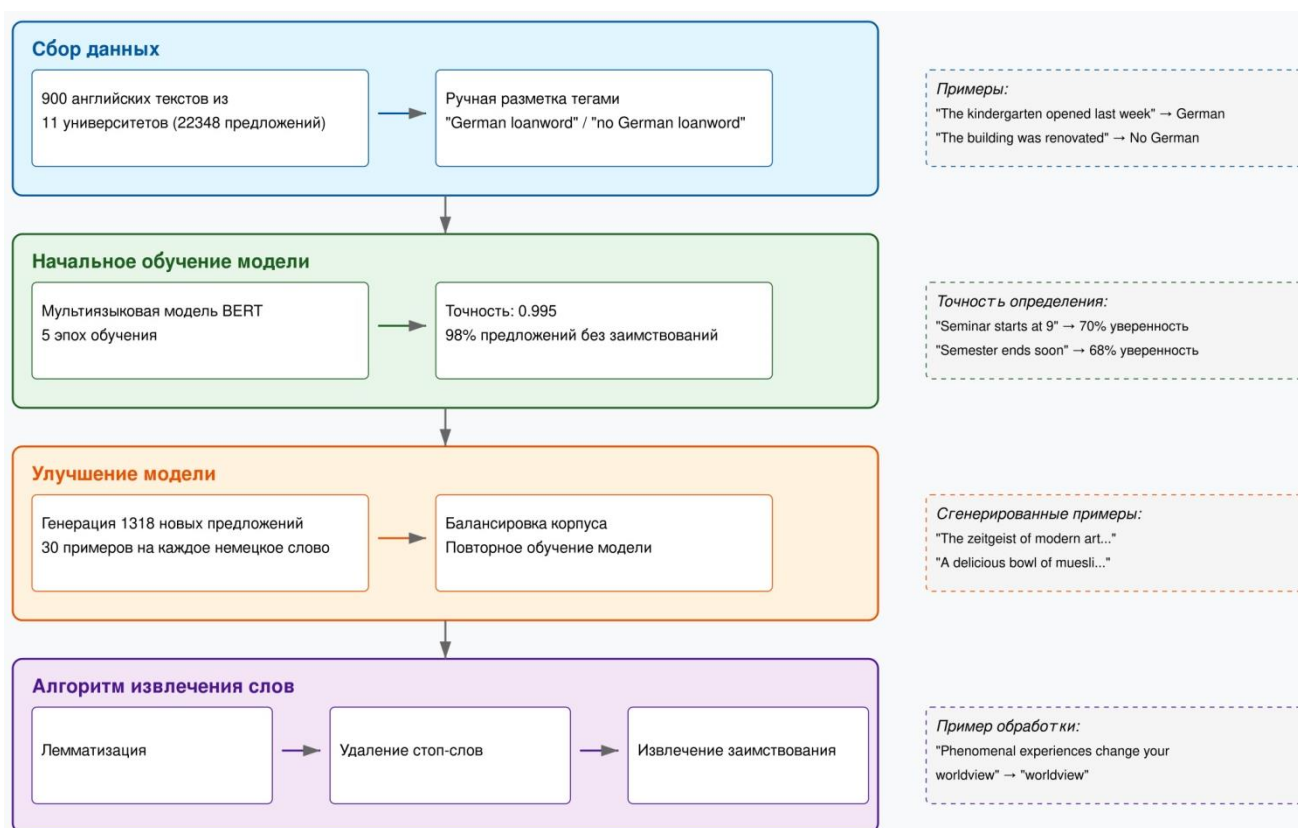
phology, motivation, Nazi, pilsner (Pils), polymer (polymerase, polymeric, polymerization), sauerkraut, semester, seminar, spectrometer, yodel, zeitgeist, zink, zircon, Zollverein and X-Ray.

Кроме того, поскольку модель классифицировала предложения и выдавала тег, а не извлекала необходимые слова из предложения, был создан простой метод для получения только лексической единицы. Алгоритм состоит из трёх шагов: лемматизация предложения, затем удаление стоп слов и извлечение слова из строки.

Первое означает приведение слова к начальной (словарной) форме. Это необходимо для более быстрого анализа текста моделью, поскольку одно и то же слово может употребляться в нескольких формах. Для этого шага используется библиотека для обработки английского языка, с помощью которой это делается автоматически. На втором этапе удаляются часто употребляемые слова, которые не несут смысловой нагрузки (частицы, союзы, слова-связки и т.д.) для снижения нагрузки и времени анализа текста. На третьем этапе каждое слово сопоставляется со списком, в котором записаны все немецкие заимствования, и если оно совпадает, то выдает его в качестве результата. Рассмотрим на примере, как работает алгоритм. На вход подается следующее предложение: *‘Phenomenal experiences ‘change your worldview so as to change the direction of your life’.*’ После лемматизации получаем новую строку: *‘Phenomenal experience ‘change your worldview so as to change the direction of your life’.*’ Затем удаляем лишние слова: *‘Phenomenal experience change worldview change direction life’.* И, наконец, извлекаем слово и получаем *‘Found German loanword(s): worldview’.* Алгоритм был проверен на 46 предложениях, содержащих немецкие заимствования, и все слова были определены правильно.

На рис. 1 представлена визуализация всего пайплайна проведенной нами работы.

В результате анализа преимущественно зарубежного опыта в решении вопроса автоматического извлечения лексических заимствований, можно сде-

лать выводы, что активно развивается количество различных подходов в последние годы, начиная с 1986 года и до настоящего времени, включая работу со словарями и корпусами, вычисление расстояния между словами и звуковыми последовательностями; обучение классификатора или языковых моделей. Полученные результаты исследователей показали нетривиальность задачи и проблему обнаружения лексических заимствований, что подтверждает необходимость в дальнейших исследованиях в этой области.

В ходе практической части был описан метод автоматического поиска заимствований из текстов с помощью дообучения большой мультиязыковой модели BERT на собранном размеченном корпусе текстов с сайтов ведущих европейских университетов, а также алгоритм извлечения германизма из предложения. Модель смогла определить большую часть лексических единиц, однако данный метод может быть доработан и улучшен. Например, добавить больше примеров с немецкими словами, доля которых в корпусе небольшая. Кроме того, разработанный подход может быть использован для парсинга текстов с сайтов других университетов и поиска лексических единиц другого происхождения.

Заключение. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются расширение корпуса текстов для улучшения точности распознавания редко встречающихся заимствований, адаптация разработанного метода для работы с заимствованиями из других языков, создание универсального инструмента для автоматического выявления заимствований в различных языковых парах, а также интеграция алгоритма с существующими системами обработки естественного языка для решения практических задач компьютерной лингвистики.

Список литературы

1. Köllner M. *Automatic loanword identification using tree reconciliation*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls. Universität Tübingen; 2021. 216 p.
2. Mennecier P., Nerbonne J., Heyer E., Manni F. A Central Asian Language Survey: Collecting Data, Measuring Relatedness and Detecting Loans. *Language Dynamics and Change*. 2016; 6: 57–98.
3. Beatrice A. *Comparing Corpus-based to Web-based Lookup Techniques for Automatic English Inclusion Detection*. URL: http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2008/pdf/674_paper.pdf [дата обращения: 20.01.2025].
4. Álvarez-Mellado E. *An Annotated Corpus of Emerging Anglicisms in Spanish Newspaper Headlines*; 2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2004.02929.pdf> [дата обращения: 25.01.2025].
5. Shengyi J., Tong C., Yingwen F., Nankai L. and Jieyi X. *BERT4EVER at ADoBo 2021: Detection of Borrowings in the Spanish Language Using Pseudolabel Technology*; 2021. URL: https://ceur-ws.org/Vol-2943/adobo_paper1.pdf (дата обращения: 23.01.2025)
6. Nath A., Saravani S.M., Khebour I., Mannan S., Liand Z., et al. A Generalized Method for Automated Multilingual Loanword Detection. *Proceedings of the 29th International Conference on Computational Linguistics*; 2022. Pp. 4996–5013.
7. Miller J.E., Tresoldi T., Zariquiey R., Beltrán Castañón C.A., et al. *Using lexical language models to detect borrowings in monolingual wordlists*. 2020; 15(12):1–23.
8. Кортегосо В.Н., Захаров В.П. Два метода выявления русских заимствований в якутских текстах. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022;10 (11):26–34.
9. Падерина Т. С. Методы извлечения терминов в научных текстах (на материале статей по направлению науки о земле). *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6(3): 388–396.
10. Devlin J., Chang M.W., Kenton L., Toutanova K. *Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language*. URL: <http://arxiv.org/abs/1810.04805> (accessed: 27.01.2025)

References

1. Köllner M. *Automatic loanword identification using tree reconciliation*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls. Universität Tübingen; 2021. 216 p.
2. Mennecier P., Nerbonne J., Heyer E., Manni F. A Central Asian Language Survey: Collecting Data, Measuring Relatedness and Detecting Loans. *Language Dynamics and Change*. 2016;6:57–98.
3. Beatrice A. *Comparing Corpus-based to Web-based Lookup Techniques for Automatic English Inclusion Detection*. Available from: http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2008/pdf/674_paper.pdf [accessed: 20.01.2025].
4. Álvarez-Mellado E. *An Annotated Corpus of Emerging Anglicisms in Spanish Newspaper Headlines*; 2020. Available from: <https://arxiv.org/pdf/2004.02929.pdf> [accessed: 25.01.2025].
5. Shengyi J., Tong C., Yingwen F., Nankai L. and Jieyi X. *BERT4EVER at ADoBo 2021: Detection of Borrowings in the Spanish Language Using Pseudolabel Technology*; 2021. Available from: https://ceur-ws.org/Vol-2943/adobo_paper1.pdf (accessed: 23.01.2025)

6. Nath A., Saravani S.M., Khebour I., Mannan S., Liand Z., et al. A Generalized Method for Automated Multilingual Loanword Detection. *Proceedings of the 29th International Conference on Computational Linguistics*; 2022. Pp. 4996–5013.
7. Miller J.E., Tresoldi T., Zariquiey R., Beltrán Castañón C.A., et al. *Using lexical language models to detect borrowings in monolingual wordlists*. 2020; 15(12):1–23.
8. Vissio N. Cortegoso, Zakharov V.P. Two methods for identifying Russian words in Yakut texts. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022;10(11):26–34. (In Russ.)
9. Paderina T.S. Methods for Terminology Extraction in Scientific Texts (Based on Articles of Earth Sciences). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3):388–396. (In Russ.)
10. Devlin J., Chang M.W., Kenton L., Toutanova K. *Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language*. URL: <http://arxiv.org/abs/1810.04805> (accessed: 27.01.2025)

Авторы публикации

Дмитриев Александр Владиславович –
Доцент

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

Email: avd84@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Крупнова Елена Сергеевна –

Специалист по учебно-методической работе
I категории

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

Email: krupnalena@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3127-2737>

Authors of the publication

Dmitrijev Alexander Vladislavovich –
Associate Professor

Saint-Petersburg polytechnic university

Saint-Petersburg, Russia

Email: avd84@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Krupnova Elena Sergeevna –

Specialist in educational and methodological work of
first category

Saint-Petersburg polytechnic university

Saint-Petersburg, Russia

Email: krupnalena@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3127-2737>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.02.2025

Одобрена после рецензирования: 20.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 13.02.2025

Approved after peer reviewing: 20.03.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.218-226>

**UNA MIRADA A LA MEMORIA Y EL DISCURSO: LAS INTERFACES DE
LA BRASILIDAD EN LA CONSTITUCIÓN DEL SER BRASILEÑO**

Á.A. Kochkin¹, V.M. Gouveia²

¹*Universidad Federal de Kazán, Kazán, República de Tatarstán, Rusia*

²*Escuela Superior de Economía, San Petersburgo, Rusia*

¹*AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>*

²*virginiomgouveia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7142-5992>*

Anotación. Este artículo buscará analizar las particularidades que permean el sentido de pertenencia experimentado por los brasileños como parte de una Nación protegida por un Estado, a partir del concepto contemporáneo de Estado, además del concepto de país, que emerge del imaginario discursivo de los brasileños, cuál es su relación con la brasilidad y qué significa ser brasileño en un sentido más subjetivo, teniendo en cuenta la diversidad de la realidad cultural de Brasil. Este tema es de fundamental importancia cuando se habla de la construcción y constitución de una nación basada en supuestos que tienen como pilar no sólo la diversidad cultural, sino también la heterogeneidad de lo que se llama cultura brasileña. Para ello, nos basaremos en el concepto de brasilidad, sujeto, identidad cultural de las teorías de la memoria y del discurso en el campo del análisis del discurso para buscar esclarecer la historicidad de la cultura brasileña, sus interfaces, su pluralidad y cómo su pluralidad ésta configura su estructura heterogénea.

Palabras clave: memoria y discurso; análisis del discurso; brasilidad; heterogeneidad cultural; cultura brasileña

Para citación: Kochkin Á.A., Gouveia V.M. Una Mirada a la Memoria y el Discurso: las Interfaces de la Brasilidad en la Constitución del ser Brasileño. *Revista lingüística de Kazán*. 2025;8(2): 218–226. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.218-226>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.218-226>

**A LOOK AT THE MEMORY AND DISCOURSE: THE INTERFACES OF
THE BRAZILIANNES IN THE CONSTITUTION OF
THE BEING BRAZILIAN**

A.A. Kochkin¹, V.M Gouveia²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

High School of Economics, Saint Petersburg, Russia

¹*AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>*

²*virginiomgouveia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7142-5992>*

Abstract. This article will seek to analyze the particularities that permeate the sense of belonging experienced by Brazilians as part of a Nation protected by a State, based on the contemporary concept of State, in addition to the concept of country, which emerges from the discursive imaginary of the Brazilians, what their relationship is with Brazilianness and what it means to be Brazilian in a more subjective sense, taking into account the diversity of Brazil's cultural reality. This

issue is of fundamental importance when talking about the construction and constitution of a nation based on assumptions that have as their pillar not only cultural diversity, but also the heterogeneity of what is called Brazilian culture. To do this, we will rely on the concept of Brazilianness, subject, cultural identity of the theories of memory and discourse in the field of discourse analysis to seek to clarify the historicity of Brazilian culture, its interfaces, its plurality and how its plurality this shapes its heterogeneous structure.

Keywords: memory and discourse; discourse analysis; Brazilianness; cultural heterogeneity; Brazilian culture

For citation: Kochkin A.A., Gouveia V.M. A Look at the Memory and Discourse: The Interfaces of the Brazilianness in the Constitution of the Brazilian Being. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 218–226. (In Spanish) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.218-226>

Una introducción a la cultura brasileña, la heterogeneidad cultural y el concepto de nación brasileña.

Al analizar este tema tan importante para la noción de cultura brasileña, primero nos hace falta comprender algunos conceptos básicos que serán fundamentales para dar sentido a todos los matices planteados en este artículo. El primer punto a analizar es la (inter)relación entre cultura y memoria [1, 2]. Sabemos que la memoria es el hilo conductor por el que la cultura se transporta a través del tiempo, de generación en generación. Es la memoria la que nos permite ser conscientes de estar en el presente y de haber vivido un *antes*. Es lo que nos permite tener sentido del tiempo y a través de él continuamos en la línea de sucesiones y aprendizajes compartidos que validan nuestra identidad y la noción de pertenencia a un grupo, un espacio y un tiempo [3]. En este sentido, la memoria aparece así como un artificio para proteger el pasado contra la acción corrosiva del tiempo y para brindar apoyo a los individuos para comprender el mundo que los rodea, dando así sentido a todo lo que existe. Para Pêcheux [4], la memoria discursiva es el soporte semántico de todo discurso, su funcionamiento se da a través de la repetición de enunciados, lo que conforma una regularidad discursiva. Esta regularidad discursiva, a su vez, invoca significados a través de los preconstruidos establecidos en la serie enunciativa. Esta memoria discursiva hace que los sujetos, también llamados agentes culturales, adquieran ciertos rasgos culturales y, de esta manera, la cultura se mantenga válida y viva.

La identidad, otro punto importante para comprender el problema aquí propuesto, se conecta con el concepto de memoria y cultura. Jan Jassman [5] afirma que la memoria cultural es “la facultad que nos permite construir una imagen narrativa del pasado y, a través de este proceso, desarrollar una imagen e identidad de nosotros mismos”. En esta línea, podemos entender que la memoria cultural actúa para salvaguardar el patrimonio simbólico institucionalizado [6], al que los individuos recurren para construir sus propias identidades y afirmarse como parte de un grupo. Esto es posible porque el acto de recordar involucra aspectos normativos, de modo que pertenecer a una comunidad requiere seguir las reglas de cómo recordar y qué recordar, además de cómo mantener vivos estos recuerdos dentro de un grupo social. Este comportamiento se encuentra dentro del espectro de transmisión cultural que se produce a través de la observación de los comportamientos de los demás. Normalmente, durante la vida de un individuo en una sociedad compleja se presentan una gran variedad de estímulos culturales.

Este comportamiento colectivo, esta transmisión cultural nos lleva a comprender el concepto de cultura, que se entiende como comportamientos, tradiciones y conocimientos de un determinado grupo social, incluyendo la lengua, las comidas típicas, las religiones, la música local, las artes, la vestimenta, entre otros muchos aspectos [7].

Al analizar más específicamente la cultura brasileña y sus variadas formas de manifestación, se nota que su estructura heterogénea dificulta la comprensión de la Nación [1] y de la pertenencia de los brasileños a una Nación ya que, en términos generales, las diferencias culturales llevan a los individuos a experimentar un sentimiento de no pertenencia a una Nación. Naturalmente, este sentido tiende a llevarlos a buscar una protección institucional que podría llegar ser la ruptura de la estructura del Estado o la exigencia de una mayor autonomía que los lleve a una condición de autogobierno que les permita promover sus particularidades culturales en detrimento de la existencia de un Estado único - ya que no se comprometería a defender los derechos o particularidades de las llamadas minorías, que pueden ser una

minoría en cuanto al número de individuos que expresan ciertos aspectos culturales o simplemente un grupo social que no goce de prestigio o simpatía proveniente del Estado y de las elites culturales de las grandes ciudades.

La heterogeneidad cultural de Brasil es un reflejo de la diversidad presente en aspectos culturales, religiones, cocina, música y vocabulario de la variante brasileña de la lengua portuguesa. También se observa en las características físicas de las personas [3, 6]. La composición de la población es diferente en cada estado del País. Ella refleja el proceso de ocupación y colonización ocurrido en diferentes partes del territorio brasileño a lo largo de la historia, desde la llegada de los portugueses en 1500, el proceso de colonización, integración social de los indígenas con los negros de diferentes regiones de África y los europeos que culminó en el proceso de formación de las sociedades brasileñas. Cada región, a lo largo de los años, fue recibiendo influencias de diferentes pueblos y esto refleja significativamente la manifestación heterogénea de una perspectiva macro de la cultura brasileña. Este contexto propició el mestizaje de los habitantes de Brasil, caracterizados como mulatos (blancos + negros); caboclo o mameluco (blanco + indio); cafuzo (indio + negro). A medida que iba continuando el mestizaje, surgieron innumerables tipos raciales o grupos étnicos que hoy componen la población nacional, por lo que en los estados brasileños no existe una homogeneidad étnica, sino el predominio de varios grupos. La distribución de los principales grupos étnicos a lo largo del territorio nacional es consecuencia de que la población de las regiones del país tuvo a los europeos como principal pueblo ocupante; en la Amazonia predominan los descendientes de indígenas; los afrodescendientes son mayoría en el Nordeste brasileño. Sin embargo, existe una gran diversidad incluso dentro de estas regiones, ya que además del mestizaje que se produjo en estos lugares, hubo y todavía hay un gran flujo migratorio.

Debido a esta gran variedad cultural, se vuelve complicado aplicar el concepto de nación a Brasil, sin embargo, tal como lo dicta el derecho internacional propuesto y previsto por la ONU y reconocido por los estados soberanos firmantes de la carta de

la ONU, Brasil es un estado¹ ubicado en un país² de América del Sur y está formado por una Federación de entidades subnacionales, que son estados miembros, cada uno con su propia cultura e historia. Así, se caracterizan como “mininaciones” que, en conjunto, forman lo que podemos llamar la Nación Brasileña.

Antes de profundizar en la noción de nación brasileña, es necesario rescatar el concepto en términos generales, Bastos [1] conceptualiza nación como “un conjunto de seres humanos, agrupados según un elemento agregador, que puede ser histórico, culturales, así como biológicos y que, conscientes de sus peculiaridades, desean preservarlas en el futuro”. En otras palabras, una nación se define por el conjunto de características culturales, tradiciones, lengua, costumbres, entre otros factores, que forman una identidad con la que los individuos se identifican y se sienten parte de un grupo. Las naciones preceden al Estado y tienen un carácter más subjetivo y humano. Un Estado puede estar formado por varias naciones, así como una nación puede dividirse en varios Estados, exactamente por esta explicación, se puede decir que el Estado brasileño está formado por Entidades Federativas que tienen características de mininaciones [1, 2].

Lengua y memoria: la interfaz de la brasilidad

En portugués existe una distinción entre los términos lengua y lenguaje, mientras que lengua es un conjunto organizado de elementos ligados a reglas gramaticales que posibilitan la comunicación humana, el lenguaje, a su vez, es la capacidad que tenemos los seres humanos para producir, desarrollar y comprender el lenguaje en sus diferentes formas de manifestaciones subjetivas como la pintura, la música o la danza [6].

¹El Estado es un concepto político referido a una forma de organización social, que cuenta con instituciones soberanas, que regulan la vida de una cierta comunidad de individuos en el marco de un territorio nacional

²La definición de país es más amplia que la de Estado, abarcando todo lo que se encuentra en el territorio en el que el Estado tiene potestad de ejercer soberanía, lo que incluye características físicas, sociales, naturales, culturales, económicas, etc. Para simplificar el concepto de país, es la región geográfica que se considera territorio de un Estado soberano.

La brasilidad, a su vez, es un conjunto de valores y características intrínsecas a la cultura brasileña. El término aún tiene sus orígenes en el período literario conocido como modernista de principios del siglo XX, lo que puede considerarse como una ruptura cultural con los viejos patrones y representaciones culturales del país. El mayor referente que tenemos de este movimiento es su principal manifestación es la Semana de Arte Moderno, celebrada en el Teatro Municipal de San Paulo, en febrero de 1922, y caracterizada como un evento promovido por una nueva generación de escritores, músicos y pintores. La idea principal de estos artistas modernos era la de una reformulación cultural de Brasil, alejándose de la europeización en las artes y costumbres para dar mayor énfasis a la brasilidad, es decir, a las manifestaciones del propio pueblo brasileño en su forma original, sin la necesidad de aduanas de importación de otros países. Para lograrlo, fue necesario combinar todos los elementos de la heterogeneidad cultural brasileña como un gran bloque cultural que fuera capaz no sólo de describir subjetivamente la cultura nacional, sino de conectarlas para generar un sentido de pertenencia, es decir, todos los brasileños eran efectivamente parte de esta brasilidad: un Brasil para todos los brasileños.

La brasilidad pensada por artistas e intelectuales colocó al hombre en el centro de la actividad cultural, fue apoyada por la valorización del mestizaje, por la fuerza y la cultura de la gente del campo y del trabajador urbano, principalmente en oposición a los conceptos totalitarios de los gobiernos de la época que pretendía hacer de la cultura un elemento de control social a través del monopolio de la fuerza y la represión.

La brasilidad es la génesis de la pluralidad de la cultura brasileña, la idea de que acoge todas las formas de manifestación cultural previene un colapso cultural en el país, a partir de esta tolerancia, Brasil, poco a poco, se convierte en un crisol cultural en el que todos tienen derecho a expresarse culturalmente.

Hoy, hablar de cultura brasileña es hablar de leyendas, historias, música, artes y otras formas que nacen en una determinada región [5, 6], pero que ganan espacio en prácticamente todas las demás regiones del país. El hombre de la ciudad no se

desintegra del todo cuando deja su tierra en el interior del país, al contrario, él, al desplazarse a los centros urbanos, se lleva sus raíces y su cultura, su variedad lingüística y su forma de ver el mundo y encuentra en la ciudad posibilidades para recordar sus experiencias de vida en espacios diseñados para revivir estos sentimientos y estos recuerdos, conllevado este conjunto de factores sociohistóricos que lo forman, se transmitirán a sus ascendientes [9]. Y aquí la memoria discursiva siempre vinculará a estas personas con un pasado que insiste en existir en el presente.

Heterogeneidad cultural: el hilo que conecta a todos los Brasiles en un Brasil más grande

La heterogeneidad se refiere a un grupo o mezcla formado por varios elementos diferentes que se distinguen entre sí. Tiene un significado cercano a los conceptos de variedad, complejidad, diversidad, pluralidad o multiculturalismo [8].

Hablar de heterogeneidad cultural es hablar, en primer lugar, de heterogeneidad social, que es un elemento subjetivo y que implica la existencia de diversas formas de manifestaciones culturales en un mismo espacio geográfico. En este sentido, la aceptación de que diferentes culturas expresadas por distintos grupos forman parte de un mismo grupo posibilita la diversidad cultural, el crecimiento personal, el entendimiento y la comprensión mutua.

En muchos casos, las características heterogéneas de las sociedades pueden conducirlos a un malestar que en muchos casos es irreparable, provocando colapsos, conflictos y rupturas. Son innumerables los casos de sociedades, grupos o entidades sociales que utilizan la heterogeneidad cultural para decir que esta característica menoscaba la “verdadera cultura” de un lugar determinado, alcanzando, en muchos casos, un estado permanente de no pertenencia. En el caso de Brasil, esta característica es el hilo que conecta a todos los Brasiles en un solo Brasil. Hablar de cultura brasileña es hablar de diversidad cultural y tolerancia cultural. Evidentemente, cada región, cada grupo social se esfuerza por preservar sus rasgos culturales, sus raíces y su autenticidad, pero siempre abiertos a nuevas formas de manifestaciones culturales.

La génesis de la noción de *ser brasileiro*

Un sujeto sólo tiene sentido de pertenencia cuando está en contacto con otros sujetos con los que comparte rasgos similares: lengua, cultura, forma de pensar, música, danza, entre otras características. Estas características se encuentran en el postulado de una ascendencia étnica común a cualquier pueblo [9], esta característica es la más elemental y se encuentra en el centro de lo que solemos llamar identidad nacional. A esto se suma la necesidad de un territorio generalmente soberano, en el que estos sujetos, reconocidos entre sí como similares, puedan poner en práctica sus experiencias sociales, autorregularse y desarrollar su cultura y tradiciones.

El ser brasileño es la síntesis de un conjunto de elementos culturales provenientes de diferentes lugares, el sujeto brasileño incorpora esos elementos culturales en sí mismo, los resignifica, los adapta a su realidad social, aprende y enseña, de esta manera las interfaces de la brasilidad subjetivamente se manifiestan en el *yo*, que es plural, diverso y heterogéneo. Como un ser que se sitúa y reemplaza en la Historia, buscando, ininterrumpidamente, su propia identidad.

References

1. Bastos C.R. *Curso de Teoria do Estado e Ciência Política*. São Paulo: Saraiva; 1995. (In Portuguese)
2. de Abrel Dallari D. *Elementos da Teoria Geral do Estado*. São Paulo: Saraiva; 2022. (In Portuguese)
3. Eagleton T. *A idéia de cultural*. São Paulo: Editora Unesp; 2005. (In Portuguese)
4. Halbwachs M. *A memória Coletiva*. São Paulo: São Paulo: Centauro; 2006. (In Portuguese)
5. Jassman J. *Cultural Memory and Early Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. (In English)
6. Orlandi E.P. *Interpretação; autoria; leitura e efeitos do trabalho simbólico*. São Paulo: Pontes Editores; 1996. (In Portuguese)
7. Pêcheux M. *Papel da Memória*. São Paulo: Pontes; 1999. (In Portuguese)
8. Willams R. *Cultura*. Rio de Janeiro. *Paz e terra*. São Paulo: Pontes; 1992. (In Portuguese)
9. Shuvalov D.Iu., Enikö Nemeth T. Perspective-taking in argumentative Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 431–441.

Авторы публикации

Априжио Кочкин Алефе –

преподаватель

Казанский федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru

Authors of the publication

Aprigio Kochkin Álefe –

Lecturer

Kazan Federal University,

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

Гоувейя Мартинс Вирджинио –

Кандидат наук философии

Высшая Школа Экономики

Санкт-Петербург, Россия

Email: virginiomgouveia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7142-5992>

<https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

Gouveia Martins Virgínio –

PhD in Philosophy

HSE University

Saint Petersburg, Russia

Email: virginiomgouveia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7142-5992>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of in-
terest.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024

Одобрена после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

*Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.*

Article info

Submitted: 16.08.2024

Approved after peer reviewing: 20.02.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

*The author has read and approved the final manu-
script.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.*

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.227-237>

**КОНЦЕПТОСФЕРА ЭМОЦИЙ В ПОВЕСТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ
«ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА»**

Н.А. Красавский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
nkrasawski@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Аннотация. Концептосферу, представляющую собой совокупность концептов, мы рассматриваем как результат реализации коммуникативного замысла автора текста. Идейное содержание повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» – это трудная, полная разочарования судьба творца-интеллектуала, талантливого художника, обреченного на одиночество, постоянно ищущего смысл жизни, создавшего свой собственный глубокий, внутренний мир, живущего в нем сложной противоречивой жизнью, испытывающего муки творчества. Талант живописца с большой буквы противопоставляется (в нашем понимании) «стандартному» человеку. Талант обречен на одиночество, непонимание окружающих, на многочисленные психологические комплексы его обладателя. Этот коммуникативный замысел Германа Гессе генерирует множество концептов, часть из которых эмоциональные концепты. Они занимают значительное место в повести «Последнее лето Клингзора». На материале повести немецко-швейцарского писателя выявлены ключевые эмоциональные концепты – “страх” и “душевные страдания”. Критериальной базой определения ключевых концептов являются суждения гессеведов и количественные показатели речевого воплощения данного ментального образования в повести. Страх и душевные страдания – психологически релевантные феномены, оказавшиеся коммуникативно востребованными в произведении Г. Гессе. Их коммуникативная востребованность детерминирована авторской интенцией раскрыть образ талантливого интеллектуала-художника, обреченного на постоянное одиночество и глубокие переживания. В содержании ключевых эмоциональных концептов выявлены перцептивно-образные признаки. Часть из них – это индивидуально-авторские признаки. Определены языковые средства объективации эмоциональных концептов “страх” и “душевные страдания”. Установлен факт высокочастотного использования оригинальных метафор при речевом воплощении исследуемых концептов.

Ключевые слова: эмоциональный концепт; концептосфера; перцептивно-образный признак; метафора; повесть

Для цитирования: Красавский Н.А. Концептосфера эмоций в повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора». *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 227–237. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.227-237>

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.227-237>

THE CONCEPTUAL SPHERE OF EMOTIONS IN HERMANN HESSE'S NOVEL "THE LAST SUMMER OF KLINGSOR"

N.A. Krasavsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia
nkrasawski@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Abstract. We consider the conceptual sphere, which is a set of concepts, as the result of the implementation of the communicative intention of the author of the text. The ideological content of Hermann Hesse's novel "The Last Summer of Klingsor" is the difficult, frustrating fate of an intellectual creator, a talented artist doomed to loneliness, constantly searching for the meaning of life, who created his own deep, inner world, living a complex contradictory life in it, experiencing the torments of creativity. The talent of a painter with a capital letter is opposed (in our understanding) to a "standard" person. Talent is doomed to loneliness, misunderstanding of others, and numerous psychological complexes of its owner. This communicative concept by Hermann Hesse generates many concepts, some of which are emotional concepts. They occupy a significant place in the story "The Last Summer of Klingsor". Based on the material of the novel by the German-Swiss writer, the key emotional concepts are revealed – "fear" and "mental suffering". The criteria for determining the key concepts are the judgments of the Hessian scholars and quantitative indicators of the verbal embodiment of this mental formation in the story. Fear and mental suffering are psychologically relevant phenomena that turned out to be in communicative demand in the work of G. Hesse. Their communicative relevance is determined by the author's intention to reveal the image of a talented intellectual artist, doomed to constant loneliness and deep feelings. Perceptual-figurative features are revealed in the content of key emotional concepts. Some of them are individually authored features. The linguistic means of objectification of the emotional concepts of "fear" and "mental suffering" are defined. The fact of high-frequency use of original metaphors in the speech embodiment of the studied concepts has been established.

Keywords: emotional concept; conceptual sphere; perceptual-figurative feature; metaphor; novel

For citation: Krasavsky N.A. The Conceptual Sphere of Emotions in Hermann Hesse's Novel "The Last Summer of Klingsor". *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 227–237. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.227-237>

Отечественная лингвистика, характеризуемая сегодня четко выраженной полипарадигмальностью, наиболее интенсивно развивается в последние два десятилетия в нескольких магистральных направлениях, одно из которых – лингвоконцептология. В ее рамках ряд исследователей выделяет в качестве отдельного ответвления лингвоперсонологии [1, с. 12-28], [2, с. 112-116], [3]. Данный термин был предложен в 1996 году В.П. Нерознаком [2, с. 112-116]. Ученые, занимающиеся вопросами лингвоперсонологии, исследуют в том числе и индивидуально-авторские концепты, уделяя значительное внимание при этом выяв-

лению и описанию индивидуальных черт языковой личности, т.е. изучению идиостиля [4], [5, с. 501-511], [6], [7, с. 100-104].

Исследование индивидуально-авторских концептосфер предполагает определение средств лингвистической объективации их компонентов – концептов, понимаемых согласно ставшему общепризнанным определению В.И. Карасика как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с.129]. Выявление ценностной составляющей в концепте позволяет определить стандартное оценочное отношение членов социума к определенному явлению, установить его место на аксиологической шкале конкретного лингвокультурного сообщества. Образная составляющая концепта – не менее важный компонент концепта. Ее изучение на языковом материале позволяет увидеть ассоциативную сеть того или иного явления, нашедшего речевое воплощение в коммуникативной деятельности членов социума. Сопоставление ассоциативно-образных признаков концепта в разных лингвокультурных сообществах выявляет как общее, так и отличительное в его содержании.

Анализ многочисленных лингвоконцептологических публикаций показывает их колоссальную количественную представленность. Подавляющее большинство авторов данных работ в качестве объекта своих изысканий рассматривали и продолжают рассматривать коллективные концептосферы, их отдельные сегменты. Кратно меньше, однако, публикаций, в фокусе внимания которых индивидуально-авторские концептосферы, индивидуально-авторские концепты. Данная лингвоконцептологическая ниша в настоящее время активно заполняется исследованием индивидуально-авторских концептосфер, что обещает выявить интересные лингвистические и когнитивные факты в индивидуальном языковом сознании, обнаружить специфику интерпретации мира, особенности его восприятия конкретным представителем социума.

Актуальность статьи состоит в описании концептосферы эмоций повести немецко-швейцарского писателя прошлого века Германа Гессе «Последнее лето

Клингзора», не становившейся еще предметом специального лингвокультурологического анализа в отечественной лингвистике. Важны, на наш взгляд, во-первых, установленные лексические средства объективации эмоций в данном произведении, во-вторых, выявленные перцептивно-образные признаки ключевых эмоциональных концептов – “страх” и “душевные страдания”.

В предлагаемой статье ставятся следующие задачи: 1) определить ключевые эмоциональные концепты в повести Г. Гессе «Klingsors letzter Sommer» («Последнее лето Клингзора»); 2) установить их перцептивно-образные признаки; 3) выявить способы лингвистической объективации данных концептов в повести.

Материалом исследования служит повесть Германа Гессе «Последнее лето Клингзора», вербально выраженные в ней эмоциональные концепты “страх” и “душевные страдания”, сформировавшие каркас произведения.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования при преподавании вузовских филологических дисциплин – когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвоперсонологии, теории художественного текста.

Наш выбор эмоциональных концептов обусловлен значительной ролью художественного изображения внутреннего мира действующего персонажа в повести, раскрытием его образа и самой идеи произведения. Общеизвестен факт: художественный текст как способ постижения мира, как авторское толкование «фактов» жизни, в том числе и эмоционально-оценочного отношения к ним, не может не отражать оязыковление психических переживаний человека. Их авторская вербализация в художественном тексте опирается на оценочную деятельность человека, на систему нравственных ценностей, служащих ориентиром для его поступков.

При выделении ключевых (основных, системообразующих) эмоциональных концептов актуален вопрос определения их критериев. Одним из них мы считаем суждения экспертов по творчеству того или иного писателя (в нашем

случае гессеведов). К числу важнейших психических переживаний в произведениях Г. Гессе, в том числе и в повести «Последнее лето Клингзора», ряд литературоведов относит отчаяние, душевные страдания, страх, одиночество [9], [10]. Вторым критерием предлагается считать количественные показатели употребления в тексте лексических репрезентантов того или иного концепта. Мы исходим при этом из положения, согласно которому наиболее важные, психологически релевантные, коммуникативно востребованные феномены входят в число ключевых в конкретном художественном произведении. Ключевые концепты, обозначенные лексическими единицами, отличаются высокой номинативной плотностью в тексте. Иными словами, то, что особенно важно для его автора, либо обладает разветвленной системой обозначения, либо на уровне одних и тех же номинаций многократно акцентировано. Следует отметить, что концепты не только обозначаются отдельными лексемами, но и выражаются лексическими и фразеологическими единицами, вне контекста семантически не связанные с самими концептами. Примером может служить русское устойчивое выражение *сияющие глаза*, выражающее концепт радости или концепт счастья.

Использование вышеназванных критериев позволяет выделить в повести в качестве ключевых следующие эмоциональные концепты – «страх» и «душевные страдания».

Данные эмоциональные концепты, как показывает статистический подсчет, обладают высоким индексом частотности употребления. Номинанты концепта «страх» использованы в повести 35 раз. Количество употреблений слов, обозначающих эмоциональный концепт «душевные страдания», равно 34. Заметим, что названные концепты не менее частотно и эксплицируются, т.е. выражаются, описываются без употребления их номинаций.

Эмоциональный концепт «страх» обозначается в данном художественном произведении многочисленными словами и их производными. Назовем некоторые из них: *die Angst, angstvoll, ängstlich* (19 словоупотреблений), *der Schreck*,

schrecken, erschrecken, erschreckend, schrecklich (9 словоупотреблений); *die Furcht, die Todesfurcht, furchtbar, sich fürchten* (4 словоупотребления).

Посредством анализа многочисленных текстовых пассажей выявлены следующие перцептивно-образные признаки интересующего нас концепта: увядающая листва (*aus gelbem Laub*), выгоревшая зелень (*schnell verbrannt*), коричневатая листва (*im bräunenden Laub*), шахта темноты (*im Schacht der Finsternis*), черные тени (*Schatten machten sie schwarz*), перекошенное, искаженное лицо (*verzerrtes Gesicht*), выступивший на лице пот (*Schweiß im Gesicht*), холод в сердце (*das Herz friert*). Последние три перцептивно-образных признака конвенциональны, узуальны. Их легко обнаружить в текстах немецкоязычной литературы, в разговорной речи. Остальные же признаки можно квалифицировать как индивидуально-авторские. Они отличаются посредством их выражающих эпитетов и метафор высокой степенью оригинальности и как следствие значительным перлокутивным эффектом.

При описании овладевшего человеком страха, как известно, в многочисленных разножанровых текстах традиционно апеллирование к месту его нахождения – сердцу, являющему, согласно представлениям «наивной» анатомии, органом психических переживаний, их локусом, точкой хранения. Иллюстрацией этого тезиса служат следующие примеры из «Последнего лета Клингзора»: *Aber innen im Herzen saß Angst, das Herz wollte nicht sterben, das Herz haßte den Tod* [11, с. 46]. *Oft litt er an Angst, an Schwermut, oft lag er im Schacht der Finsternis gefangen, Schatten aus seinem frühern Leben fielen zu Zeiten übergroß in seine Tage und machten sie schwarz* [11, с. 13]. Страх смерти прочно, на длительное время обосновался в сердце протагониста. Это чувство сравнивается с темной шахтой, в которую попал Клингзор. Темные, черные тени окружают его, приводят в состояние страха и страдания. В приведенных выше фрагментах текстов значительны позиции не только описывающих душевное состояние протагониста метафор (напр., *Angst saß im Herzen* / *страх сидел в сердце*), но и ряда ключевых лексем *leiden* (*страдать*), *schwarz* (*черный*), под-

черкивающих глубину чувств персонажа, их негативную модальность. Выявленные перцептивно-образные признаки свидетельствуют об оценочной характеристике страха в повести. Он оценочно-негативен, деструктивен. Его переживание физиономически эксплицировано – перекошенное, искаженное от страха лицо, выступивший на лице пот, сжимающееся от холода сердца.

Квантитативно репрезентативен и эмоциональный концепт «душевные страдания», что объясняется самим замыслом Германа Гессе – показать полную противоречий и разочарований судьбу талантливого художника. Сюжетная канва повести, выступающая материалом раскрытия ее темы и самой идеи, эмоциогенна. Писателем показаны многочисленные текстовые пассажи, описывающие слабое состояние здоровья протагониста, его недомогание, предчувствие и боязнь скорой смерти, ощущение своей чуждости, отчужденности и одиночества в обществе.

В немецкий синонимический ряд с доминантой “*das Leid*” (страдание) входят помимо этой лексемы следующие слова: *die Leiden, der Schmerz, die Qual, das Weh, die Pein, die Marter, die Plage*. Все они, кроме последних двух лексем, употреблены в повести. Суммарный индекс частотности их применения вместе с дериватами равен 34 позициям. Частотность использования данных слов следующая: у слова *das Leid* и его дериватов 14, у слова *das Weh* 8, у слова *der Schmerz* 5, у слова *die Qual* и его производных 4, у слова *die Pein* и его дериватов 3 употребления. Приведенные статистические данные говорят нам о значительной релевантности данного концепта, обладающего следующими перцептивно-образными признаками: *корчащаяся от страданий и боли гора* (*er schien zu schreien, der Berg, vor Schmerz zu klaffen*), *камень на могиле* (*wie der Stein auf einem Grab*), *искаженное лицо* (*entstelltes Gesicht*), *крики* (*schrie vor Pein*), *слезы* (*die Tränen*), *вздрагивание мускул лица* (*die Zuckungen*), *юноша с лицом самоубийцы* (*ein Jüngling mit dem Gesicht des Selbstmörders*). Часть названных признаков эмоционального концепта «душевные страдания» узуальна (*искаженное лицо, крики, слезы*). Они легко узнаваемы, вычленимы при обраще-

нии к лексикографическим источникам (словарным статьям, фиксирующим языковые примеры с лексемами, обозначающими и выражающими душевные страдания). Большинство же его перцептивно-образных признаков не конвенционально, не узуально. Они носят преимущественно индивидуально-авторский характер. Иллюстрацией может служить следующий пример: *Schwer lag ihm das Herz in der Brust, wie der Stein auf einem Grab* [11, с. 50]. В этом примере, как видим, описание душевных страданий Клингзора осуществляется посредством сравнительного экспрессивного оборота *wie der Stein auf einem Grab* (как камень на могиле) и лексемы *das Herz* (сердце), выступающей символом этого чувства в приведенном текстовом фрагменте. Интенсивность и глубина данного эмоционального состояния, образно представленного писателем, подчеркивается наречием *schwer* (тяжело).

Выше мы отмечали, что описываемые ключевые эмоциональные концепты находят свое речевое воплощение на уровне номинаций (т.е. посредством названия самих эмоций) и на уровне экспликаций (т.е. посредством выражения психических переживаний). Второй способ их вербализации в повести доминирует. При этом достаточно часто используются в качестве выражения эмоциональных концептов многочисленные метафоры, одним из компонентов которых выступает лексема *das Herz* (сердце). Душевные страдания эксплицированы, например, такими экспрессивными метафорическими высказываниями, как “... *in Klingsors nie ersättigtem Herzen stach der kleine Stachel*”, “*das Herz wollte nicht sterben, das Herz haßte den Tod*”. Страх также выражен метафорически. Приведем примеры: “... *friert uns das Herz*”, “*Aber innen im Herzen saß Angst*”.

Резюмируем изложенное.

Идейное содержание повести «Последнее лето Клингзора», авторский коммуникативный замысел обуславливают ее концептосферу. Значительные позиции в ней занимают эмоциональные концепты, что объясняется эмоциогенностью этого произведения, его высокой степенью психологизма. Исходя из суждений гессеведов и опираясь на количественные показатели употребления

номинантов и экспликантов эмоциональных концептов, мы относим к числу ключевых (основных) концепты «страх» и «душевные страдания». Данные концепты вербализуются в повести посредством обозначения и экспликаций. Страх и душевные страдания обладают разветвленной, дробной системой их обозначения в этом художественном произведении. Нередки случаи использования в «Последнем лете Клингзора» комбинированного способа речевого воплощения этих концептов – сочетание их номинантов и экспликантов в одном и том же контексте. Данный факт объясняется, на наш взгляд, авторским замыслом максимально детально, экспрессивно описать внутренний мир протагониста, его переживания и размышления.

При речевом воплощении ключевых эмоциональных концептов в повести широко используется метафора как эффектный художественно-эстетический прием и как эффективное средство воздействия на сознание читателя. В многочисленных текстовых пассажах в состав метафоры входит лексема *das Herz* (сердце), символизирующая локус переживаний протагониста.

Многостороннее исследование концептов предполагает выявление в их содержании перцептивно-образных признаков, в особенности оригинальных, индивидуально-авторских, отличных от узуальных, конвенциональных. К числу индивидуально-авторских признаков относятся следующие: *увядающая листва, выгоревшая зелень, коричневатая листва, шахта темноты, черные тени* (эмоциональный концепт «страх»), *корчащаяся от страданий и боли гора, камень на могиле, вздрагивание мускул лица, юноша с лицом самоубийцы* (эмоциональный концепт «душевные страдания»). Выявленные перцептивно-образные признаки вызывают самые разнообразные ассоциации у читателя, в определенной мере приращивают смысл в индивидуально-авторское содержание эмоциональных концептов, с одной стороны, а с другой – служат свидетельством индивидуальности стиля мастера художественного слова.

Список литературы

1. Карасик В.И. Модусы интерпретации «Трагедии о Кориолане» У. Шекспира. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2020;(4):12–28.

2. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. *Сборник научных трудов. Язык. Поэтика. Перевод.* М., Московский государственный лингвистический университет; 1996. С. 112–116.
3. Слышкин Г.Г. *Концептуализация исторической личности сознанием.* Тверь: Научная книга; 2013. 156 с.
4. Выстропова О.С. *Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса:* монография. Казань, «Бук»; 2020. 164 с.
5. Захарова Н.В. Лингвостилистические средства формирования вербального имиджа Э. Макрона. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(4): 501–511. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.501-511> [дата обращения 17.02.2024].
6. Красавский Н.А. *Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля:* монография. Волгоград, «Перемена»; 2023. 225 с.
7. Макарова О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше. *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические наук.* 2023;(1):100–104.
8. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* Волгоград, «Перемена»; 2002. 447 с.
9. Березина А.Г. *Герман Гессе.* Л.: Лен. ун-т; 1976. 128 с.
10. Блохина Н.А. *Персонаж в системе мотивов: на материале произведений Г. Гессе:* автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь; 2003. 26 с.
11. Hesse H. *Klingsors letzter Sommer.* Kinderseele. S. Fischer Verlag. Berlin; 1920. 76 с.

References

1. Karasik V.I. Modes of interpretation of the Tragedy of Coriolanus by W. Shakespeare. *News of the Southern Federal University. Philological sciences.* 2020;(4):12–28. (in Russ.)
2. Neroznak V.P. Linguistic personology: towards determining the status of a discipline. *Collection of scientific papers. Language. Poetics. Translation.* M., Moscow State Linguistic University. 1996. pp. 112-116. (in Russ.)
3. Slyshkin G.G. *Conceptualization of historical personality by consciousness.* Tver: Scientific Book, 2013. 156 p. (in Russ.)
4. Vystropova O.S. *The individual author's conceptual sphere of Robert Burns:* a monograph. Kazan, Buk, 2020. 164 p. (in Russ.)
5. Zakharova N.V. Linguistic stylistic means of forming the verbal image of E. Macron. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(4): 501–511. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.501-511> [accessed 17.02.2024] (in Russ.)
6. Krasavsky N.A. *Individual author's conceptospheres of emotions by Hermann Hesse, Stefan Zweig and Robert Musil:* monograph. Volgograd, "Peremena", 2023. 225 p. (in Russ.)
7. Makarova O.S. The concepts "Macht" and "Glück" in the concept sphere of F. Nietzsche. *News of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences.* 2023;(1):100-104. (in Russ.)
8. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd, "Peremena", 2002. 447p. (in Russ.)
9. Berezina A.G. *Hermann Hesse.* Leningrad University, 1976. 128 P. (in Russ.)
10. Blokhina N.A. *A character in the system of motives: based on the material of the works of H. Hesse:* abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. sciences. Tver, 2003. 26 p. (in Russ.)
11. Hesse H. *Klingsors letzter Sommer.* Kinderseele. S. Fischer Verlag. Berlin. 1920. 76 p. (in Germ.)

Автор публикации

Красавский Николай Алексеевич –
профессор
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Author of the publication

Krasavsky Nikolaj Alekseevich –
Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.02.2025
Одобрена после рецензирования: 20.03.2025
Принята к публикации: 28.03.2025

Article info

Submitted: 18.02.2025
Approved after peer reviewing: 20.03.2025
Accepted for publication: 28.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'37 : 81'373.611

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.238-248>

**ЧАСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В
СОВРЕМЕННОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

А.В. Лаврухина

*Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия
lavruhinaanastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9554-8446>*

Аннотация. В статье по научному направлению 9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) исследуется феномен прецедентности в биографическом дискурсе с точки зрения его когнитивной, лингвокультурологической и прагмалингвистической значимости. Цель исследования – определить лингвистические механизмы интеграции прецедентных феноменов в биографический дискурс и выявить их влияние на когнитивное и прагмалингвистическое восприятие текста. На материале биографии Рюдигера Сафрански о Э.Т.А. Гофмане проводится дискурсивный анализ различных типов прецедентных феноменов: текстов, высказываний, имен, ситуаций и символов. Рассматриваются механизмы актуализации прецедентных феноменов, их функции и роль в структурировании биографического текста. Особое внимание уделяется влиянию прецедентных феноменов на процесс интерпретации текста реципиентом, формированию межтекстовых связей и когнитивной базы читателя. В результате установлено, что прецедентные феномены способствуют формированию глубинных смысловых пластов, актуализируют интертекстуальные связи и обеспечивают включение биографического текста в широкий культурный и исторический контекст. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях прецедентности в различных дискурсивных практиках, а также в области лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: прецедентность; биографический дискурс; интертекстуальность; лингвокультурология; когнитивная база; прецедентные феномены; дискурсивный анализ

Для цитирования: Лаврухина А.В. Частные проявления феномена прецедентности в современном немецкоязычном биографическом дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 238–248. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.238-248>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.238-248>

**PARTICULAR MANIFESTATIONS OF THE PHENOMENON OF
PRECEDENT IN MODERN BIOGRAPHICAL DISCOURSE**

A.V. Lavrukhina

*Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia
lavruhinaanastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9554-8446>*

Abstract. The article on the scientific field 9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences) examines the phenomenon of precedent in biographical discourse in terms of its cognitive, linguistic, cultural, and pragmalinguistic significance. The purpose of the study is to identify the linguistic mechanisms of integrating precedent phenomena into biographical discourse and to identify their impact on cognitive and pragmalinguistic perception of the text.

Based on the material of Rudiger Safransky's biography of E.T.A. Hoffman, a discursive analysis of various types of precedent phenomena (texts, statements, names, situations and symbols) is carried out. The mechanisms of actualization of precedent phenomena, their functions and role in the structuring of the biographical text are considered. Special attention is paid to the influence of precedent phenomena on the process of text interpretation by the recipient, the formation of intertextual connections and the cognitive base of the reader. As a result, it has been established that precedent phenomena contribute to the formation of deep semantic layers, actualize intertextual connections and ensure the inclusion of biographical text in a wide cultural and historical context. The results obtained can be used in further studies of precedent in various discursive practices, as well as in the field of linguocognitive and linguocultural studies.

Keywords: precedent; biographical discourse; intertextuality; linguoculturology; cognitive base; precedent phenomena; discursive analysis

For citation: Lavrukhina A.V. Particular Manifestations of the Phenomenon of Precedent in Modern German Biographical Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 238–248. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.238-248>

В контексте биографического дискурса прецедентные феномены выполняют функцию связи личного опыта автора с коллективной памятью и культурными кодами общества. Это позволяет читателю устанавливать глубокие ассоциативные связи и лучше понимать представленный материал. Термин прецедентности широко используется в российской лингвистике для обозначения культурно значимых текстов, высказываний, ситуаций или имен, известных широкому кругу носителей языка и часто используемых в коммуникации. Под прецедентным феноменом, вслед за Р.З. Назаровой, мы понимаем «целостные семиотические единицы языковой системы, объективизирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так вплоть и для лингвокультурного сообщества в целом» [1]. Исследования В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и Д.В. Багаевой уточняют и развивают понятие прецедентного феномена. Вслед за исследователями мы выделяем: прецедентные тексты, высказывания; ситуации, символы, и имена [2].

В зарубежных исследованиях нет точного эквивалента феномену прецедентности, однако существуют схожие концепции. Так, наиболее близкими по значению и функции в анализе дискурса, втекающими в работы зарубежных исследователей, являются интертекстуальность (intertextuality), культурные

отсылки (cultural references) и аллюзии (allusions). Хотя все перечисленные термины связаны с отсылками к другим текстам или элементам культуры, между ними существуют различия.

Интертекстуальность – это концепция, впервые представленная постструктуралистскими теоретиками Юлией Кристевой и Роланом Бартом, которая подразумевает, что «понимание любого отдельного текста происходит из обширной сети дискурсов и языков, составляющих культуру» [3]. При этом тексты ссылаются на другие тексты, создавая сеть смысловых связей. Интертекстуальность включает цитаты, аллюзии и отсылки, которые обогащают содержание текста и усиливают его воздействие на читателя.

Культурные отсылки реализуются посредством упоминания в тексте объектов или событий, значимых в определенной культуре, таких как исторические события, литературные произведения, мифы или известные личности [4]. Эти отсылки обогащают текст дополнительными смыслами и позволяют читателю установить связь с культурным контекстом. Аллюзии рассматриваются как особый вид культурных отсылок, заключающийся в косвенной или явной ссылке на известный факт, событие, литературное произведение или персонажа. Аллюзии требуют от читателя определенного уровня знаний для распознавания и понимания скрытого смысла [5].

В контексте анализа биографического текста именно концепция прецедентного феномена является наиболее предпочтительной по нескольким причинам. Во-первых, прецедентные феномены отражают элементы, имеющие особую важность и известность в рамках определенной лингвокультуры. Как самосточительная семиотическая система, лингвокультура формируется на пересечении двух систем (языка и культуры) и включает в себя национально-специфические ценности, такие как ценности, имена, традиции, языковые символы и тексты [6]. Во-вторых, использование прецедентных феноменов обеспечивает связь между автором и читателем через общие знания и представления, что особенно важно в биографическом жанре для создания эффекта сопричаст-

ности. Кроме того, прецедентные феномены позволяют создавать многослойные смыслы, обогащая биографический текст и предоставляя читателю возможность более глубокого анализа и понимания текста.

Таким образом, «прецедентный феномен» как термин объединяет в себе аспекты интертекстуальности, культурных отсылок и аллюзий, уделяя первоочередное внимание культурной значимости, опираясь на общую когнитивную базу, что делает его наиболее точным и полезным инструментом при анализе биографических текстов. Прецедентные феномены являются ключевым элементом художественного дискурса, способствующим передаче значимых культурных смыслов, что позволяет читателю глубже понимать текст на основе общих интертекстуальных связей [7]. В этом контексте биографический дискурс также активно использует такие феномены, устанавливая контакт между автором и читателем на основе общего когнитивного и культурного фона.

Настоящее исследование основано на анализе текста биографии Рюдигера Сафрански «Гофман», в ходе которого были выделены и классифицированы прецедентные феномены. Критерием отбора служило наличие устойчивых межтекстовых связей, историко-культурной значимости и узнаваемости данных феноменов в рамках немецкого и европейского лингвокультурного пространства.

Так, в результате анализа биографического текста и систематизации отобранных примеров употребления прецедентных феноменов были выделены следующие группы:

1. Прецедентные тексты и высказывания

В биографии Рюдигера Сафрански было выделено несколько примеров прецедентных текстов, которые отражают важные моменты жизни Гофмана как представителя немецкой культуры.

А) «Антропология с прагматической точки зрения» Канта

Сафрански цитирует И. Канта в контексте описания Кёнигсберга как города, где можно приобрести знания о человеке и мире, что символизирует внутреннюю борьбу Гофмана с его окружением: «Кёнигсберг представляет со-

бой мир в миниатюре» [8; с. 56]. Цитата иллюстрирует значение Кёнигсберга для формирования философского и художественного мировоззрения Гофмана. Указанную цитату мы определяем как прецедентный текст, так как он опирается на канонический источник, связывая личность Гофмана с культурным контекстом эпохи Просвещения. Кроме того, прецедентность обусловлена тем, что высказывание Канта часто цитируется и стало известным как характеристика Кёнигсберга, родного города Гофмана. Его используют для иллюстрации уникальности этого места как культурного и интеллектуального центра.

Б) «Принцесса Брамбилла» Э.Т.А. Гофмана

В самом эпиграфе книги Сафрански приводит цитату из сказки Гофмана: «Нет ничего скучней, чем, укоренившись в почве, держать ответ перед каждым взглядом, каждым словом» [8; с. 7]. Данная цитата иллюстрирует жизненную и творческую позицию Гофмана – дистанцирование от общественных условностей и установление своей индивидуальной философии. Высказывание можем справедливо отнести к прецедентным ввиду широкой известности всему лингвокультурному сообществу произведениям Гофмана. Она встречается не только в биографиях автора, но и в контексте литературных разборов и критик.

В) «Золотой горшок» Э.Т.А. Гофмана

«Золотой горшок вносит пуншевую чашу в святая святых литературы» [8; стр. 34]. Эта аллюзия подчеркивает отношение Гофмана к сочетанию обыденного и фантастического, его умение разрушать границы между жанрами. Прецедентность проявляется в интерпретации идеи как отражения философии автора, а также популярности этого произведения на мировом уровне.

2. Прецедентные имена

На основе анализа текста выделены примеры прецедентных имен из биографии Рюдигера Сафрански о Э.Т.А. Гофмане. Устойчивое понимание прецедентных имен очевидно большинству представителей языковой культурной среды. Представляемый образ сформирован этнически обусловленным суждением о культурном предмете, принадлежащем этому лингвокультурному сообществу.

ществу [9]. Эти имена обладают культурной, исторической или литературной значимостью и играют ключевую роль в анализе жизни и творчества Гофмана.

А) Наполеон Бонапарт

В биографии неоднократно наблюдаются упоминания известной исторической личности: «Наполеон – разрушительная природа, еще сохраняющая величие и в разрушении: это «вулкан», «гром и молния» [8; стр. 192]. Прецедентность в данном случае обусловлена тем, что Наполеон как историческая фигура символизирует мощь, трансформацию и хаос, которые Гофман связывает с темами магнетизма и гениальности. Эта фигура используется для интерпретации персонажей в его произведениях, таких как «Магнетизер».

Б) Вольфганг Амадей Моцарт

Фигура Моцарта безусловно является значимой для мирового культурного сообщества, а также играет важную роль в формировании личности и мировоззрения биографического героя. Биография указывает, что Гофман изменил свое третье имя на «Амадей» в честь Моцарта, демонстрируя свое восхищение его искусством: «Гофман, еще ранее открывший для себя Моцарта, посещал представления "Дон Жуана" и "Волшебной флейты" <...> Ни в одной из этих областей искусства он не достиг того положения, которое в музыке занимает боготворимый им Моцарт. Именно за ним он тянулся всю жизнь, но сумел позаимствовать у него лишь имя Амадей, коим самочинно заменил полученное при крещении имя Вильгельм» [8; стр. 116-117]. Таким образом, прецедентность имени Моцарта обусловлена ключевой ролью его фигуры в музыке и мировой культуре, оказавшей также глубокое влияние на художественное мировосприятие Гофмана.

В) Иоганн Вольфганг фон Гёте

Гёте, крупнейший представитель немецкого классицизма, упоминается как критик Гофмана и его эпохи. Его влияние определяет контекст культурной жизни того времени и ставит творчество Гофмана в диалог с канонической литературой. «Может показаться обидным парадоксом то, что именно у себя на

родине, в Германии, ему доводилось слышать самые нелюбезные отзывы о своем творчестве (и не от кого-нибудь, а от "самого" Гёте)» [8; стр. 197]. Эта цитата свидетельствует о критическом восприятии Гофмана со стороны Гёте, который представлял противоположный взгляд на литературу, опираясь на классицизм и сдержанность.

«Гёте судил о нем точно так же, как и министр прусской полиции Шукман, считавший его «кутилой», который работает главным образом ради возможности оплачивать свое времяпрепровождение в кабаках» [8; стр. 198]. Здесь подчеркивается негативное отношение Гёте, который не видел в Гофмане серьезного художника, критикуя его образ жизни и творческую позицию, что подчеркивает сложность восприятия Гофмана его современниками.

3. Прецедентные ситуации

Прецедентные ситуации относятся к общеизвестным социальным или историческим событиям, которые служат эталоном или точкой отсчета для понимания схожих ситуаций [10]. В ходе анализа биографии Сафрански были выделены следующие примеры прецедентных ситуаций.

А) Французская революция (1789-1799)

«События, происходившие с 1789 по 1815 год, научили современников с пониманием воспринимать историческое развитие, ускорявшееся синхронно процессу их политизации. Массовые наборы в революционные армии, наводнившие Европу, принесли с собой не только конец войн, ведшихся по инициативе министерских кабинетов» [8; с. 144]. Французская революция является ключевым историческим событием, ставшим символом начала новой эпохи политической и социальной трансформации, что обуславливает выделение события как прецедентного.

Б) Наполеоновские войны (1803-1815)

«Наполеон установил свое господство в Европе. Его власть распространилась на восток вплоть до Польши; все германские земли покорились ему <...> Драматическая заключительная фаза наполеоновской эпохи началась с выхода

России из политики экономической блокады» [8; с. 124]. Наполеоновские войны изменили политическую карту Европы и стали важным прецедентом для национально-освободительных движений.

В) Освободительные войны в Германии (1813)

«В 1813 году выражался призыв безоговорочно выступить на защиту национального дела <...> за которые сражаемся и должны победить, если мы не хотим перестать быть прусскими подданными и немцами» [8; с. 127]. Эти войны стали символом пробуждения национального сознания и борьбы за независимость.

4. Прецедентные символы

Под прецедентными символами нами понимаются образы, или явления, которые имеют широкий культурный, исторический или литературный контекст, ассоциируются с общепринятыми значениями и часто используются для создания аллюзий или усиления художественного впечатления. Далее выделим несколько примеров прецедентных символов в биографии Рюдигера Сафрански:

А) символ зеркала и очков

Символические образы приобретают динамическую функцию, интегрированную в развитие сюжета. Они отражают концепцию зрения как возможности познания и обмана одновременно. «Если Гофман все же возвращается назад, то символы – такие, например, как глаз, очки или зеркало в "Песочном человеке", – приобретают динамическую функцию, интегрированную в действие» [8; с. 55]. Зеркало часто используется в литературе как символ самоанализа, истины или иллюзии. Например, в произведении Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» зеркало – это портал в другой мир. Очки, как символ знания и зрения, встречаются, например, в «Великом Гэтсби» Скотта Фицджеральда, где очки доктора Ти Джей Экклберга символизируют надзор и моральное осуждение. Зеркало и очки символизируют двойственность реальности и иллюзии, что делает их прецедентными, учитывая их культурное значение как средств связи между мирами.

Б) кукла Олимпия в «Песочном человеке».

«Натанаэль отражается в Олимпии, и ее казалось бы понимающий взгляд является его собственным отраженным взглядом. Открытие, что Олимпия в действительности является автоматом, жестоким образом ставит Натанаэля лицом к лицу с его собственным нарциссизмом» [8; с. 55]. Этот образ в литературе является архетипом искусственного человека. Олимпия имеет параллели с образом Галатеи из греческой мифологии. В научной фантастике куклы и андройды часто исследуют тему границы между человеком и машиной. Так, кукла – символ механической жизни и иллюзорной любви. Ее восприятие героем, Натанаэлем, как живой женщины, показывает влияние иллюзий на человеческие чувства. Кукла становится прецедентным символом, отсылающим к теме искусственного человека и утраты человечности.

В) огненная лилия в «Золотом горшке».

Лилия здесь служит символом недостижимого идеала и опасности полного отрыва от реальности: «Отец, <...> влюбился в змейку, мать Серпентины, дремавшую в чашечке цветка огненной лилии. Он похитил прекрасную змейку <...> Любимая им огненная лилия от его поцелуя вспыхнула ярким пламенем» [8, с. 133]. Образ лилии встречается в христианской символике как символ чистоты и духовной трансцендентности. В немецкой романтической литературе (например, у Новалиса и Брентано) цветы часто символизируют идеал, который недостижим в реальности. Этот образ олицетворяет стремление к духовным высотам, которое может привести к изоляции и утрате связи с окружающим миром.

Исследование феномена прецедентности в биографическом дискурсе подтверждает его значимость как инструмента, связывающего текст с широким культурным и историческим контекстом. Анализ примеров, представленных в биографии Рюдигера Сафрански о Э.Т.А. Гофмане, показывает, что прецедентные феномены выполняют ключевые функции: они помогают структурировать текст, усиливают его интертекстуальность, способствуют созданию ассоциативных связей и углубляют восприятие образа героя.

Таким образом, использование прецедентных феноменов в биографическом тексте не просто дополняет нарратив, а превращает его в сложную систему смыслов, требующую активного соучастия читателя. Перспективы дальнейших исследований могут включать сравнительный анализ проявления прецедентности в биографиях различных культур, а также изучение ее роли в современных формах биографического дискурса.

Список литературы

1. Назарова Р.З. К вопросу о людической функции прецедентных феноменов в художественном дискурсе *Известия Саратовского университета*. 2017;(1):29–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lyudicheskoy-funktsii-pretседentnyh-fenomenov-v-hudozhestvennom-diskurse> [дата обращения: 20.02.2025].
2. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. *Вестник Московского университета*. 1997;(3). URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3245012/> [дата обращения: 20.02.2025].
3. Allen G. Intertextuality. *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2019. doi:10.1093/acrefore/9780190201098.013.1072.
4. Guinot L.S. Culture Specific References. *JournalNX*. 2021;7(1). URL: <https://repo.journalnx.com/index.php/nx/article/download/5004/4750/9662> [дата обращения: 20.02.2025].
5. Ranzato I. “Danes Do It Melancholy”: Allusions to Shakespeare in Films and TV. *Memoria di Shakespeare. A journal of Shakespearean Studies*. 2016;(3). URL: https://iris.uniroma1.it/bitstream/11573/1028983/1/Ranzato_Danes_2016.pdf [дата обращения: 10.02.2025].
6. Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(1):102–112. doi:10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112.
7. Силаева Е.М. Функции прецедентных феноменов в немецкоязычном художественном дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;16(6). doi:10.30853/phil20230280
8. Сафрански Р. *Гофман*. Москва: Молодая Гвардия; 2005.
9. Сарычева М.Р., Дерябина С.А. Восприятие прецедентного имени в русскоязычном дискурсе иностранными студентами гуманитарных специальностей. *Русистика*. 2023;21(3):356–369. doi:10.22363/2618-8163-2023-21-3-356-369
10. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы её актуализации. *Язык, сознание, коммуникация*. 2000; (11):40–46.

References

1. Nazarova R.Z. To the Question of the Ludic Function of the Precedent Phenomena in a Literary Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteteta*. 2017;(1):29–32. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lyudicheskoy-funktsii-pretседentnyh-fenomenov-v-hudozhestvennom-diskurse> [accessed: 20.02.2025]. (In Russ.)
2. Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Bagaeva D.V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1997;(3). Available from: <https://istina.msu.ru/publications/article/3245012/> [accessed: 20.02.2025]. (In Russ.)
3. Allen G. Intertextuality. *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2019. doi:10.1093/acrefore/9780190201098.013.1072.
4. Guinot L.S. Culture Specific References. *JournalNX*. 2021;7(1). Available from: <https://repo.journalnx.com/index.php/nx/article/download/5004/4750/9662> [accessed: 20.02.2025].
5. Ranzato I. “Danes Do It Melancholy”: Allusions to Shakespeare in Films and TV. *Memoria di Shakespeare. A journal of Shakespearean Studies*. 2016;(3). Available from: https://iris.uniroma1.it/bitstream/11573/1028983/1/Ranzato_Danes_2016.pdf [accessed: 10.02.2025].
6. Fatkulina F.G. Linguoculturology and linguoculture: correlation of concepts. *Kazan linguistic journal*. 2020;3(1):102–112. doi:10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112. (In Russ.)
7. Silaeva E.M. Functions of precedent phenomena in German-language fictional discourse *Philolo-*

gy. *Theory & Practice.* 2023;16(6): 1822–1828. doi:10.30853/phil20230280 (In Russ.)

8. Safranski R. *Gofman.* Moskva: Molodaya Gvardiya; 2005. (In Russ.)

9. Sarycheva M.R, Deryabina S.A. Foreign humanitarian students' perception of a precedent name in the Russian discourse. *Russian Language Studies.* 2023;21(3):356–369. doi: [10.22363/2618-8163-2023-21-3-356-369](https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-3-356-369) (In Russ.)

10. Gudkov D.B. Precedent situation and ways of its updating. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya.* 2000; (11):40–46. (In Russ.)

Автор публикации

Лаврухина Анастасия Витальевна–
преподаватель
Луганский государственный педагогический
университет
Луганск, Россия
Email: lavruhinaanastasiya@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9554-8446>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.03.2025

Одобрена после рецензирования: 20.04.2025

Принята к публикации: 28.04.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Lavrukhina Anastasiya Vitalievna–
lecturer
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, Russia
Email: lavruhinaanastasiya@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9554-8446>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 15.03.2025

Approved after peer reviewing: 20.04.2025

Accepted for publication: 28.04.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 372.881.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.249-263>

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА В УЧЕБНИКАХ ПО
РУССКО-КИТАЙСКОМУ ПЕРЕВОДУ, ИЗДАННЫХ В КИТАЕ¹**

Лю Ди

Хэйхэский университет, Хэйхэ, КНР
llsh352@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0021-4079>

Аннотация. Статья посвящена проблеме о лексикографических аспектах перевода в учебниках по русско-китайскому переводу, изданных в Китае с 50-х годов 20-го века до настоящего времени. Цель данного исследования заключается в пояснении закона развития знаний, представленных в учебниках по русско-китайскому переводу. Актуальность работы состоит в оптимизации обучения русско-китайскому переводу и написания учебника подобного типа. Проведённый анализ данной темы позволяет сделать такие выводы. Знания по использованию словарей в первых учебниках перевода русского языка отсутствовали, а появились в учебнике относительно поздно, в самом конце 80-х годов 20-го века. В наше время большинство универсальных учебников по русско-китайскому переводу так или иначе содержит лексикографические аспекты перевода. Знания по использованию словарей в учебниках по русско-китайскому переводу представлены следующим образом: 1) перечисление словарей разного типа с их общей информацией; 2) объяснение основных правил по использованию словарей при переводе; 3) углубление способа – рассмотрение порядка использования словарей; 4) предложение использования словарей в сочетании с интернетовскими ресурсами. Уровень учебных материалов о лексикографии перевода постоянно повышается, в целом, с периферийной позиции до главной.

Ключевые слова: лексикография перевода; учебник перевода; русско-китайский перевод; словарь; процесс перевода; дидактика перевода

Для цитирования: Лю Ди. Лексикография перевода в учебниках по русско-китайскому переводу, изданных в Китае. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 249–263. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.249-263>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.249-263>

**LEXICOGRAPHY OF TRANSLATION IN TEXTBOOKS ON
RUSSIAN-CHINESE TRANSLATION PUBLISHED IN CHINA**

Liu Di

Heihe University, Heihe, China
llsh352@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0021-4079>

Abstract. The article is devoted to the problem of lexicographic aspects of translation in textbooks on Russian-Chinese translation, published in China from the 50s of the 20th century to the present. The purpose of this study is to explain the law of knowledge development presented in textbooks on Russian-Chinese translation. The relevance of the work is to optimize the teaching of

¹ Статья выполнена за счет гранта «Научно-исследовательский фонд для вузов провинции Хэйлунцзян», проект № 2022-KYYWF-0384.

Russian-Chinese translation and the writing of a textbook of this type. The analysis of this topic allows us to draw the following conclusions. Knowledge on the use of dictionaries was absent in the first textbooks of the Russian language translation, and appeared in the textbook relatively late, at the end of the 80s of the 20th century. Nowadays, most universal textbooks on Russian-Chinese translation contain lexicographic aspects of translation in one way or another. Knowledge on the use of dictionaries in textbooks on Russian-Chinese translation is presented as follows: (1) listing dictionaries of various types with their brief information; (2) explaining the basic rules for using dictionaries in translation; (3) deepening the method – considering the order of use of dictionaries; (4) suggesting the use of dictionaries in combination with Internet resources. The status of educational materials on the lexicography of translation is constantly increasing, in general, from a peripheral position to the main one.

Keywords: lexicography of translation; translation textbooks; Russian-Chinese translation; dictionary; translation process; translation teaching

For citation: Liu Di. Lexicography of Translation in Textbooks on Russian-Chinese Translation Published in China. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 249–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.249-263>

На сегодняшний день теория перевода считается междисциплинарной наукой. Перевод тесно связан со знаниями из многих областей науки и, несомненно, из лексикографии. Этот раздел языкознания или лексикографические аспекты перевода, предложенные В.Н. Крупновым, – это «обеспечение переводчика необходимой словарной, фоновой и специальной информацией», «как один из мощных информационных ресурсов, играющих ориентирующую и объясняющую роль в работе переводчика и, следовательно, эффективно способствующих реализации программы переводческой деятельности в целом» [1, с. 3; 2, с. 95]. Способы использования словарей как часть методики преподавания перевода находят отражение в обучении русско-китайскому переводу в китайских вузах, о чём свидетельствуют материалы из учебников по переводу русского языка, изданные в Китае.

В данной статье рассматривается одна из проблем, которая появляется при составлении учебников по русско-китайскому переводу – обучение использованию словарей для перевода. Как известно, словарь для переводческой деятельности играет неопределимую роль. С развитием словарей русского языка становится всё больше и больше лексикографических источников. Как эффективно использовать словари в процессе перевода? Это не только практический опыт,

но и специальные, а также системные знания, которые могут быть отражены в учебных пособиях. Цель данной статьи заключается в пояснении закономерностей развития знаний о лексикографических аспектах перевода в учебниках по русско-китайскому переводу. Актуальность работы состоит в оптимизации обучения русско-китайскому переводу и составления учебника такого типа. Материалами для исследования в данной работе служат универсальные учебники по русско-китайскому переводу, составленные китайскими русистами, перечисленные в Таблице № 1.

Таблица №1. Учебники по русско-китайскому переводу со знаниями о лексикографии перевода

Учебник ²	Составитель	Издательство	Год изд.
俄译汉教程（修订本） (Курс перевода с русского языка на китайский. Второе издание.)	蔡毅等	外语教学与研究出版社	1989
俄汉汉俄翻译理论与技巧 (Теория и мастерство русско-китайского и китайско-русского перевода)	程荣辂	电子工业出版社	1993
俄汉汉俄翻译理论与技巧（修订本） (Теория и мастерство русско-китайского и китайско-русского перевода. Второе издание)	程荣辂	电子工业出版社	1995
俄汉汉俄翻译理论与技巧（增订本）(Теория и мастерство русско-китайского и китайско-русского перевода. Третье издание)	程荣辂	电子工业出版社	2004
俄译汉教程（增修本） (Курс перевода с русского языка на китайский. Третье издание.)	蔡毅等	外语教学与研究出版社	2006
俄汉翻译基础教程 (Основной курс русско-китайского перевода)	杨仕章	高等教育出版社	2010
俄汉双向全译实践教程 (Практический курс по полному переводу с русского языка на китайский и с китайского языка на русский)	黄忠廉等	黑龙江大学出版社	2010
俄汉翻译教程 (Пособие по переводу с русского языка на китайский)	丛亚平等	上海外语教育出版社	2012
俄汉应用翻译 (Курс информативного перевода с рус-	安新奎	北京大学出版社	2017

² Для одного учебника разные версии перечислены отдельно.

ского языка на китайский)			
俄汉文体与翻译 (Учебное пособие по переводу текстов функциональных стилей)	安新奎	北京大学出版社	2021
俄汉翻译基础教程 (第二版) 学生用书 (Основной курс русско-китайского перевода. Второе издание, для студентов)	杨仕章	高等教育出版社	2022
汉俄双向全译实践教程 (Практический курс по полному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский)	刘丽芬等	科学出版社	2023

Кроме того, стоит заметить, что в некоторых учебниках по русско-китайскому переводу нет объяснения, как использовать словари. Такие учебники перечислены в Таблице № 2.

Таблица №2. Учебники по русско-китайскому переводу без знаний о лексикографии перевода

Учебник	Составитель	Издательство	Год изд.
俄文翻译教程 (第一册)	南文明	五十年代出版社	1950
俄文翻译教程 (第二册)	南文明	五十年代出版社	1953
俄译中翻译教程	礼长林	五十年代出版社	1955
俄译汉教材	北京俄语学院	时代出版社	1957
翻译教材 (上)	耿龙明等	上海教育出版社	1961
翻译教程 (俄译汉)	应云天	商务印书馆	1962
俄汉翻译教程 (下)	耿龙明等	上海教育出版社	1963
翻译 (俄译汉)	北京外国语学院俄语系	商务印书馆	1964
俄汉翻译教程 (上)	耿龙明等	上海教育出版社	1964
俄汉翻译教程 (下)	耿龙明等	上海教育出版社	1964
俄译汉教程 (上册)	蔡毅	外语教学与研究出版社	1981
俄汉翻译教程 (修订本)	郑泽生等	上海外语教育出版社	1985
俄汉翻译理论与技巧	王育伦	电子工业出版社	1985
新编俄汉翻译教程	王秉钦	海洋出版社	1990
俄译汉教程	王育伦	黑龙江教育出版社	1993
俄汉汉俄翻译	邱榆若	武汉大学出版社	1993
实用俄汉汉俄翻译	张永全等	山东大学出版社	1995
俄译汉教程 (第二版)	王育伦	黑龙江教育出版社	1996
简明俄汉翻译教程	王秉钦	南开大学出版社	1999
实用俄汉汉俄翻译 (2版)	张永全等	山东大学出版社	2000
实用俄汉汉俄翻译教程. 上册. (2版)	丛亚平等	外语教学与研究出版社	2016
实用俄汉汉俄翻译教程. 下册. (2版)	丛亚平等	外语教学与研究出版社	2016

Издание учебников по русско-китайскому переводу в Китае началось в

начале 50-х годов прошлого века. В 1950-м году вышел в свет первый учебник по русско-китайскому переводу – «Пособие для перевода с русского языка на китайский и наоборот (Первая часть)». В данном учебнике даются темы перевода предлогов, союзов и приставок, а во второй части этого издания изучаются теория перевода и приложение «крылатое слово». После выхода в свет названного учебника, в 1950-1960-е годы был опубликован ряд пособий по русско-китайскому переводу, тем самым сформировавший первый «порыв» издания такого рода учебника. Данные учебные материалы, в целом, обращают наше внимание на перевод грамматических единиц и лексики, а также стилистики и функциональных стилей в аспекте сопоставления двух языков, заложив соответственно фундамент для дальнейшего составления такого рода учебника. В рассматриваемых работах не существует учебных материалов по использованию словарей для перевода, и это, на наш взгляд, связано с тем, что, во-первых, при составлении первых учебников перевода авторы прилагают усилия для самых актуальных проблем – правил соответствия между языковыми единицами; во-вторых, масштаб и типы издания словарей в те времена были незначительными, и словари как средство перевода могли оказать незначительную помощь.

С 80-х годов XX века составление и издание учебников по русско-китайскому переводу вступили на новый этап. Нам, прежде всего, стоит обратить внимание на учебник «Курс перевода с русского языка на китайский» [3], составленный русистами из Пекинского института иностранных языков.

Такой учебник выходил в свет тремя изданиями, соответственно в 1981 г., 1989 г., 2006 г. В отличие от первого издания, во втором одно из приложений специально посвящено лексикографическому аспекту русско-китайского перевода – «Представление справочных изданий по переводу». Прежде всего авторы отметили актуальность справочных изданий для перевода, подчеркнув, что использование разного типа соответствующих публикаций является важной частью процесса перевода, которые не только помогают переводчикам получать точную информацию и повышать качество перевода, но и экономить время. И

далее они перечислили 13 наиболее употребляемых справочных изданий для перевода русского языка, см. Таблицу № 3.

Таблица № 3. Перечень словарей, представленный в учебнике «Курс перевода с русского языка на китайский» (2-е издание)

1	Словарь русского языка (С.И. Ожегов)
2	Словарь русского языка в четырех томах (Академия Наук СССР Институт русского языка)
3	Советский энциклопедический словарь
4	《俄汉大辞典》 (刘泽荣主编)
5	《大俄汉辞典》 (黑龙江大学俄语系辞典编辑室编)
6	《俄汉成语词典》 (周纪生主编)
7	《俄汉新词新义》 (张宝梁)
8	《俄汉缩略语词典》
9	《世界地名词典》
10	《苏联地名词典—西伯利亚和远东》
11	《俄语姓名译名手册》
12	《俄汉新闻词语汇编》
13	《现代汉语词典》

Можно заметить, что справочные издания, ранее перечисленные по разным типам, отобранные, исходя из поддержки перевода, а не из учебной цели, также отличаются от изданий в главе «Лексикография» из теоретических курсов современного русского языка, изданных с 1960-х до 1990-х в Китае [4, с. 490-498; 5, с. 577-621]. Для каждого лексикографического источника кратко описывается его основная информация: объём, микро- и макроструктура. Кроме того, для некоторых из них упоминается полезность относительно перевода. Например, применительно к «Большому русско-китайскому словарю» [6] составители Учебника заметили, что в нем есть несколько приложений: 1) Географические названия мира; 2) Популярные русские имена и отчества; 3) Интернациональные морфемы; 4) Список химических элементов на русском, английском и китайском языках; 5) Список математических символов; 6) Греческий и латинский алфавиты; 7) Список единиц международной метрической системы мер; 8) Список знаков валют по странам, которые являются ценными для переводчиков [3, с. 254]. В третьем издании этого учебника некоторые справочники заменены более свежими версиями. Помимо этого, в перечень добавлены новые словари,

см. Таблицу № 4.

Таблица № 4. Перечень словарей, представленный в учебнике «Курс перевода с русского языка на китайский» (3-е издание)

1	Словарь русского языка (С.И. Ожегов)
2	Словарь русского языка в четырех томах (Академия Наук СССР Институт русского языка)
3	Советский энциклопедический словарь
4	《现代俄汉词典》（张建华等编）
5	《大俄汉词典》（黑龙江大学俄语系辞典编辑室编）
6	《俄汉详解大词典》
7	《俄汉文学翻译词典》
8	《21世纪俄语新词新义词典》
9	《俄汉成语词典》
10	《俄汉缩略语词典》
11	《世界地名词典》
12	《俄语姓名译名手册》
13	《俄汉新闻词语汇编》
14	《苏联百科辞典》

По нашему наблюдению, «Курс перевода с русского языка на китайский» является первым учебником с материалами о лексикографических аспектах русско-китайского перевода. Это, безусловно, позволяет обучающимся расширять кругозор в области лексикографии и формировать сознание о лексикографических аспектах русско-китайского перевода. Цзи Чуньпин в своей докторской диссертации «Исследования учебников перевода для китайских русистов-бакалавров» определила, что такое приложение во втором издании – это отражение одного из способов обучения учащихся переводу, подсказка важности определения сущности о словарях для перевода, прогрессивное направление в исправленном учебном издании [7, с. 28]. Но в этом учебнике такие материалы невысокого уровня: они лишь представлены в качестве одного из приложений. Описания и оценки роли и функции указанных словарей для русско-китайского перевода очень мало.

В 1980-ы годы были опубликованы ещё два учебника – «Курс по русско-китайскому переводу» и «Теория и мастерство русско-китайского перевода», которые имеют популярность в сфере обучения русскому языку в Китае. В этих двух публикациях отсутствуют лексикографические аспекты перевода. Таким

образом, проблема использования словарей при переводе была включена в учебник по русско-китайскому переводу в конце 80-х годов прошлого века.

В 90-е годы 20-го века, кроме того, учебник «Теория и мастерство русско-китайского перевода» обновлялся до новых версий, вместе с тем появились издания по русско-китайскому переводу, которые впоследствии получили свою популярность. Что касается лексикографии перевода, то она нашла своё отражение только в учебнике «Теория и мастерство русско-китайского и китайско-русского перевода».

В публикации «Теория и мастерство русско-китайского и китайско-русского перевода» есть специальный параграф «Перевод и словари». Автор этого издания, прежде всего, отметил, что перевод тесно связан со многими дисциплинами, и, безусловно, с лексикографией, объяснив такие понятия, как «Лексикография», «Словарь», «Переводческий словарь», назвал типы филологических словарей и двуязычных словарей и представил опыт по использованию словарей в процессе перевода, содержание которого изложено ниже.

Автор данного учебника, прежде всего, предлагает часто обращаться к словарю, объясняя, что начинающие заниматься переводом предпочитают в словаре смотреть слова, новые для себя, а не «знакомые», которые им уже известны. По сути, «знакомые» для них слова, многозначны, поэтому вряд ли они могут знать все значения так называемых «знакомых» слов. Более того, одни слова в разных контекстах имеют разные переводческие варианты, а другие входят в состав устойчивых словосочетаний или фразеологизмов, что приводит к необходимости искать и находить «знакомые» слова в словаре.

Автор обозначил отдельные проблемы, на которые стоит обращать внимание в процессе использования словарей для перевода. Эти вопросы включают в себя текст следующего содержания: 1) Для различия омонимов и паронимов русского языка, выбора значения многозначных слов требуется высокий уровень внимания у переводчиков. 2) Особые формы русских слов могут вызывать сложности у переводчиков. В этом случае можно обратиться к тем словарям, где

приложен список особых словоизменений. Например, таким изданием является «Большой русско-китайский словарь» [8]. 3) В процессе перевода использование словарей в сочетании с хорошим знанием о языке, умением анализировать речь, переводческими приёмами даёт лучший результат и повышает качество перевода. 4) Во время перевода рекомендуется использование словарей разных типов, в т.ч. и фундаментального.

Кроме того, автор подчеркнул ещё два момента: для слов или значений слов, которые отсутствуют в словарях, может быть творчески сформирован переводческий вариант; могут быть использованы потенциалы словарей с учётом того, что в них значение слова даётся языковым, которое отличается от его речевого смысла.

Вышеуказанные учебные материалы проиллюстрированы примерами, подтверждающими их суть. Этот учебник в дальнейшем издавался ещё двумя версиями, в 1995 г. и 2004 г. соответственно, а содержание о лексикографических аспектах русско-китайского перевода осталось прежним.

Таким образом, данное издание отличается от учебника «Курс перевода с русского языка на китайский» тем, что 1) учебные материалы содержат некоторые принципы, конкретные способы и возможные проблемы по использованию словарей в процессе перевода, а не только предоставляют перечень разных словарей; 2) учебные материалы находятся в основной, а не в «периферийной» части учебника. Несмотря на то, что в этом учебнике материалы по обучению использованию словарей при переводе носят опытный характер, однако данные знания в учебник по переводу русского языка введены впервые, что, бесспорно, имеет основополагающее значение и подлинную ценность.

Вышеуказанные способы составления учебных материалов – перечисление словарей с их краткими сведениями и объяснение принципов использования словарей при переводе – применяются в учебниках по русско-китайскому переводу, изданных позже. Например, в учебном пособии «Основной курс русско-китайского перевода», опубликованном в 2010 г., имеются только две части

– раздел по способу перевода и раздел для расширения знаний по переводу. Кроме того, еще есть 3 приложения. В разделе для расширения знаний по переводу, написанном научно-популярным стилем, одна из 13 лекций посвящается использованию словарей и называется «Справляться в словаре с терпением».

Автор настоящего учебника подчёркивает, что в процессе перевода в словаре нужно смотреть не только слова незнакомые, но и знакомые, и «полужакомые». Для употребления в речи разных слов следует обращаться к относительно большому количеству словарей, иногда одновременно используя печатные, электронные и интернетовские словари. Поэтому при переводе использование этих изданий – достаточно сложный процесс, требующий от так называемого переводчика особого терпения, самоконтроля. В данном учебнике имеющиеся примеры объясняют использование толковых словарей для рассмотрения вопросов с омонимами, омографами. Кроме того, в некоторых лекциях из раздела по способу перевода объяснительные материалы содержат информацию о словарях. Например, во второй лекции «Перевод фамилии и имени» упоминается справочник по переводу русских фамилий и имен и в третьей лекции «Перевод географических названий» предлагается справочник по переводу географических названий.

Во второй версии этого учебника, который опубликован в 2022 г., имеются некоторые изменения. Содержание лекций из раздела для расширения знаний по переводу в первом издании распределяется в лекции раздела по способам перевода во втором издании. Таким образом, лекция «Справляться в словаре с терпением» стала частью содержания пятого теоретического занятия под названием «Определение лексического значения слов и смысловое развитие». Вследствие этого, в целом лексикография перевода в данном учебнике имеет полуофициальный статус.

Представление словарей и самых основных знаний по их использованию при переводе нашло своё отражение в учебнике «Пособие по переводу с русского языка на китайский», который издан в 2012 г. В нём специально выделена

самостоятельная глава – «Использование справочных изданий при переводе», хотя её объем небольшой. Составители Учебника дали понятие словаря, предложили классификацию словарей, указали на важность словарей для перевода, особенно подчеркивая роль русско-китайского словаря с толкованием на русском языке и толкового словаря русского языка (одноязычного). Далее они назвали главные русско-китайские словари и словари русского языка со справочной информацией, см. Таблицу № 5. Однако в этом учебнике отсутствуют как теоретический, так и практический материал.

Таблица № 5. Перечень словарей, представленный в учебнике «Пособие по переводу с русского языка на китайский»

1	Словарь русского языка (С.И. Ожегов)
2	Словарь русского языка в четырёх томах (Академия Наук СССР Институт русского языка)
3	Большой энциклопедический словарь (Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»)
4	《俄汉详解大词典》（共四册）（黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所，黑龙江人民出版社，1998年）
5	《大俄汉词典》（修订版）（黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所，商务印书馆，2001年）
6	《现代俄汉双解词典》（本词典编写组，外语教学与研究出版社，1992年）
7	《俄汉新词词典》（冯华英等编，商务印书馆，2005年）
8	《俄汉科技大词典》（王槐曼主编，商务印书馆，1990年）
9	《新编俄汉缩略语词典》（潘国民编，商务印书馆，2001年）
10	《新编俄罗斯地名译名手册》（周俊英编译，商务印书馆，2003年）
11	《俄语姓名译名手册》（辛华编，商务印书馆，1982年）
12	《苏联百科辞典》（译自《Советский энциклопедический словарь》，中国大百科全书出版社，1986年）

Подобные учебные материалы имеются в учебнике «Курс информативного перевода с русского языка на китайский», который вышел в свет в 2017 г. В 5-ой главе «Словарь и информативный перевод» этого издания автор, подчеркнув важность словаря для перевода, коротко объяснил 4 вопроса – как использовать словарь, какие словари должен иметь переводчик, как использовать «живой словарь» и как создать свой блок терминов. Автор считает, что переводчики должны иметь, как минимум, словари четырёх типов – словарь исходного языка, словарь переводного языка, двуязычный словарь (русско-китайский, китайско-русский), словарь по отдельной специальности. Поскольку

словарь не может ответить на все вопросы при переводе конкретного текста, при его использовании не следует ограничиваться статьёй и дефиницией словаря. Такое содержание, в целом, сохраняется у того же автора как основного в другом издании под названием «Учебное пособие по переводу текстов функциональных стилей», опубликованном в 2021 г. В нём первая глава называется «Словарь, Интернет и перевод».

Особое внимание следует обратить на учебник «Практический курс по полному переводу с русского языка на китайский и с китайского языка на русский», который вышел в свет в 2010 г. В 20-й главе данного издания блок «Знания о переводе» посвящён проблеме об использовании инструментов для перевода. Авторы отметили, что переводческие инструменты включают в себя традиционные словари разного типа и Интернет. Для перевода необходим словарь: на этапе понимания и на этапе выражения в процессе перевода словари играют разные роли. Составители учебника предлагают такой порядок использования словарей на этапе понимания перевода: двуязычный филологический словарь → двуязычный толковый словарь → словарь исходного языка → толковый словарь исходного языка → словарь словосочетания → терминологический словарь → энциклопедия, а на этапе выражения – филологический словарь переводного языка → толковый словарь переводного языка → синонимический словарь переводного языка → обратный словарь переводного языка → терминологический словарь переводного языка → энциклопедия переводного языка. В то же время авторы перечислили наиболее значимые словари.

Таким образом, в отличие от вышеуказанных изданий, в которых имеются учебные материалы по лексикографии перевода, этот учебник характеризуется тем, что он предлагает возможный порядок использования словарей. В этом заключается новизна исследования и состоит работа по совершенствованию методики обучения русско-китайскому переводу.

Такой подход используется в учебнике «Практический курс по полному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский», ко-

торый опубликован в 2023 г. Авторы этого учебного издания предлагают использование словарей на этапе понимания в таком порядке: филологический словарь исходного языка → толковый словарь исходного языка → словарь словосочетания → терминологический словарь → энциклопедия; на этапе трансформации – двуязычный филологический словарь → двуязычный толковый словарь → двуязычный словарь словосочетания → двуязычный терминологический словарь → двуязычная энциклопедия; а на этапе выражения – филологический словарь переводного языка → толковый словарь переводного языка → синонимический словарь переводного языка → обратный словарь переводного языка → терминологический словарь переводного языка → энциклопедия переводного языка.

Не трудно заметить, что по сравнению с «Практическим курсом по полному переводу с русского языка на китайский и с китайского языка на русский» порядок использования словарей становится всё более детальным. Составители данного учебника выделили из процесса перевода этап трансформации, который отсутствует в учебнике «Практический курс по полному переводу с русского языка на китайский и с китайского языка на русский». Второе различие заключается в том, что в этих двух учебных материалах на этапе понимания предлагаемые словари разные. В учебном издании «Практический курс по полному переводу с русского языка на китайский и с китайского языка на русский» порядок следования словарей начинается с двуязычного словаря, а в учебнике «Практический курс по полному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский» – со словаря исходного языка. На наш взгляд, у каждого учебника есть своя так называемая правильная сторона, на которую влияют многие факторы. Например, на этапе понимания при переводе с русского языка на китайский для китайского переводчика необходимо понимать русский как иностранный. В этом случае и русско-китайский словарь, и толковый словарь русского языка могут помочь понять текст перевода, играя при этом каждый свою определённую, но такую разную роль. А при переводе с китай-

ского языка на русский для носителя китайского языка на этапе понимания исходного языка более важен словарь китайского языка. Таким образом, проблема порядка использования словарей получила дальнейшее обсуждение в исследовании типа этапов перевода и лексикографических источников.

Итак, на основе обзора и анализа учебников по русско-китайскому переводу, изданных в Китае с 50-х годов 20-го века до настоящего времени, мы пришли к таким выводам. Знания по использованию словарей в первых учебниках перевода русского языка отсутствовали, а появились в учебнике относительно поздно, в самом конце 80-х годов 20-го века. В наше время большинство универсальных учебников по русско-китайскому переводу так или иначе содержит лексикографические аспекты перевода. Знания по использованию словарей в учебниках по русско-китайскому переводу представлены следующим образом: 1) перечисление словарей разного типа с их общей информацией; 2) объяснение основных правил по использованию словарей при переводе; 3) углубление способа – рассмотрение порядка использования словарей; 4) предложение использования словарей в сочетании с интернетовскими ресурсами. Уровень учебных материалов о лексикографии перевода постоянно повышается, в целом, с периферийной позиции до главной.

Лексикография русского языка, отвечая потребностям реального времени, активно развивается: переиздаются те или иные словари, появляются разновидности новых изданий. По исследованию М.Н. Крыловой, в течение последних десяти-пятнадцати лет лексикографическая деятельность по отношению к словарям русского языка, особенно прикладного характера, проявляет разнообразные тенденции своего развития [9]. Такие многогранные ресурсы русских словарей являются потенциалом для поддержки перевода. Китайский русист Ли Хайбинь предложил изучать курс «Лексикография перевода» в китайских вузах по специальности «Русский язык» [10]. На этом фоне обучение по использованию словарей для русско-китайского перевода получит своё дальнейшее и, несомненно, успешное развитие.

Список литературы

1. Крупнов В.Н. *Лексикографические аспекты перевода*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2009.
2. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. М.: Флинта: Наука; 2009.
3. 蔡毅等编. *俄译汉教程 (修订本.上册)*. 北京: 外语教学与研究出版社; 1989.
4. 王超尘, 黄树南, 信德麟等编. *现代俄语通论 (下册)*. 北京: 商务印书馆; 1964.
5. 王德孝等编. *现代俄语理论教程 (下册)*. 上海: 上海外语教育出版社. 1989.
6. 黑龙江大学俄语系词典编辑室. *大俄汉词典*. 北京: 商务印书馆; 1985.
7. 纪春萍. *俄语本科翻译教材研究*. 黑龙江大学博士学位论文; 2014.
8. 刘泽荣. *俄汉大辞典*. 北京: 商务印书馆; 1960.
9. Крылова М.Н. Современные тенденции развития русской лексикографии. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(2): 166–179.
10. 李海斌. 翻译词典学课程开发探索. *教育探索*, 2014;(7):31–32.

References

1. Krupnov V.N. *Lexicographic aspects of translation*. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM»; 2009. (In Russ.)
2. Nelyubin L.L. *Explanatory Translation Dictionary*. M.: Flinta: Nauka; 2009. (In Russ.)
3. Cai Yi, Jin Weiran, Cao Shuxun. *Russian-Chinese Translation Course (Revised Edition, Volume 1)*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press; 1989. (In Chinese)
4. Wang Chaochen, Huang Shunan, Xin Delin et al. *Introduction to Modern Russian (Volume 2)*. Beijing: The Commercial Press; 1964. (In Chinese)
5. Wang Dexiao, Duan Shiqi, Gao Jing et al. *Modern Russian Theory Course (Volume 2)*. Shanghai: Shanghai foreign language education press; 1989. (In Chinese)
6. Dictionary Editing Office of the Russian Department of Heilongjiang University. *Great Russian-Chinese Dictionary*. Beijing: The Commercial Press; 1985. (In Chinese)
7. Ji Chunping. *Research on translation textbooks for the undergraduate Russian majors*. Heilongjiang University Doctoral Dissertation; 2014. (In Chinese)
8. Liu Zerong (Chief ed.). *Russian-Chinese Dictionary*. Beijing: The Commercial Press; 1960. (In Chinese)
9. Krylova M.N. Modern Trends in the Development of Russian Lexicography. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(2): 166–179. (In Russ.)
10. Li Haibin. On development of Translation Lexicography Course. *Education Exploration*. 2014; (7): 31–32. (In Chinese)

Автор публикации

Лю Ди –
Профессор
Хэйхэский университет
Хэйхэ, Китай
Email: llsh352@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0021-4079>

Author of the publication

Liu Di –
Professor
Heihe University
Heihe, China
Email: llsh352@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0021-4079>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.03.2025
Одобрена после рецензирования: 20.04.2025
Принята к публикации: 28.04.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 15.03.2025
Approved after peer reviewing: 20.04.2025
Accepted for publication: 28.04.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'255.2

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272>

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ
ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИ ЮЯ)**

Ни Сыюй¹, Ф.Г. Фаткуллина²

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
¹416121726@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8465>

²fluzarus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются особенности перевода метафор в китайской поэзии. Метафора, как важный риторический прием, играет значительную роль в создании поэзии. Метафоры, которые можно встретить в стихотворных произведениях Китая, не только отражают неповторимое очарование культур, но и создают трудности для переводчиков. Актуальность темы обусловлена необходимостью более глубокого понимания того, как переводить метафоры и адаптировать их к другой культуре. В процессе перевода переводчикам необходимо полностью осознать метафорические значения оригинальных текстов и найти выражения, которые точно передают эти значения на языке перевода. Цель исследования — провести сравнительный анализ метафор в китайской поэзии и выявить особенности их перевода. Для достижения этой цели изучаются теоретические основы метафоры как художественного средства, анализируются особенности китайской поэтических традиций, проводится сравнительный анализ на примере конкретных произведений, рассматриваются проблемы перевода метафор и разрабатываются рекомендации по улучшению качества перевода. Посредством этого исследования и анализа автор стремится предоставить несколько ценных рекомендаций и инсайтов для тех, кто хочет участвовать в процессе метафорического перевода.

Ключевые слова: метафора; перевод; расширенная метафора; теория перевода; адекватность; Ли Юй

Для цитирования: Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Переводческий анализ метафор в китайской и русской поэзии (на примере произведений Ли Юя). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 263–272. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272>

**TRANSLATION ANALYSIS OF METAPHORS IN CHINESE AND
RUSSIAN POETRY (ON THE EXAMPLE OF WORKS BY LI YU)**

Ni Siyu¹, F.G. Fatkullina²

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
¹416121726@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8465>

²fluzarus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Abstract. The proposed paper discusses the features of metaphor translation in Chinese poetry. Metaphor, as an important rhetorical device, plays a significant role in the creation of poetry. Metaphors that can be found in Chinese poetry not only reflect the unique charm of cultures, but also create difficulties for translators. The relevance of the topic stems from the need for a better

understanding of how to translate metaphors and adapt them to another culture. In the translation process, translators need to fully realize the metaphorical meanings of the original texts and find expressions that accurately convey these meanings in the target language. The aim of the study is to make a comparative analysis of metaphors in Chinese poetry and identify the features of their translation. To achieve this goal, the theoretical foundations of metaphor as an artistic means are studied, the peculiarities of Chinese poetic traditions are analyzed, a comparative analysis is carried out on the example of specific works, the problems of metaphor translation are considered and recommendations for improving the quality of translation are developed. Through this study and analysis, the author aims to provide some valuable recommendations and insights for those who want to engage in the process of metaphor translation.

Key words: metaphor; translation; extended metaphor; adequacy translation theory; Li Yu

For citation: Ni Siyu, Fatkullina F.G. Translation Analysis of Metaphors in Chinese and Russian Poetry (On the Example of Works by Li Yu). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 264–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272>

Историю метафоры как литературного приема можно проследить с древних времен, когда она использовалась в риторике и поэтике как один из основных инструментов украшения языка. В разные эпохи и культурные контексты метафоры обладали своими уникальными характеристиками и функциями, отражающими мировоззрение и ценности обществ, которые их использовали. Метафора «(от др.греч. *Μεταφορά* – «перенос», «переносное значение») – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака» [1]. В древние времена метафора считалась изощренным риторическим приемом. Она широко использовалась в различных литературных произведениях для совершенствования языка и придания выразительности. Аристотель, известный философ Др. Греции, дал глубокий и оригинальный анализ метафор в своей вечной работе «Поэтика». Он определил метафору как форму языковой трансформации, основанную на сходстве. Умело перенося название одной вещи на другую, обладающую сходным качеством, он добился лаконичного и многозначительного выражения. Он считал, что метафора позволяет нам увидеть привычные вещи в новом свете и открыть новые смыслы. В XIX веке интерес к метафоре возрос благодаря развитию сравнительного языкознания и психологии. Исследователи начали изучать метафору как средство выражения эмоций и идей, а также как способ формирования но-

вых концепций. Они также обратили внимание на роль метафоры в создании художественных образов и литературных стилей. Метафора, «как стилистическое средство или художественный прием, реже, как средство номинации, еще реже – как способ создания языковой картины мира» [2, с. 3]. «Не столько языковые структуры, сколько когнитивные структуры человеческого мышления (метафора-модель). Подчеркивается роль личностного опыта и знаний при создании, употреблении и восприятии метафор» [3, с. 425]. В то же время это также относится к окружающей среде: *золотые руки* – «руки как золото» означает, что рука сравнивается с золотом. Однако, как рука может быть золотой? Это во многом связано с человеческим восприятием. Поскольку золото – чрезвычайно ценный металл, то сравнение человеческой руки с золотом показывает, что у них есть некоторое сходство. «Метафора способна создать двуплановость восприятия действия, когда свойства одного явления «просвечиваются» сквозь признаки другого, в результате чего оттеняются однотипные признаки этих явлений. Иногда метафора не только помогает подмечать общие свойства предметов, явлений, но и отчасти сама заставляет увидеть похожее в различном» [4, с. 115]. И метафора «золотые руки» также используется для описания умелых рук этого человека. Аналогично этому, существуют метафоры «острый язык», «чистый голос», «ясные глаза» «ласковое солнце» и т.д. «Возможности создания переносных значений безграничны, а умение создавать метафоры зависит от способности автора находить общее в самых необычных сферах» [5, с. 103]. «Метафора объединяет в себе слова, сочетания, отрезки текста и реалии по сходству, и в основе объединения лежит аналогия» [6, с. 203]. «Основой метафоризации могут служить самые различные признаки предметов: цвет, форма, объем, назначение, положение в пространстве и времени и т.д.» [6, с. 103]. Когда метафоры в поэзии пересекают языковые границы и требуют перевода, их сложность становится очевидной. Как риторический прием, метафора часто несет в себе глубокие культурные коннотации, уникальные для конкретного языка или культуры. Эти коннотации являются не просто передачей буквально-

го значения, но скорее глубоким отражением культурного фона, исторических традиций и социальных обычаев людей, использующих этот язык [7]. Поэтому при переводе текстов перед переводчиками стоит жизненно важная задача: они должны точно передать суть и художественные концепции, содержащиеся в метафорах оригинального текста [8]. В сочетании с принципом адекватности в теории перевода нетрудно увидеть, что при переводе метафор на другие языки необходимо рассматривать их с разных точек зрения. С одной стороны, необходимо глубоко понимать значение метафор в оригинальном тексте. С другой стороны, нужно подумать о том, как правильно выразить их в переводе. Для этого требуется не только точность перевода, но и умение передать художественную концепцию и эмоциональный тон оригинального стихотворения. Только таким образом переведенные стихи могут сохранить суть оригинала, позволяя читателям на языке перевода оценить красоту и очарование поэзии. Поэзия в полной мере выражает субъективную точку зрения автора. “古典诗歌是诗人情感与本真的自然流露，蕴含诗人的生命理想”（Классическая поэзия – это естественное выражение эмоций поэта и их истинной природы, отражающее его жизненный идеал [9, с. 41].

Китай и Россия – две разные страны с разной историей, культурой и языками. Несмотря на эти различия, у обеих стран схожие способы самовыражения. В то же время поэты и писатели обеих стран используют метафоры и другие образные средства языка в своих произведениях, чтобы сделать их более выразительными и запоминающимися. “凡是情感充沛且得当的文学作品，必然会从读者那里得到认同，从而获得永的生命力。”（Все литературные произведения, наполненные эмоциями и смыслом, неизбежно получают признание читателей и сохраняют вечную жизненную силу.） [10, с. 32].

Семь эмоций и шесть желаний людей могут вызывать у них разные чувства, так что же можно использовать в качестве метафоры печали? В период правления Пяти династий и Десяти царств в Китае последний император Южной династии Тан описал свою печаль в стихотворении. В этом стихотворении

автор использовал множество метафор, чтобы выразить печаль от неудачи в своей жизни после падения мощи своей страны.

虞美人

春花秋月何时了，往事知多少？小楼昨夜又东风，故国不堪回首月明中。

雕栏玉砌应犹在，只是朱颜改。问君能有几多愁？恰似一江春水向东流。

[11, с. 741].

Во всем стихотворении есть три метафоры.

Оригинал	Перевод: Басманов М.И.[12]	Перевод: Маркова В.Н. [13]
春花秋月何时了，	То весна с цветами, То осень с луной. Бесконечной чреде Где же будет предел?	Вновь весенняя светит луна, Вновь раскрылся весенний цвет. Ах, когда же придет конец Этой вечной смене времен?
往事知多少？	Возвращает к минувшему Память меня — Сколько кануло в веч- ность Свершений и дел!	А когда —то бывало не так: Сколько радостей знал я весной!

“花秋月” – это то, что чаще всего вызывает у людей прекрасные ассоциации, но поэта они беспокоят вдвойне. В стихотворении фраза “春花秋月” не просто относится к весенним цветам и осенней луне. Поэт намеревается использовать смену времен года как метафору течения времени. Поэтому метафору не следует переводить как «весенние цветы и осенняя луна» В.Н. Маркова использовала слово «Вновь», чтобы более точно передать значение течения времени.

Оригинал	Перевод: Басманов М.И	Перевод: Маркова В.Н.
雕栏玉砌应犹在，	И резные перила, И ступеней нефрит — Все там, верно, осталось, Как в прежние дни.	Как, наверно, яшмой горят В этом свете перила крыльца. И резных ступеней ряды Там, в далеком моем дворце!
只是朱颜改。	На щеках лишь моих Нет румянца теперь — Бороздят их морщины, Поблекли они.	Только юность моя прошла, Алый цвет на щеках поблек.

“雕栏玉砌” – это не просто выражение ностальгии по процветающему дворцу прежних времен. За этой фразой скрывается глубокая тоска поэта по родно-

му городу. Такого перевода, как «резные перила и ступени из нефрита», недостаточно, чтобы передать чувства поэта по поводу изменения земли и изменения цвета гор и рек. ”朱” в Китае обозначают красный цвет. “颜” означает «лицо» или «внешность». В контексте “朱颜”, в частности, относится к розовым красавицам из дворца прошлого, но также символизирует все хорошее, что было в прошлом. Переводчики перевели это как «румянец на щеках незаметно угас». Перевод неточный и не передает всей значимости «смены династий», которую имел в виду поэт.

Оригинал	Перевод: Басманов М.И	Перевод: Маркова В.Н.
问君能有多少愁?	И хотелось бы знать, Сколько скорби еще В этой жизни нелегкой Я вынести мог.	Как, скажите, такую тоску Может сердце одно вместить?
恰似一江春水向东流。	Так безмерна она, Словно воды реки, Что, разлившись весной, Течет на восток.	Нет конца ей, как водам весной, Что разливом бегут на восток.

Автор этого стихотворения использует метафору родниковой воды, полной рек, чтобы описать печаль и ненависть, которые полны скорби. Эта метафора чрезвычайно уместна, поскольку она не только передает длительную и далеко идущую атмосферу горя и ненависти, но и бурную природу этих чувств. Печаль подобна источнику, переполненному распутством, необузданностью и бесконечностью точно так же, как бесконечный поток родниковой воды, который никогда не иссякает, даже днем и ночью. В поэзии и прозе метафоры являются не только средством языкового выражения, но и методом создания образов. Они могут быть основой для создания образов-символов. Иногда поэты используют расширенные метафоры, когда метафорический образ охватывает несколько фраз или даже все произведение целиком, создавая независимое визуальное представление.

Перевод поэзии – сложная задача, поскольку переводчику необходимо точно передать метафорическую мысль автора и учесть культурные и когнитивные особенности целевой аудитории. Этот процесс включает в себя культурное микроперевод и может привести к когнитивному разрыву между оригиналом и

переведенным текстом. Буквальный перевод может привести к поэтической деградации, поскольку он не передает предполагаемый смысл метафоры. С другой стороны, культурная адаптируемость может создать новый эстетический опыт и отразить ценности и верования целевой культуры. Однако полной трансформации метафор может быть трудно достичь из-за эстетических требований, культурных различий и языковых норм. Переводчики должны тщательно продумывать подход к переводу, например, менять парадигмы и реконструировать образы, чтобы успешно передать ценность поэзии. Им необходимо сбалансировать стремление к точности с потребностью в культурном чутье и креативности.

«Метафоры используются как в повседневном, так и в художественном языке. Различие между поэтическими метафорами и обычными, повседневными метафорами заключается в их свежести и оригинальности» [14; 15; 16]. Таким образом, философия перевода раскрывает суть метафорической трансформации как искусства согласования культурных когнитивных моделей. Переводчикам необходимо найти баланс между «культурной верностью» и «поэтическим новаторством», чтобы перевод сохранял дух оригинального текста и в то же время был интегрирован в дискурсивную систему языка перевода.

Список литературы

1. Метафора – Википедия (wikipedia.org). <https://ru.wikipedia.org/wiki/> [дата обращения: 12.01.2025]
2. Телия В.Н. *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*. Метафора в языке и тексте. Москва: Наука; 1988. С. 26–53.
3. Осокина С.А., В.Н. Карпухина, Е.А. Савочкина Лингвистические исследования метафор: краткий обзор. *Мир науки, культуры, образования*. 2021;4(89). 425 с.
4. Хоботова А. А. Метафора как важное средство выразительности праздничных форм. *Праздничная культура России: системный подход*. 2020;114–115.
5. Голуб И.Б., Неклюдов В.Д. *Русская риторика и культура речи*. М.: Логос; 2011. 328 с.
6. Львов М.Р. *Риторика. Культура речи*. М.: Издат. Центр «Академия»; 2004. 272 с.
7. Сакаева Л.Р. *Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков)*: автореф. ... д. фил. наук. Казань; 2008. 40 с.
8. Сакаева Л.Р., Яхин М.А., Менса Д., Фаткуллина Ф.Г. Особенности перевода официальных бизнес-планов с английского на русский. *Opсion*. 2019;35(23):433–447.
9. 刘闰之, 傅淳华. 与伟大心灵对话: 古典诗歌的教化之维// 教育科学论坛. 2024 —05 —10. 41. (на китайском языке)
10. 张居祥 他把悲伤流成一江春水——读《虞美人·春花秋月何时了》新世纪智能 2020 -11 -05. 32. (на китайском языке)
11. 曾昭岷 等. 全唐五代词[M]. 北京. 中华书局. 1999. 741. (на китайском языке)
12. Chinese poetry. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=361 [да-

та обращения: 12.01.2025]

13. Chinese poetry. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=371 [дата обращения: 12.01.2025]

14. Фаткулина Ф.Г. *Семантика деструктивных глаголов*: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ; 2005. 127 с.

15. Фаткулина Ф.Г., Ван С. Метафорическая концептуализация фразеологизмов о красивых / здоровых женщинах в китайском языке и особенности их перевода на русский язык. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):512–522. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-kontseptualizatsiya-frazeologizmov-o-krasivyyh-zdorovyh-zhenschinah-v-kitayskom-yazyke-i-osobennosti-ih-perevoda-na> [дата обращения: 12.01.2025].

16. Фаткулина Ф.Г., Цзыюй Линь. Зоометафора как компонент картины мира. *Мир науки, культуры, образования*. Горно-Алтайск. 2020;1(80):449–451. DOI: 10.24411/1991—5497—2020—00179 [дата обращения: 12.01.2025]

References

1. Metaphor – Wikipedia (wikipedia.org) <https://ru.wikipedia.org/wiki/> [accessed: 12.01.2025]. (In Russ.)

2. Telia V.N. *Metaphor as a model of semantic production and its expressive and evaluative function*. Metaphor in language and text. Moscow: Nauka; 1988. P. 26–53. (In Russ.)

3. Osokina S.A., Karpukhina V.N., Saeochkina E.A. Linguistic studies of metaphor: a brief overview. *World of Science, Culture, Education*. 2021;4(89). 425 с. (In Russ.)

4. Khobotova A. A. Metaphor as an important means of expressiveness of festive forms. *Festive culture of Russia: a systematic approach*. 2020. 2020;114–115. (In Russ.)

5. Golub I.B., Neklyudov V.D. *Russian rhetoric and culture of speech*. Moscow: Logos; 2011. 328 p. (In Russ.)

6. Lvov M.R. *Rhetoric. Culture of speech*. Moscow: Izdat. The Academy Center; 2004. 272 p. (In Russ.)

7. Sakaeva L.R. *Comparative analysis of phraseological units of anthropocentric orientation (on the material of Russian, English, Tatar and Tajik languages)*: autoref. ... d. phil. sciences. Kazan; 2008. 40 p. (In Russ.)

8. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Mensah D., Fatkullina F.G. The peculiarities of translations of official business plans from English into Russian. *Opcion. Opcion*. 2019;35(23):433–447. (In Russ.)

9. Liu Leunzhi, Fu Chunhua. Dialogue with the great mind: the dimension of indoctrination in classical poetry. *Educational Science Forum*. 2024-05-10. 41 p. (in Chinese)

10. Zhang Juxiang. He Turned His Sorrows into a River of Spring Water--Reading “Yu Meiren--When Will the Spring Flowers, Autumn and Moon End” New Century Intelligence 2020-11-05. 32 p. (in Chinese)

11. Zeng Zhaomin et al. *The Words of the Five Dynasties of the Tang Dynasty [M]*. Beijing. China Bookstore; 1999. 741 p. (in Chinese)

12. Chinese poetry. Available from: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=361 [accessed: 12.01.2025]. (In Russ.)

13. Chinese poetry. Available from: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=371 [accessed: 12.01.2025]. (In Russ.)

14. Fatkullina F.G. *Semantics of destructive verbs*: a textbook. Ufa: RIC BASHGU; 2005. 127 p.

15. Fatkullina F.G., Wang X. Metaphorical conceptualization of phraseological units about beautiful/healthy women in Chinese and features of their translation into Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):512–522. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-kontseptualizatsiya-frazeologizmov-o-krasivyyh-zdorovyh-zhenschinah-v-kitayskom-yazyke-i-osobennosti-ih-perevoda-na> [date of reference: 12.01.2025]. (In Russ.)

16. Fatkullina F.G., Ziyu Lin. Zoometaphora as a component of the worldview. *World of Science, Culture, education*. Gorno-Altaysk. 2020;1(80):449–451. DOI: 10.24411/1991 -5497 -2020 -00179 [accessed: 12.01.2025]. (In Russ.)

Авторы публикации

Ни Сыюй –
Аспирант
Уфимский университет науки и технологий

Authors of the publication

Ni Siyu –
graduate student
Ufa University of Science and Technology

Уфа, Россия

Email: 416121726@qq.com

<https://orcid.org/0000-0002-6694-8465>

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна –

доктор филологических наук, профессор

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Россия

Email: fluzarus@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.02.2025

Одобрена после рецензирования: 23.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Ufa, Russia,

Email: 416121726@qq.com

<https://orcid.org/0000-0002-6694-8465>

Fatkullina Fluza Gabdullinovna –

Doctor of Philology, Professor

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia

Email: fluzarus@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 13.02.2025

Approved after peer reviewing: 23.03.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 811.411.21:81`255

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.273-289>

МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В КОРАНЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫК

И.В. Палашевская¹, Сармад М.О. Аль-Бирмани²

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹*irina_777@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2719-8147>*

²*sarmadbm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу четыре перевода одной коранической метафоры, выполненных М.М. Пиктхоллом, А.Ю. Али, Абу-Адель и Э.Р. Кулиевым, с особым акцентом на метафору «*waishata alrrasu shayban*» «وَأَشْعَلَ الرَّأْسَ شَيْبًا». (Сура 19:4) Данное исследование ставит целью анализ сложностей, возникающих у переводчиков при обеспечении межкультурной эквивалентности текстов, а также сравнительное изучение образных языковых средств (метафор, идиом, символов) в арабском, русском и английском языках. Основное внимание уделяется выявлению лингвокультурных барьеров, препятствующих адекватной передаче смысла, и сопоставлению механизмов адаптации образности в контексте межъязыкового взаимодействия. Работа направлена на систематизацию факторов, влияющих на переводческую стратегию при работе с текстами, глубоко укорененными в специфике культурных кодов.

Целью исследования заключается в определении методов преодоления ключевых трудностей, возникающих при переводе текстов в условиях межкультурных различий, а также в сравнительном анализе образных структур (метафор, идиом, культурно-специфичных символов) в арабском, русском и английском языках. Акцент делается на изучении лингвистических механизмов, позволяющих сохранить смысловую и культурную адекватность при передаче образности между языками.

Работа предполагает классификацию переводческих стратегий, направленных на устранение межъязыковых дисбалансов, и выявление закономерностей в использовании образных средств в рамках сопоставляемых лингвокультур.

Материалы и методы исследования. В исследовании в качестве исходного материала использовался аутентичный текст Корана на арабском языке, а также его переводы на английский (М.М. Пиктхолл, А. Ю. Али, Абу-Адель) и русский (Э.Р.Кулиев) языки. Методологическая база включала:

- 1.теоретический анализ концепций перевода сакральных текстов;
- 2.описательный метод для фиксации лингвистических особенностей оригинала и переводов;
- 3.сопоставительно-типологический подход к выявлению структурных и семантических расхождений в передаче образных элементов (метафор, символов, культурных коннотаций). Применение параллельного анализа текстов позволило систематизировать стратегии адаптации культурно-обусловленных смыслов в рамках межъязыковой коммуникации. Сочетание теоретико-методологического и эмпирического блоков обеспечило комплексное изучение лингвокультурной трансформации текста в переводе.

Результатом исследования стала классификация переводов коранической метафоры «**waishthaAAala alrrasu shayban**» «وَأَشْتَعَلْ الرَّأْسُ شَيْبًا» на русский и английский языки. Эта классификация основывается на методах перевода метафор, предложенных П. Ньюмарком, которые были использованы переводчиками в процессе своей работы.

Область применения. Полученные результаты могут быть полезны для специалистов в таких областях, как теория и практика перевода, межкультурная коммуникация, стилистика, текстовая интерпретация, лингвокультурология и аксиологическая лингвистика.

Ключевые слова: методы перевода; кораническая метафора; английский язык; русский язык; арабский язык

Для цитирования: Палашевская И.В., Сармад М.О. Аль-Бирмани. Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский языки. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 273–289. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.273-289>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.273-289>

METHODS FOR TRANSLATING THE METAPHORS IN THE QUR'AN INTO ENGLISH AND RUSSIAN

I. V. Palashevskaya¹, Sarmad M. O. Al-Bearmany²

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹*irina_777@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2719-8147>*

²*sarmadbm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>*

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of four translations of one Quranic metaphor made by M.M. Pickthall, A.Y. Ali, Abu-Adel and E.R. Kuliyevev, with a special emphasis on the metaphor «**waishthaAAala alrrasu shayban**» «وَأَشْتَعَلْ الرَّأْسُ شَيْبًا». (Surah 19:4) This study aims to analyze the difficulties faced by translators in ensuring the intercultural equivalence of texts, as well as a comparative study of figurative linguistic means (metaphors, idioms, symbols) in Arabic, Russian and English. The main focus is on identifying linguistic and cultural barriers that prevent the adequate transmission of meaning, and comparing the mechanisms of adaptation of imagery in the context of interlanguage interaction. The work is aimed at systematizing the factors influencing the translation strategy when working with texts deeply rooted in the specifics of cultural codes.

The purpose of the study is to identify methods for overcoming key difficulties encountered in translating texts in the context of intercultural differences, as well as a comparative analysis of figurative structures (metaphors, idioms, culturally specific symbols) in Arabic, Russian and English. The emphasis is on the study of linguistic mechanisms that make it possible to preserve semantic and cultural adequacy in the transfer of imagery between languages.

The work involves the classification of translation strategies aimed at eliminating interlanguage imbalances and identifying patterns in the use of figurative means within the framework of the compared linguistic cultures.

Materials and methods of research. The study used the authentic text of the Quran in Arabic as a source material, as well as its translations into English (M.M. Pickthall, A. Y. Ali, Abu-Adel) and Russian (E.R.Kuliyevev) languages. The methodological base included:

1. theoretical analysis of the concepts of translation of sacred texts;
2. descriptive method for recording the linguistic features of the original and translations;

3. A comparative-typological approach to identifying structural and semantic discrepancies in the transmission of figurative elements (metaphors, symbols, cultural connotations). The use of parallel text analysis has made it possible to systematize strategies for adapting culturally determined meanings within the framework of interlanguage communication. The combination of theoretical, methodological and empirical blocks provided a comprehensive study of the linguistic and cultural transformation of the text in translation.

The result of the study was the classification of translations of the Quranic metaphor «**waishataAAala alrrasu shayban**» «وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا» into Russian and English. This classification is based on the methods of metaphor translation proposed by P. Newmark, which were used by translators in the course of their work.

The scope of application. The results obtained can be useful for specialists in such fields as theory and practice of translation, intercultural communication, stylistics, textual interpretation, linguoculturology and axiological linguistics.

Keywords: translation methods; Quranic metaphor; English language; Russian language; Arabic Language.

For citation: Palashevskaya I.V., Sarmad M.O. Al-Bearmany. Methods for Translating Metaphors in the Qur'an into English and Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 273–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.273-289>

Освещение и анализ проблем и поиск решения наиболее сложных задач, с которыми сталкивается переводчик при переводе коранических метафор в разных культурах, а также связывание изобразительных структур арабского, русского и английского языков. Целью нашей работы является анализ стратегий перевода коранической метафоры, используемых наиболее известными переводчиками Корана для того, чтобы показать, каким образом возможно связывание изобразительных структур арабского, русского и английского языков. Исследование методов перевода метафоры в Коране на английский и русский языки обусловлено многослойным значением этого священного текста, представляющего собой божественное откровение, переданное через пророка Мухаммеда. Коран, исполненный риторических фигур и выразительных средств, таких как метафоры, эпитеты, сравнения и гиперболы, требует от переводчиков не только лексического, но и культурного погружения, поскольку каждая из этих единиц несет в себе глубокие культурные, исторические и духовные коннотации.

В условиях глобализации, когда между культурами происходит активное взаимодействие, перевод Корана становится особенно важным как для изуче-

ния арабской культуры, так и для более универсального осмысления духовных ценностей, представленных в тексте. Существующие исследования показывают, что точность и адекватность передачи метафорических значений остаются недостаточно разработанными, что создает значительный научный пробел в области переводоведения. В этой работе использовался оригинальный текст Корана, а также его переводы на английский и русский языки, выполненные М.М. Пиктхоллом, А.Ю. Али, Абу-Аделем и Э.Р. Кулиевым. Применялись теоретический анализ, а также описательные и сравнительно-сопоставительные методы.

В качестве основного материала данного исследования был выбран оригинальный текст Священного Корана, из которого методом сплошной выборки было отобрано четыре примера употребления метафоры «*وَأَشْتَعَلُ الْإِنْسُ شَيْبًا*» (два варианта перевода на русский язык и два варианта на английский). Данная метафора, пронизанная многозначностью и богатством символических значений, служит информативной отправной точкой для глубокого анализа. Сура 19:4 является принципиальной частью Коранического текста, которая помогает осмыслить некоторые наиважнейшие аспекты исламской культуры. Как метафорический образ, её содержание отображает идеи пробуждения, обновления и духовного преображения.

Для детального анализа метафоры были выбраны несколько значимых переводов, выполненных известными исследователями: на английский язык – М.М. Пиктхоллом и А.Ю. Али, а на русский язык – Абу-Аделем и Э.Р. Кулиевым. Каждый из этих переводчиков применяет уникальные стратегические подходы и стилистические приемы, что придаёт дополнительную ценность обширному сравнительному анализу.

В рамках исследования были применены следующие методы, обеспечивающие комплексный подход к проблеме:

1. Теоретический анализ позволил разрабатывать интегративную базу знаний о переводе метафор, исследуя теоретические аспекты, связанные с переводческими стратегиями и культурными контекстами. В частности, были ис-

пользованы подходы таких авторов, как П. Ньюмарк и Э. Венгрова, которые акцентируют внимание на риторических приемах, характерных для арабской литературы и их переводческих аналогах.

2. Описательный анализ используется для детального рассмотрения метафоры в оригинале и её интерпретациях на разных языках. Он позволяет выделить ключевые лексические и семантические особенности, а также зафиксировать контекстуальные значения метафоры, что имеет первостепенное значение для дальнейшего сравнения.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ оказался особенно эффективным для выявления как различий, так и сходств в интерпретациях метафоры «Waalssubhi itha tanaffasa» в различных переводах. Сравнение дает возможность осознать, как различные культурные и лингвистические контексты оказывают влияние на выбор лексики и стилистические решения переводчиков, а также на адекватность передачи тематики и глубины оригинального текста.

В результате применения перечисленных методов исследование предлагает не только глубокое понимание функционирования метафоры «Waalssubhi itha tanaffasa» и её значимости в свете изучения Корана, но также формирует рекомендации для переводчиков, направленные на улучшение качества межкультурного взаимодействия и восприятия священных текстов в условиях глобализированного мира. Таким образом, данное исследование стремится внести вклад в обновление теории переводоведения, обогатив её новыми перспективами, основанными на культурных нюансах и переводческих особенностях. На сегодняшний день существует большое количество переводов Корана на различные языки, в том числе русский и английский. Эти переводы продолжают появляться, что отражает растущий интерес к этому священному тексту. В нашем исследовании мы сосредоточимся на четырех вариантах перевода Суры 19:4: двух английских и двух русских, которые считаются авторитетными среди исследователей, так как они наиболее близки по смыслу к оригинальному тек-

сту и распространены среди читателей и приверженцев мусульманской веры, не владеющих арабским языком.

Первым переводом, который мы рассмотрим, является работа «The Meaning of the Glorious Qur'an» Мухаммада Уильяма Мармадюка Пиктхолла, выполненная в 1930 г. Этот перевод стал первым, получившим одобрение университета «Аль-Азхар», одного из наиболее уважаемых исламских учебных заведений. Пиктхолл многократно переиздавал свою работу, и она завоевала популярность среди мусульман по всему миру. В переводе содержится введение о Пророке Мухаммеде и предисловия к каждой суре, выполненные при поддержке шейха Мустафы Аль-Мараги. Пиктхолл воспользовался тафсирами таких известных исламских ученых, как Замахшари и Аль-Байдави. Его перевод отличается высоким соответствием оригиналу, и суры располагаются на отдельных страницах. Литературный стиль близок к библейскому, что проявляется в использовании архаизмов и комментариев, предоставляя читателям возможность углубиться в сложные темы [1, с. 15].

Второй выбранный перевод на английский язык был осуществлён Абдуллой Юсуфом Али в 1934-1937 гг. и называется «The Holy Qur'an». Этот перевод считается одним из самых популярных и признанным среди широкого круга читателей и исследователей мусульманской культуры по всему миру. Эта работа состоит из оригинального текста, перевода и тафсир (комментарии), каждая из этих частей соответствует оригинальной структуре Священного текста. Юсуф Али опирался на работы таких толкователей, как Ат-Табари и Аль-Рази, и добавил предисловия к каждому разделу вместе с краткими содержанием, что облегчает восприятие. Работа написана высоким языком с элементами старой лексики, что придаёт ей особую выразительность. Комментарии к суре делают текст более доступным, обеспечивая читателю понимание контекста [2].

Что касается русского языка, важным переводом является работа, подготовленная под руководством Абдуллаха ибн Абд Аль-Мухсина (Абу Аделя) в 2008 г, названная «Перевод смысла аятов и их краткое толкование». В этом пе-

реводе используются толкования таких авторов, как аш-Шаукани и Ибн Аль-Усеймин. Данный перевод представляет собой сочетание перевода и тафсира, где основной текст выделяется обычным шрифтом, а пояснения – курсивом. Текст, начинающийся с фразы «То есть», оформляется в квадратных скобках. Такой подход позволяет читателям лучше понять содержание аятов и их связи с основными концепциями ислама [3].

Четвертым переводом, который подлежит анализу, является перевод Священного Корана на русский язык, осуществлённый Эльмиром Рафаэлем оглы Кулиевым, известным азербайджанским религиоведом и философом. Начиная с 1997 г, Кулиев сосредоточился на создании многотомного тафсира Абдурахмана ибн Насира Ас-Саади. В процессе своей работы он пришёл к идее о необходимости параллельного перевода Корана, который бы опирался на традиционные мусульманские подходы. Сегодня его перевод и тафсир считаются значительным вкладом в науку и часто превосходят по значимости другие его исследования [4].

Метафора как объект перевода представляет собой предмет обширных исследований в области лингвистики. Тем не менее это остаётся одной из самых сложных и спорных тем. Данный факт объясняется тем, что метафора не только является воплощением уникальных эмоционально заряженных образов, но также играет ключевую роль в восприятии текста читателем, воздействуя на его воображение. Эффективная передача эмоций и стилистических нюансов, заложенных автором, представляет собой серьёзную задачу для переводчика [5, с. 84].

Под метафорой понимается троп, который основывается на переносном значении слов и выражений, основанных на их аналогиях или сходствах. Для сохранения метафорического смысла при переводе необходимо детально анализировать те выразительные средства, которые используются автором для формирования уникального стиля текста. Крайне важно точно подбирать методы перевода для адекватной передачи смысла, обеспечивая соответствие оригинальному стилю.

Когда при переводе метафоры происходит искажение смысла или его потеря, это может привести к искажению первоначальной идеи автора. В этой связи в теории перевода введен так называемый «закон сохранения метафоры», который указывает на необходимость стремления к сохранению метафорического образа [5, с.82].

Согласно последнему, метафорический образ должен как можно более полно сохраняться при переводе. Если же мы не учитываем этот закон, то приходим к тому, что «смысл фразы изменяется, а ее эстетический и прагматический эффекты снижаются» [5, с.81].

В данной статье мы проведём анализ четырех разных переводов одной и той же метафоры на английском и русском языках, сопоставив их друг с другом. Основой для нашего анализа станет труд Аш-Шарифа Аль-Ради «*Talakhees Albayan fi Mejazat Alquran*» («Обобщенное изложение метафор Корана»), который предлагает важные контексты для понимания метафорического языка Корана.

Алгоритм анализа метафоры в переводе Священного Корана требует системного и многоаспектного подхода, включающего несколько ключевых этапов, каждый из которых глубоко интегрирован в область литературной критики и теории перевода.

Этап 1: Анализ текста аята целиком на предмет наличия метафор.

Первоначальный шаг нашего исследования подразумевает всестороннее рассмотрение текста аята или его фрагмента, содержащего метафору, чей смысл может быть неоднозначным или недостаточно ясным. Этот процесс влечёт за собой не только внимательное чтение, но и контекстуальный анализ, который обеспечивает понимание культурных и исторических предпосылок, в рамках которых был создан текст. В дальнейшем следует обратиться к комментариям авторитетных экзегетов, таких как Ат-Табари, Аль-Нисабури, Аль-Куртуби, Аз-Замахшари, Аль-Джазаيري, Аль-Джалалайн и Ас-Саади. Эти мыслители, обладая высоким уровнем авторитета в области исламской экзегетики, способны пролить свет на сложные аспекты интерпретации, позволяя выявить

центральные концепции, идеи и многозначность метафоры. Такой подход не только углубляет наше понимание, но и открывает новые горизонты для интерпретации текста, способствуя расширению его смыслового поля.

Этап 2: Теоретическое обоснование анализа выявленной метафоры (каким образом мы вообще можем «подойти» к данной метафоре).

На втором этапе внимания заслуживает необходимость теоретического обоснования анализа метафоры и определения её образных значений. В данном контексте мы обратимся к трудам Аш-Шарифа Аль-Ради, чья работа «Вершина красноречия» ("Nahjul-Balagha") предоставляет богатый опыт изучения риторических средств, их стилистических функций и воздействия на восприятие читателя. Аль-Ради глубоко анализирует природу метафоры, её структурные элементы и функции, что позволяет нам не только лучше понять, как метафоры формируют смыслы в текстах, но также исследовать их роль в создании особой эстетики и эмоциональной окраски произведения. Такой подход может выявить слои значений и культурные ассоциации, которые могут быть потеряны при простом переводе.

Этап 3: Определение методов перевода обнаруженной метафоры.

На данном этапе нашего исследования особое внимание уделяется методам передачи метафор, применяемым различными переводчиками. Эта часть анализа осуществляется с учётом методологии перевода, предложенной Питером Ньюмарком, которая включает множество стратегий, таких как прямое сохранение метафорического образа, его замена эквивалентной метафорой, применение сравнительных конструкций и использование других средств для передачи смысла. Каждая из этих стратегий предполагает различные уровни адаптации текста и может существенно влиять на интерпретацию метафоры и её значимость в другом языковом контексте. Сравнительное исследование методов, использованных различными переводчиками, позволит нам оценить, каким образом отличающиеся подходы влияют на понимание метафоры, а также раскрыть потенциал культурной передачи.

Перевод метафоры «*waishata al-rasu shayban*» Сура 19, Аят 4, Марьям:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

сединай,

голова

и запылала

При анализе данного Аята мы обнаружили, что приведенный выше текст имеет метафорическое значение

Что касается смысла Аята, то его прокомментировал аз-Замахшари, когда написал в своей работе: «Кости здесь упоминаются, потому что они являются опорой для тела, и в них состоит его основание, а также они являются основой его конструкции. Если кости разрушены, то и сила тела также. А седые волосы подобны всполохам огня своей белизной и яркостью. И здесь возникает метафора – голова как бы «запылала» сединой, «зажигая» волосы». Автор находит эту фразу очень красноречивой. [6].

Седина на голове пророка Закарии была еще одним свидетельством его слабости и старости. А ведь именно седина является «гонцом смерти», ее предвестником и предшественником. Напоминая об этом, святой пророк подчеркивал свою слабость и беспомощность для того, чтобы Всевышний Аллах поскорее ответил на его мольбу (Тафсир ас-Саади, сура Марьям, аяты (3-4) [7].

Седые волосы «засветились» среди чёрных волос. Здесь смысл заключается в том, чтобы указать на свою слабость и старость, на их внешние и внутренние признаки.

Аллах сравнивает распространение седых волос на голове с распространением огня в той среде, что быстро горит, например, как лесной пожар или сухие дрова. Способность воспламенять – одна из характеристик огня. А здесь происходит перенос смысла «огонь» – «седина». В следующих абзацах мы сосредоточимся на анализе переводов этой метафоры и рассмотрим их один за другим.

Перевод этого аята Юсуфом Али представляется следующим:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

and the hair of my head doth glisten with grey (Yusuf Ali) [8].

Первое, на что мы обращаем внимание, это его перевод слова «alrrasu» английским «the hair of my head» т.е. «мои волосы на голове», что является дополнительным уточнением.

И второе, на что мы обратили внимание, это метафора «waishataAAala», смысл которой передавался только тогда, когда он употребляет «glisten» т.е. «блестеть». И он добавляет к этому акцент на значении, говоря: «doth glisten» – то есть светиться, блестеть. Слово «doth» обычно используется в древних писаниях, а в современном английском языке оно заменено словом «does». На этом основании Юсуф Али, возможно, передает один аспект значения, а именно «блеск» из-за тяжести «воспламенения», и пренебрегает другим аспектом, а именно быстрым «распространением» седины.

Перевод Пиктоллы на английский язык состоит в передаче метафоры, где автор переводит:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

and my head is shining with grey hair, (Pickthall) [9].

Он также упоминает только один аспект значения метафоры, а именно блеск, из-за интенсивности «воспламенения», где он говорит: «and my head shining with grey hair», т.е. «моя голова сияет сединой» а слово «shining» является здесь синонимом слова «glisten», которое Юсуф Али использовал при переводе метафоры «waishataAAala».

Что же касается перевода Абу Аделя на русский язык, то он выглядит следующим образом:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

и голова запылала сединой (Абу Адель) [10].

Он перевел метафору «waishataAAala» на русский язык как «запылала», что является по факту дословным переводом. Это очень близко к тому смыслу, который должен быть передан в аяте, что соответствует целевому смыслу с

точки зрения «быстрого распространения седины» и «свечения» седых волос на голове.

Что касается перевода Кулиева на русский язык, то он имеет следующий вид:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

а седина уже распространилась по моей голове. [11].

Он обращает внимание на другой аспект метафоры, то есть «распространение» седины на голове, где он переводит «а седина уже распространилась по моей голове». И пренебрегает первым аспектом метафоры, а именно «интенсивностью воспламенения».

На основании использования методов перевода метафоры П. Ньюмарка [12]. при работе с коранической метафорой была составлена диаграмма, показывающая процентное соотношение использования авторами (А.Ю. Али, М.М. Пиктхолл, Абу-Адель, Э.Р. Кулиев) методов перевода.

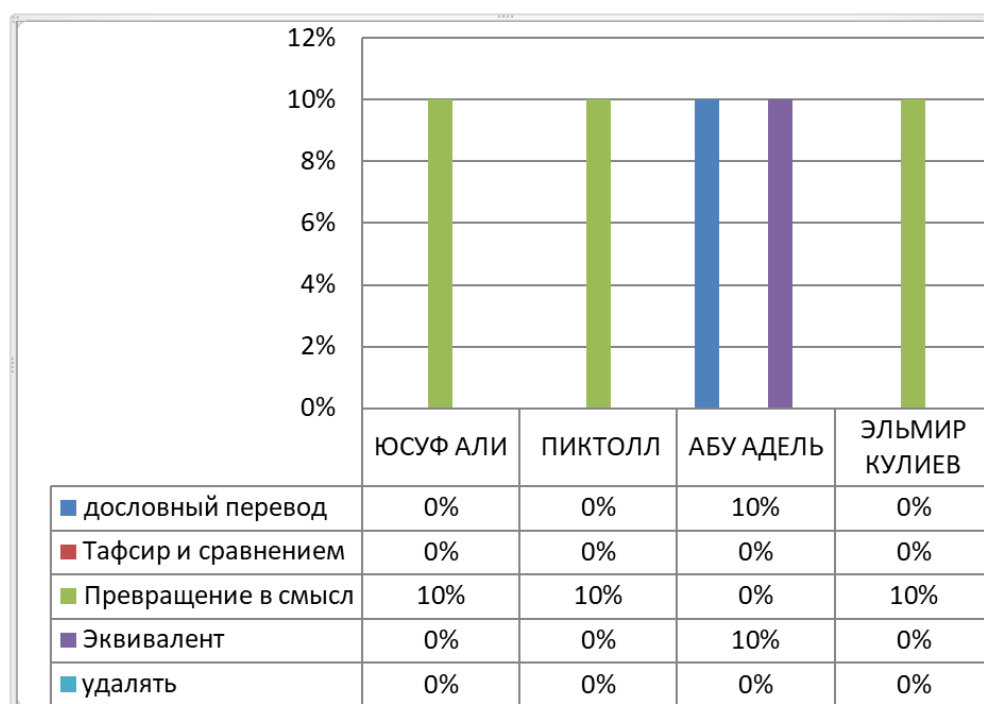

Рис. 1 Методы перевода каждого переводчика

При переводе коранической метафоры «*waishat al-rasu shayban*» из Суры 19, Аят 4 «Марьям» разные переводчики использовали свои методы, которые можно оценить следующим образом:

1. А.Ю. Али применил метод смысловой трансформации метафоры, что составило 10% его подхода к переводу.
2. М.М. Пиктолл тоже использовал смысловую трансформацию в размере 10%.
3. Абу Адель выбрал дословный перевод с элементами метода сравнения, что также составило 10%.
4. Э.Р. Кулиев работал с метафорой, используя одновременно смысловую трансформацию и эквивалентный перевод, при этом оба метода составили по 10%.

Стоит отметить, что ни один из авторов не воспользовался методом отказа от перевода метафоры («удаление метафоры»). Это решение было принято в связи с опасением потерять важные оттенки значения, которые могут быть искажены или утрачены при отсутствии перевода. Таким образом, все переводчики предприняли усилия для сохранения глубины и значения метафоры в своих переводах. Подводя итоги, можно сказать, что, перевод Юсуфа Али, Пиктоллы и перевод Кулиева трансформировали метафору в дополнительный смысл, эти переводы не полностью охватили значение метафоры. Что касается перевода Абу Аделя, то это является дословным переводом, и он использовал эквивалентный метод на языке перевода, и это является достаточным для поставленной цели.

Так, наш алгоритм анализа формирует комплексный подход к исследованию текстовых и контекстуальных аспектов метафоры. Мы нацелены на всестороннее выявление особенностей перевода последней и понимания её в различных языковых и культурных контекстах. Такое обстоятельное исследование способствует расширению нашего понимания художественного языка в священных текстах и рассматривает, каким образом метафорические выражения могут быть адекватно интерпретированы в процессе перевода, открывая новые возможности для дальнейшего изучения и дискуссий в области литературной теории и филологии. Методы перевода метафоры в Коране на английский и

русский язык представляют собой сложную задачу из-за языковых и культурных различий. Метафоры в Коране могут иметь различные значения и оттенки, которые не всегда легко передать на другом языке. Рассмотрим основные методы, используемые для перевода метафор.

Первый метод – прямой перевод. Он предполагает передачу метафоры в её первоначальной форме без адаптации. Этот подход может быть уместным, если метафора понятна и в целевом языке. Преимущество прямого перевода в том, что он сохраняет оригинальную структуру и может быть интересным для читателей, стремящихся увидеть дословный перевод. Однако недостатком может быть то, что такой перевод иногда теряет смысл или вызывает недопонимание.

Второй метод – адаптация. Этот метод изменяет метафору так, чтобы она стала более понятной для целевой аудитории. Это особенно полезно, когда метафора основана на культурных контекстах, которые не имеют аналогов в другом языке. Преимуществом адаптации является улучшение доступности текста для читателей и сохранение основного смысла, но недостатком является риск потери культурной значимости.

Третий метод – эквивалентность. Здесь переводчик ищет аналогичную метафору в целевом языке, обеспечивая сопоставимый смысл. Преимущество этого подхода заключается в поддержании концептуальной целостности и лучшем понимании оригинала читателями. Но некоторые нюансы могут быть потеряны в процессе поиска эквивалента.

Четвертый метод – интерпретация. Он подразумевает объяснение метафоры с использованием дополнительных слов, что бывает полезно для сложных или неясных выражений. Преимущество интерпретации в предоставлении более глубокого понимания текста, но есть риск чрезмерного вмешательства переводчика, что приводит к субъективности.

Пятый метод – культурный перевод, который фокусируется на передаче культурного контекста метафоры. Переводчик должен учитывать культурные значения и ассоциации, на которых основаны метафоры. Преимущество этого

метода в том, что он позволяет сохранить смысл в рамках культурных норм целевого языка, но сложность состоит в нахождении подходящих аналогий для специфичных культурных контекстов.

Наконец, многие переводчики используют комбинированный подход, сочетая несколько методов для создания наиболее точного и доступного перевода. Это особенно актуально для древних текстов, как Коран, где метафоры могут иметь многослойные значения. Таким образом, перевод метафор в Коране на английский и русский язык требует от переводчика гибкости, чуткости к языковым и культурным традициям, а также глубокого понимания оригинального текста. Высокая компетентность переводчика не гарантирует отсутствия проблем. В данной статье мы предприняли попытку сопоставить одни из самых популярных вариантов перевода священного текста на примере выбранной коранической метафоры. Каждый метод имеет свои плюсы и минусы, и выбор подхода зависит от контекста и целей перевода. Понимание этих методов помогает создать точные и эффективные переводы, которые сохраняют богатство стиля и смысловые нюансы оригинала.

Список литературы

1. جزء الزمخشري جار الله (الكشاف عن حقائق التنزيل و عيون الاقاويل في وجوه التأويل) دار المعرفة بيروت (4). URL: <https://www.islamweb.net/ar/library/content/204/1344/> [дата обращения: 15.12.2024]
2. Абдулла Юсуф Али. *The Meaning of the Glorious Qur'an*. URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> [дата обращения: 15.12.2024].
3. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Едиториал УРСС; 2004. 576 с.
4. Мисюра В.А. Трактат Суйути о порядке сур в Коране. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):152–163.
5. Гилемшина А.Г. Своеобразие экспрессивной лексики в одновременных переводах Корана. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007;149(4):70–75.
6. Абу-Адель. *Перевод смысла аятов и их краткое толкование*. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> [дата обращения: 14.12.2024].
7. 1417. 815–816. 1417. بروت ، تيسير الكريم الرحمن في تفسير كلام المنان ناصر السعدي.
8. Пиктхолл М.М. *The Meanings of the Glorious Qur'an*. URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> [дата обращения: 15.12.2024]
9. Кулиев Э.Р. оглы. *Перевод священного Корана на русский язык*. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> [дата обращения: 14.12.2024].
10. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка. *Вестник МГЛУ*. 2010;9(588):156–162.
11. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: Наука; 1981.
12. Наджар И.И. Мода в арабо-английском переводе: со ссылкой на Коран. *Российский лингвистический журнал*. 2019;23(2):509–522.

13. Пентковская Т.В. К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. *Stephanos.* 2020;6(44):43–52.
14. Шарипов У.З. Предисловие к новому переводу Корана. *Историческая психология и социология истории.* 2010;3(1):67–82.
15. 1404/1984. *دار الأندلس نهج البلاغه بيروت محمد عبده د. الشريف الرضي، أبو الحسن محمد بن الحسن الموسوي (بالعربية).* 350ص.
16. Фаткуллина Ф.Г., Ван С. Метафорическая концептуализация фразеологизмов о красивых / здоровых женщинах в китайском языке и особенности их перевода на русский язык. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(4):512–522.

References

1. Al-Zamakhshari J. (*Al-Kashaf An Haqa'iq Al-Tanzil wa Ayun Al-Aqwal fi Wujuh Al-Tafsil*), Dar Al-Ma'rifa, Beirut. Available from: <https://www.islamweb.net/ar/library/content/204/1344/> [accessed 15.12.2024].
2. Abdullah Yusuf Ali. *The Meaning of the Glorious Qur'an.* Available from: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> [accessed: 12.14.2024].
3. Akhmanova O.S. *Dictionary of Linguistic Terms.* Moscow: Editorial URSS; 2004. 576 p.
4. Misyura V.A. The Treatise of Al-Suyuti about the Order of Surahs in the Quran. *Minbar. Islamic Studies.* 2021;14(1):152–163.
5. Gilemshina A.G. The Peculiarities of Expressive Vocabulary in Various Translations of the Quran. *Kazan State University Scientific Notes. Series: Humanities.* 2007;149(4):70–75.
6. Abu Adel. *Translation of the meaning of the verses and their brief interpretation.* Available from: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> [accessed: 12/14/2024].
7. Nasir Al-Sa'di. *Taysir Al-Karim Al-Rahman fi Tafsir Kalam Al-Manan.* Beirut; 1417. pp. 815–816.
8. Pickthall M.M. *The Meanings of the Glorious Qur'an.* Available from: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> [accessed: 15.12.2024].
9. Kuliev E.R. *Translation of the Sacred Quran into Russian.* Available from: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> [accessed: 12/14/2024].
10. Shikalov S.V. Methods of Translating Metaphors in the Concept of Peter Newmark. *Bulletin of Moscow State Linguistic University.* 2010;9(588):156–162.
11. Galperin I.R. *Text as an Object of Linguistic Research.* Moscow: Nauka; 1981. 140 p.
12. Najjar I.I. Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran. *Russian Journal of Linguistics.* 2019;23(2):509–522.
13. Pentkovskaya T.V. Russian Translation of the Quran, Printed in 1716: Problems of Studying. *Stephanos.* 2020;6(44):43–52.
14. Sharipov U.Z. *Foreword to the New Translation of the Quran. Historical Psychology and Sociology of History.* 2010. Vol. 3. No. 1. pp. 67–82.
15. Al-Sharif Al-Razi, Abu Al-Hasan Muhammad bin Al-Hasan Al-Mousawi. Dr. Muhammad Abduh. *Nahj al-Balagha*, Beirut: Dar Al-Andalus, 1404/1984. (In Arabic). p. 350.
16. Fatkulmina F.G., Wang X. Metaphorical conceptualization of phraseological units about beautiful/healthy women in Chinese and features of their translation into Russian. *Kazan Linguistic Journal.* 2022;5(4):512–522.

Авторы публикации

Ирина В. Палашевская –
Д.филол.н., профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: irina_777@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Сармад М.О. Аль-Бирман –
Аспирант
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

Authors of the publication

Irina.V. Palashevskaya –
Doctor of Philological Sciences, Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: irina_777@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Sarmad.M.O. Al-Bearmany –
PhD Student
Volgograd State University
Volgograd, Russia

Email: sarmadbmx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>

Email: sarmadbmx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.02.2025

Одобрена после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 07.02.2025

Approved after peer reviewing: 25.02.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 811.111'367.625

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.290-301>

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СПОРТИВНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА

Ф.Н. Шарикова

*Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар, Россия*

emma.sharikova @ yandex.ru; <http://orcid/0000-0001-6184-9479>

Аннотация. Терминология зимних видов спорта, как и любая другая терминология, представляется особой системой лексики и требует детального изучения с позиции ее словообразования. Главным ресурсом обогащения терминологического объема языка являются его внутренние резервы. Следовательно, пополнение словарного запаса языка спорта и, в частности, зимних видов спорта новыми словами происходит путем использования уже существующих в языке морфем или их новых сочетаний. Известно, что существует множество способов образования новых слов, всю совокупность которых можно разделить на: морфологический способ, лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-семантический. Морфологический способ образования лексики является самым продуктивным и популярным способом образования новых слов.

В данной научной работе исследуются морфологические способы словообразования спортивных терминов зимних видов спорта в английском языке: аффиксальный (префиксальный, суффиксальный), словосложение, конверсия и аббревиатуры. По итогам исследования наиболее результативными способами оказались словосложение, конверсия.

Автор считает, что знание основных способов морфологического словообразования спортивных терминов зимних видов спорта будет способствовать эффективности учебного процесса, в контексте обучения английскому языку на факультетах зимних видов спорта в спортивном вузе. Эти познания помогут обучающимся постигать значения мало знакомых спортивных терминов, развивать и расширять способность к обобщению, систематизации и развитию взаимосвязей между уже известными терминами и изучаемыми. Понимая закономерности словообразования, обучающийся сможет более эффективно интенсифицировать собственный запас лексики.

Ключевые слова: спортивная терминология; морфологическое словообразование; аффиксация; словосложение, конверсия; аббревиатура

Для цитирования: Шарикова Ф.Н. Способы образования спортивных терминов в английском языке на примере зимних видов спорта. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 290–301. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.290-301>

METHODS OF WORD FORMATION OF SPORTS TERMS BY THE EXAMPLE OF WINTER SPORTS

F.N. Sharikova

Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Krasnodar, Russia
emma.sharikova @ yandex.ru; <http://orcid/0000-0001-6184-9479>

Abstract. Terminology of winter sports, like any other terminology, is a special system of vocabulary and requires detailed study from the standpoint of its word formation. The main resource for enriching the terminological volume of a language is its internal reserves. Consequently, replenishment of the vocabulary of the language of sports and, in particular, winter sports with new words occurs through the use of morphemes already existing in the language or their new combinations. It is known that there are many ways to form new words, the entire set of which can be divided into: morphological method, lexical-syntactic, lexical-semantic and morphological-semantic. The morphological method of vocabulary formation is the most productive and popular way of forming new words.

This scientific work examines morphological methods of word formation of sports terms of winter sports in English: affixal (prefixal, suffixal), compounding, conversion and abbreviations. According to the results of the study, compounding and conversion turned out to be the most effective methods. The author believes that knowledge of the main methods of morphological word formation of sports terms of winter sports will contribute to the effectiveness of the educational process, in the context of teaching English at the faculties of winter sports in a sports university. This knowledge will help students to comprehend the meanings of unfamiliar sports terms, develop and expand the ability to generalize, systematize and develop relationships between already known terms and those being studied. Understanding the patterns of word formation, the student will be able to more effectively intensify his own vocabulary.

Keywords: sports terminology; morphological word formation; affixation; word formation, conversion; abbreviation

For citation: Sharikova F.N. Methods of word formation of sports terms by the example of winter sports. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 290–301. (In Russ.)
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.290-301>

Спорт как явление культуры объединяет миллионы людей из множества стран мира благодаря своей зрелищности и открытости. Спорт помогает укреплять здоровье, развивать физические способности и дисциплину. Существует множество видов спорта. Люди выбирают его в зависимости от интересов, возможностей и целей. Спорт является важной частью культуры и общества. Он способствует установлению добрых, дружественных, тесных контактов между народами, их объединению. Победы в спорте приносят чувство гордости за свою страну или город.

Владение спортивной терминологией в условиях межкультурной коммуникации обеспечивает успешность процесса коммуникации, что, в первую очередь, стимулирует прогресс спорта на национальном и международном уровне.

Словообразование как подраздел лингвистики исследует и отображает закономерности методов образования слов в языке. Оно направлено на увеличение запаса слов и служит обогащению речи и созданию эффективной коммуникации в различных отраслях человеческой деятельности [1, с. 7-13].

В отечественной науке родоначальниками формирования и развития словообразования в пределах языкознания можно выделить В.В. Виноградова, Г. О. Винокура, А.И. Смирницкого, Е.А. Земскую. Непосредственно они занимались исследованием функционирования словообразования в области языковедческих предметов. Винокур Г.О. предложил классифицирование способов словообразования в русском языке на продуктивные и непродуктивные, регулярные и нерегулярные. Это сыграло значимую роль в исторической перспективе отечественного словообразования [2, 3, 4].

В английском языке, как и во многих других языках, словообразование представлено такими категориями как:

- словообразование с помощью других языков;
- образование слов из новых корней. Это – неологизмы;
- словообразование из уже существующих слов. Это один из самых распространенных способов пополнения лексического запаса.

В английском языке словообразование из имеющих место в настоящее время корней осуществляется тремя основными приемами: аффиксация, словосложение и конверсия [5]. Эти способы характерны и для словообразования терминов спорта.

Следует отметить, что в этой статье термин трактуется как слово или словосочетание специальной сферы применения, с целью точной передачи специальных понятий [6, с. 5], [7, с. 10].

Характерными признаками термина являются: 1) однозначность, 2) эмоциональная и стилистическая нейтральность. Каждый термин имеет конкретное, закономерное толкование, следовательно, нет надобности в контексте.

Совокупность терминов конкретной науки или профессии называется терминологией (например, лингвистическая, медицинская, спортивная). В более широком понимании слова терминология трактуется как «составная часть лексического состава языка, включающая особую лексику, реализующуюся в области профессиональной деятельности людей» [8, с. 302].

Спортивная терминология предполагает буквально узкую область применения и несет в себе ряд характерных признаков на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях. В этой связи образование терминов может происходить посредством уже стандартных способов или посредством морфологического способа образования благодаря уже действующим моделям.

Цель данного исследования состоит в исследовании и анализе продуктивных способов морфологического словообразования спортивных терминов в английском языке на примере зимних видов спорта.

Задачи:

- проанализировать литературу по предмету исследования отечественных и зарубежных современных авторов;
- произвести выборку лексических единиц из современных лексикографических источников;
- провести анализ отобранных терминологических единиц в соответствии с морфологическими способами словообразования.

Объект исследования являются словообразовательные структуры спортивных терминов зимних видов спорта.

Предмет исследования – морфологический способ образования спортивных терминов зимних видов спорта.

В представленной работе использованы такие методы исследования как: анализ научной литературы, описательный метод, количественный анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Методом сплошной выборки, нами было отобрано 150 терминов зимних видов спорта, извлеченных из лексикографических источников: The Macmillan dictionary of sports, Longman English Dictionary, Dictionary of sports and games terminology, Dictionary of Sports Studies, The visual dictionary of sports and games [9; 10; 11; 12; 13].

В процессе подготовки статьи также использовались следующие источники: Общий терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи, изданный оргкомитетом «Сочи 2014» в 2012 [14] и Толковый словарь спортивных терминов [15].

Известно, что существует большое количество способов образования новых слов. Обычно к ним относят морфологический способ, а также лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-семантический.

Морфологический способ – это способ образования слов, при котором составной частью образования слова выступают морфологические единицы: аффиксы, морфемы, основы [16]. Этот способ имеет некоторое количество подвидов: аффиксальный и безаффиксальный. Аффиксальный способ словообразования также имеет подвиды: префиксальный, суффиксальный суффиксально-префиксальный. Из них наиболее частотными в использовании являются префиксальный и суффиксальный [17]. Несмотря на тот факт, что аффиксальный способ является весьма продуктивным и с помощью него образовано большое количество слов, он не так эффективен при сопоставлении с конверсией и словосложением [18;19].

В процессе анализа терминов зимних видов спорта подавляющее большинство из них оказалось существительными. Среди них отчетливо выделяется группа, обозначающая субъектов деятельности, названия зимних видов спорта, а также группа абстрактных значений.

Рассмотрим примеры:

1. Субъект деятельности:

– **er**: skier – лыжник; cross-country skier – лыжник; downhill skier (alpine skier) – горнолыжник; ski racer – гонщик на лыжах (лыжник); speed skater – конькобежец; figure skater – фигурист; snowboarder – сноубордист; freestyler – фристайлер; short track speed skater – конькобежец на шорт-треке; ice hockey player – хоккеист, ski jumper – прыгун на лыжах с трамплина, bobsledder – бобслеист, luger (luge rider), tobogganer – саночник; curler – кёрлингист; skeleton racer (skeleton driver) – скелетонист; bobsleigh driver – пилот, рулевой в бобслее; bobsleigh pusher – толкатель, толкач, разгоняющий в бобслее; sweeper (свиппер – игрок, полирующий лед в керлинге); ice dancer – танцор на льду; winger – крайний нападающий; starter – спортсмен на старте; defender – защитник, racer – гонщик; finisher – финишер;

– **or**: race director – руководитель гонок; skiing instructor – инструктор по лыжам; competitor – участник соревнования.

2. Названия видов спорта:

– **ing**: cross-country skiing – лыжные гонки; alpine skiing – горнолыжный спорт; ski-jumping – прыжки на лыжах с трамплина; freestyle skiing (freestyling) – фристайл; snowboarding – сноуборд; curling – керлинг; tobogganing – санный спорт; short-track speed skating – шорт-трек; speed skating – конькобежный спорт; figure-skating – фигурное катание.

Словосложение, конверсия, сложносокращенные слова (аббревиатуры) имеют отношение к безаффиксальным способам.

Словосложение – соединение двух или более слов в одно сложное слово, при этом, образованные слова пишутся как слитно, так и через дефис. Важно обозначить, что в процессе сложения основ два словообразующих компонента имеют самостоятельное лексическое значение. Слово, образованное таким способом, называют слово-композит [20, с. 2].

Рассмотрим примеры моделей словосложения:

Модель N + N. (сущ. + сущ.):

- bobsledding (Am.E.) (bob + sledding) = (бобслей);
- bobsleigh (Br.E.) (bob + sleigh) = бобслей;
- biathlon (bi + athlon) = биатлон;
- biathlete (bi + athlete) = биатлонист;
- goal - keeper (goal+keeper) = гол-кипер, вратарь;
- halfpipe (half + pipe) = хафпайп;
- sportsman (sports + man) = спортсмен;
- vice – skip (vice + skip) = вице-скип;
- brakeman (brake + man) = тормозящий;
- crewman (crew + man) = член команды;
- marksmanship (marks+man+ship) = искусство стрельбы, меткость;
- snowboard (snow + board) = сноуборд;
- marksman (marks+man) = меткий стрелок;
- sportsmanship (sports + man + ship) = спортивное мастерство;
- cross – country (cross + country) = гонка по пересеченной местности в

лыжных видах спорта.

Модель Adj. + N. (прилаг. + сущ.):

- freestyle (free + style) = фристайл;
- short-track (short + track) = шорт – трек;
- - downhill (down+hill) = скоростной спуск (на лыжах).

Как видно из примеров самой распространенной в нашем исследовании стала модель словосложения N +N (сущ. + сущ.).

Конверсия – трансформация одной части речи в другую, без изменения внешней словоформы. Конверсия широко применяется в английском языке благодаря ее аналитическому строю. Эффективность конверсии объясняется стремлением сэкономить языковые средства. В нашем исследовании наиболее продук-

тивным видом конверсии оказалась субстантивация, когда слово из любой части речи становится существительным.

Рассмотрим примеры:

- to run (бежать, бегать) – run (бег);
- to start (стартовать) – start (старт);
- to finish (финишировать) – finish (финиш);
- to race (состязаться в скорости) – race (гонка; заезд, забег);
- to ski (ходить на лыжах) – ski (лыжа);
- to skate (кататься на коньках; соревноваться в беге на коньках) – skate (катание на коньках);
- to flip (переворачивать) – flip (сальто, флип);
- to score (набирать очки, вести счёт (в игре); выигрывать) – score (счёт очков (в игре));
- to twist (крутиться, вращаться, поворачиваться) – twist (изгиб, поворот; кручение);
- to spin (крутиться, вертеться) – spin (верчение, вращение, кружение; прыжок кувырком);
- to jump (прыгать) – jump (прыжок);
- to win (победить, выиграть) – win (победа);
- to judge (судья, рефери) – judge (судить);
- to turn (поворачиваться, вращаться) – turn (вращение, вращательное движение, круговое движение);
- to track (прокладывать путь, прокладывать колею) – track (трек, лыжня; беговая дорожка);
- to relay (передавать, отправлять, сменять) – relay (эстафета);
- to lap (проходить дистанцию; обгонять на дистанции (на целый круг)) – lap (круг, раунд, этап, тур; заезд);
- to sled (кататься на санках) – sled (санки, сани);

- to speed (двигаться поспешно; мчаться) – speed (скорость; темп);
- to toboggan (кататься на санках; скатываться с горы на санях) – toboggan (санный спорт);
- to skeleton (нарисовать контур; наметить в общих чертах) – skeleton (скелетон (разновидность санного спорта));
- to luge (кататься на санках) – luge (санный спорт);
- to target (ставить цель, намечать цель; делать кого-л. мишенью) – target (мишень);
- to end (заканчиваться) – end (энд (в керлинге означает период));
- to house (размещаться) – house (дом (зона на каждом конце ледовой полосы, «мишень») в керлинге.
- **Сложносокращенные слова (аббревиатуры)** – слово или имя, сформированное путем сложения начальных компонентов более длинного имени или фразы. Обычно аббревиатуры образуются из начальных букв слов, но иногда используются слоги. Данный способ получил распространение позже других словообразовательных способов. Он весьма продуктивен и широко применяется в процессе образования новых сокращенных наименований. В сфере спортивной терминологии их можно найти в названиях всевозможных интернациональных федераций.

Рассмотрим примеры:

- AIOWF (Association of International Olympic Winter Sports Federations) – Ассоциация международных федераций Олимпийских зимних видов спорта
- FIS (International Ski Federation) – Международная Федерация лыжного спорта;
- FIL (International Luge Federation) – Международная Федерация санного спорта;
- ISU (International Skating Union) – Международный союз конькобежцев;
- WCF (World Curling Federation) – Всемирная федерация керлинга;

- IBU (International Biathlon Union) – Международный союз биатлонистов;
- IBSF (International Bobsleigh & Skeleton Federation) – Международная Федерация бобслея и скелетона
- FIBT (International Bobsleigh & Toboggan Federation);
- IIHF (International Ice Hockey Federation) – Международная федерация хоккея на льду.

Таким образом было проанализировано 150 терминов зимних видов спорта. По результатам исследования наиболее продуктивным способом оказался суффиксальный, с применением которого было образовано 56 терминов (37%). Способом конверсии было образовано 40 терминов (26%). С помощью словосложения и аббревиации образовано 28 (18%) и 19 (15%) соответственно. Одним из самых малопродуктивных способом оказался префиксальный – 7 (4%).

Список литературы

1. Абросимова Л.С. Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии. *Вестник Томского государственного университета*. 2011; 351:7–13.
2. Авербух К.Я. *Общая теория термина*. М.: Иваново; 2004. 252с.
3. *Большой толковый словарь иностранных слов*. «Феникс»; 2000. БСЭ. Т. 42. С. 302.
4. Cuddon J.A. *The Macmillan dictionary of sports and games*. [Электронный ресурс]. London; 1980 [дата обращения: 22.02.2024].
5. *The visual dictionary of sports and games*. [Электронный ресурс]. Montreal; 2009 [дата обращения: 12.03.2024].
6. Хисамова В.Н., Ибатулина Л.М. Словосложение, конверсия и аббревиация как способы образования химической терминологии в английском и татарском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2(1): 75–85 [дата обращения: 24.02.2025].
7. Винокур Г.О. *Заметки по русскому словообразованию*. Избранные работы по русскому языку. Москва; 1959. С. 419–442.
8. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.; 1966. С. 467.
9. *Общий терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи [Текст] / англо-русский*. М.: Оргкомитет «Сочи 2014»; 2012. 1050 с. Библиотека «Сочи 2014».
10. Lieber R. *Introducing Morphology*. *Cambridge Introductions to Language and Linguistics*. Cambridge University Press; 2015. 255 p.
11. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.; 1979. 259 с.
12. Арнольд И.В. *Лексикология современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.* 3-е изд., перераб. и доп. М.; 1986. 295с.
13. Мешков О.Д. *Словообразование современного английского языка*. М.: Наука; 1976. 245 с.
14. Room A. *Dictionary of sports and games terminology*. [Электронный ресурс]. London; 2010. [дата обращения: 1.03.2024].
15. Tomlinson A. *A Dictionary of Sports Studies*. [Электронный ресурс]. Oxford; 2010. 528 p. [дата обращения: 11.03.2024].
16. Суслов Ф.П. *Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов*. СпортАкадемПресс; 2001. 480 с.
17. Plag I. *Word-Formation in English*. *Cambridge Textbooks in Linguistics*. 2 ed. Cambridge University Press; 2018. 258 p.

18. Виноградов В. В. *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* М.; 1975. 560 с.
19. Земская Е.А. *Активные процессы современного словопроизводства.* Русский язык конца 20 столетия. М.: Наука; 1996. 220 с.
20. *Longman English Dictionary.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> [дата обращения: 23.02.2024].

References

1. Abrosimova L.S. Sources and basic principles of a cognitive derivatology. *Bulletin of Tomsk state university.* 2011; 351:7–13. (In Russ.).
2. Averbuh K.Ja. *General theory of the term.* М.: Ivanovo; 2004, 252 p. (In Russ.).
3. *Big Explanatory Dictionary of Foreign Words.* Fenix; 2000, vol. 42. 302 p. (In Russ.).
4. Cuddon J.A. *The Macmillan dictionary of sports and games.* London; 1980. [accessed: 20.01.2024].
5. *The visual dictionary of sports and games.* Montreal; 2009. [accessed: 14.02.2024].
6. Khisamova V.N., Ibatulina L.M. Compounding, conversion and abbreviation as ways of formation of chemical terminology in English and Tatar languages. *Kazan Linguistic Journal.* 2019; 2(1): 75–85. (In Russ.) [accessed: 24.01.2025].
7. Vinokur G.O. *Notes on Russian word formation. Selected works on the Russian language.* Moscow; 1959. P. 419–442.
8. Ahmanova O.S. *Dictionary of linguistic terms.* М.; 1966. 467 p. (In Russ.).
9. *General Terminological Glossary of the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi.* М.: Organizing Committee «Sochi 2014»; 2012. 1050 p. Библиотека «Sochi 2014».
10. Lieber R. *Introducing Morphology. Cambridge Introductions to Language and Linguistics.* Cambridge University Press; 2015, 255 p.
11. Arakin V.D. *Comparative typology of English and Russian languages.* L.; 1979. 259 p. (In Russ.).
12. Arnold I.V. *Lexicology of Modern English.* М.; 1986. 295 p. (In Russ.).
13. Meshkov O.D. *Word Formation in modern English.* М.: Nauka; 1976. 245 p. (In Russ.).
14. Room A. *Dictionary of sports and games terminology.* London; 2010. [accessed: 20.01.2024].
15. Tomlinson A. *A Dictionary of Sports Studies.* Oxford; 2010. 528 p [accessed: 12.02.2024].
16. Suslov F.P. *Sports terminology. Explanatory dictionary of sports terms.* SportAcademPress; 2001. 480 p. (In Russ.).
17. Plag I. *Word-Formation in English. Cambridge Textbooks in Linguistics.* 2 ed. Cambridge University Press; 2018. 258 p.
18. Vinogradov V.V. *Word formation in its relation to grammar and lexicology,* in his book: *Selected works. Research in Russian grammar.* М.; 1975. 560 p.
19. Zemskaya E.A. *Active processes of modern word production.* Russian language of the end of the 20th century. Moscow: Nauka; 1996. 220 p.
20. *Longman English Dictionary.* Available from: <http://www.ldoceonline.com>. [accessed: 25.01.2024].

Автор публикации

Шарикова Фатимет Николаевна –
кандидат филологических наук
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Краснодар, Россия
Email: emma.sharikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6184-9479>

Author of the publication

Sharikova Fatimet Nikolaevna –
PhD
Kuban State University of Physical Education, Sport
and Tourism,
Krasnodar, Russia
Email: emma.sharikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6184-9479>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Одобрена после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 13.01.2025

Approved after peer reviewing: 20.02.2025

Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 16.06.2025. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

Дата выхода в свет: 16.06.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужиной, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

